

484 22

винъ

чка

Романъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСБ“
РИГА • ЛАТВІЯ • ГРЪШНАЯ УЛИЦА • 25

1 2 3 4

Всѣ права сохранены за авторомъ

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ CXIV

ИВ. Ф. НАЖИВИНЪ

БОЛЬШЕВИЧКА

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА / ГРѢШНАЯ УЛИЦА № 25
1 9 3 1

**Печатано въ типографія «ГРАМАТУ ДРАУГСЬ»
Рига, Петродерковная площ. 25-27.**

ПРОЛОГЪ

...А утромъ опять пришелъ въ храмъ и весь народъ шелъ къ Нему. Онъ съелъ и утилъ ихъ. Тутъ книжники и фарисеи привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣяннѣ, и поставивъ ее посреди, сказали Ему: „Учитель, эта женщина взята въ прелюбодѣяннѣ. А Моисей въ законъ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями. Ты что скажешь?“ Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь къ обвиненію Его. Но Іисусъ, наклонившись низко, писалъ перстомъ по земль...

Іоаннъ, VIII, 2—6.

I

Когда-то щеголеватая и веселая Одесса подъ ударами гражданской войны вся опустилась, загрязнилась и какъ-то ошетибилась. Всюду безконечные хвосты — на хлѣбъ, на уголь и даже на простую воду. Вошь кипитъ и повсюду разноситъ смертоносный тифъ. Покойниковъ отпѣваютъ партіями, настѣхъ, потому что ждутъ слѣдующіе: на могилы тоже очередь, какъ на все. Одесса занята вооруженными людьми, которые называютъ себя почему-то „бѣлой“ арміей и которые, въ ожиданіи смерти, пьютъ, развратничаютъ, стрѣляютъ, вѣшаютъ, болѣютъ тифомъ, говорятъ громкія слова и опять пьютъ...

Со стороны степи умирающій городъ оцѣпили какіе-то дикіе, лохматые оборванцы, которые зовутъ себя почему-то петлюровцами и которые грабятъ, стрѣляютъ, вѣшаютъ, гибнутъ въ тифу, мокнуть подъ дождемъ, развратничаютъ, говорятъ громкія слова и пьютъ. Въ когда-то оживленномъ порту тяжело лежатъ на волнахъ, точно мертвые чудовища, французскіе броненосцы. Бѣлые почему-то возлагаютъ на нихъ радужныя надежды, но французы пьютъ, днями сидятъ въ загаженныхъ кафе, стрѣляютъ глазами по хорошенькимъ одесситкамъ, наполняютъ по вечерамъ непристойныя дома, говорятъ разныя слова и пьютъ. А въ довершеніе всего съ сѣвера, отъ Кіева, тяжелой тучей надвигаются красные, которымъ хочется раздавить и петлюровцевъ, и бѣлыхъ, и французовъ. И они тоже стрѣляютъ, вѣшаютъ, выпускаютъ кишки, грабятъ, жгутъ, говорятъ красивыя и страшныя слова и пьютъ. Мирное населеніе живетъ, какъ въ кошмарѣ, голодаетъ, холодаетъ и мучительно ждетъ свѣтлаго момента,

когда провалятся къ чорту и красные, и бѣлые, и петлюровцы, и союзники, когда никто не будетъ ихъ грабить, и вѣшать, и жечь, когда можно будетъ работать и радоваться... Но въ мутныхъ далихъ жизни свѣтлаго дня этого не видно. Большевицкіе агенты шныряютъ всюду и нашептываютъ, что день этотъ принесутъ съ собою вшивые парни, надвигающіеся съ ржавыми винтовками и пушками отъ Москвы подъ краснымъ знаменемъ какого-то интерцентрала. Пустыя головы вѣрятъ этому или дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, а люди поумнѣе не спятъ въ тоскѣ цѣлыми ночами, ожидая новой пальбы пушекъ и винтовокъ, новыхъ грабежей, новыхъ лжей. И по черному небу, точно блѣдные мечи, точно холодные пальцы смерти, за-таившейся за горизонтомъ, бродятъ длинные лучи французскихъ прожекторовъ.

Среди этихъ апокалиптическихъ картинъ страданій и смерти жилъ въ крошечной комнаткѣ гостиницы „Лондонъ“, когда-то шикарной, а теперь переполненной и запущенной до самой послѣдней степени, извѣстный писатель Андрей Андреевичъ Костроминъ. Европейская война застала его въ полномъ расцвѣтѣ молодости, начинающейся славы, богатства. Его жизнь была сплошнымъ праздникомъ, который весь пылалъ огнями его пламенной фантазіи. Онъ былъ эстетъ и анархистъ. Онъ ждалъ Великаго Обновленія Земли, — онъ такъ и писалъ всегда эти слова съ большой буквы — но подъ этимъ разумѣлъ онъ не кровавую и грязную революцію, которую дѣлаетъ толпа на грязныхъ улицахъ, а внутренняго преображенія человѣка, немногихъ аристократовъ, избранниковъ духа. А за ними, первыми ласточками, полетитъ и все человѣчество въ Землю Великой Радости... На войнѣ онъ добросовѣстно исполнилъ свой долгъ, — онъ вѣрилъ, что это война войнъ, что это послѣдняя война, прологъ къ Великому Воскресенію — былъ трижды раненъ и — завялъ: въ страшныхъ окопахъ, подъ нѣмецкой шрапнелью, среди картинъ крови, разврата, безсмыслицы нестерпимой, умерла, какъ фея съ лазурными крылышками, его нарядная вѣра. И война гражданская, въ сто разъ болѣе страш-

ная, чѣмъ война народовъ, добила послѣднюю надежду. Вопросъ теперь былъ не въ томъ, чтобы вести изумлен-
ное и зачарованное человѣчество въ Землю Великаго Ра-
дованія, а въ томъ, чтобы дать ему хлѣба, дать ему по
ночамъ свѣта, дать ему воды для борьбы съ этими миріа-
дами страшныхъ вшей. И, если погибала жизнь тѣла
среди этихъ смерчей безумія и ярости, то еще болѣе
страшна была гибель души человѣческой. Люди лгали,
какъ никогда, люди предавали, какъ никогда, люди превра-
щались въ какихъ-то окровавленныхъ орангутанговъ, для
которыхъ уже не существовало никакихъ законовъ, ни
божескихъ, ни человѣческихъ.

И стало мучительно жаль старую Россію. Мысль, что
она погибнетъ, станетъ навозомъ для другихъ народовъ,
была непереносима. Черезъ сотни препятствій, черезъ ты-
сячи всякихъ опасностей — большевики ненавидѣли самое
имя его, поэта и энтузіаста, — онъ прорвался черезъ кро-
вавые кордоны ихъ на югъ, къ бѣлымъ, и сразу пламенное
слово его обратило на него всеобщее вниманіе. Военная
молодежь, умиравшая за старую Россію подъ трехцвѣт-
нымъ знаменемъ, молилась на него. Главное командованіе
перепечатывало его статьи изъ газетъ и расклеивало ихъ
по угламъ улицъ. Онъ становился вдохновителемъ, душой
бѣлаго движенія, возстанія за Россію. Онъ просилъ о за-
численіи его въ одинъ изъ ударныхъ полковъ, но главно-
командующій, старый гвардейскій генералъ, князь Луто-
хинъ, вызвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Другъ мой, возьмите ваше прошеніе обратно. Три
нашивки на вашемъ рукавѣ всѣмъ говорятъ о томъ, что
вы не трусь. Если у бѣлыхъ прибавится одной саблей
или однимъ штыкомъ больше, отъ этого ничего не измѣ-
нится; но если замолкнетъ вашъ голосъ, измѣнится, мо-
жетъ быть, очень многое. Дѣлайте свое прекрасное дѣло,
а мы будемъ дѣлать свое...

— Это совѣтъ или приказаніе, ваше превосходитель-
ство?

Князь посмотрѣлъ на его одухотворенное лицо своими
умными, слегка печальными глазами.

— Это — приказаніе... — сказали онъ.

— Слушаюсь... — отвѣчалъ Костроминъ.

Онъ говорилъ отходящимъ на фронтъ частямъ пламенныхъ рѣчи, онъ посѣщалъ лазареты, онъ ѣздилъ вдоль линіи огня, поднимая духъ истомленныхъ бойцовъ, онъ усиливался повѣрить въ свое дѣло, но вѣра его неудержимо разрушалась. Если среди молодежи, беззавѣтно, красиво умиравшей въ бояхъ съ красными, были подвижники и святые, то въ тылахъ и на верхахъ шло что-то невѣроятное: тамъ пьянствовали, развратничали, продавались, спекулировали всѣмъ и точно старались превзойти одинъ другого въ безстыдствѣ и преступности. Старые генералы съ громкими именами, графини, промышленники, газетчики, сестры милосердія, профессора, думцы превратились въ какую-то озвѣрѣлую банду каторжныхъ и рвали тылы, какъ шакалы. Всякій успѣхъ на истомленномъ фронтѣ, всякая жертва кровавая въ степяхъ безкрайнихъ тутъ сразу пускались въ торговый оборотъ и превращались въ твердую валюту. Стыда не было совершенно. Всѣмъ и все было позволено. И Костроминъ понималъ, почему такъ печальны глаза стараго главнокомандующаго.

— Да, да... — тяжело вздохнулъ старикъ, опуская свою бѣлую, тяжелую, красивую голову. — Положеніе безнадежное. Только чудо можетъ спасти насъ и Россію. Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, чьи доблестъ и искусство побѣдять, а только въ томъ, кто скорѣе разложится окончательно. Но смотрите, другъ мой, и словомъ однимъ не касайтесь страшной правды этой. Подумайте о молодежи, умирающей въ степяхъ...

— Но, возвращаясь раненой въ тылъ, молодежь сама видитъ все это, князь... — отвѣчалъ Костроминъ. — Вы не слышали, что было на-дняхъ у Фанкони, въ кондитерской?

— Нѣтъ. А что?..

— Какой-то молоденькій офицеръ въ неразъ прострѣленной шинели пилъ у своего столика эту новую бурду, которую теперь подаютъ вмѣсто кофе. Самъ блѣдный весь, даже зеленый. На полѣ шинели запекшаяся

кровь. А рядомъ съла компанія новыхъ шакаловъ этихъ: веселье, смѣхъ, остроты. Одинъ на спичкахъ, хвалится, 400,000 въ пять минутъ „заработалъ“, другой дамскими шелковыми чулками спекульнулъ, третій съ валютой дѣльце наладилъ. И одинъ толстый кричитъ: „да развѣ мы рубль на рубль беремъ? Только копеечка на копеечку“... И взрывъ хохота... И дамы какія-то накрашенные съ ними. И вдругъ офицеръ встаетъ, беретъ стулъ и — опускаетъ его на головы кровопийцъ: такъ жате же вамъ!.. Я видѣлъ, когда его, арестованнаго, вели въ комендантское управленіе: онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, губы были крѣпко сжаты и въ глазахъ горѣлъ мрачный огонь. Что же намъ дѣлать, князь?..

Старикъ безпомощно развелъ руками.

— Только чудо можетъ спасти насъ... — повторилъ онъ уныло, безъ всякой вѣры въ то, что говорить.

— Многіе говорятъ, что вамъ, верховному представителю власти, слѣдовало бы ударить по преступнымъ головамъ... — сказалъ Костроминъ.

— Вѣшать? — усмѣхнулся генералъ. — Но лѣса въ Одессѣ на висѣлицы не хватитъ. И въ первую голову я долженъ былъ бы повѣсить цѣлый рядъ генераловъ. И среди офицеровъ есть не мало такихъ, которые возятъ въ обозѣ за собой рояли „отъ благодарнаго населенія“... А спекулянты?

— Одинъ остро словъ выдвинулъ проектъ всѣхъ этихъ хищниковъ выгнать казаками на фронтъ и передать краснымъ, — пусть разрушаютъ ихъ тылы. Или пусть, по крайней мѣрѣ, изопьютъ въ чрезвычайкахъ чашу скорби до дна...

— Слова, слова... — сказалъ генералъ. — Произносить ихъ ничего не стоитъ, а возьми власть въ руки и попробуй сдѣлать что-нибудь... Будь нѣсколько шаршивыхъ овецъ, нѣсколько преступниковъ, все было бы просто, а въ томъ-то вся и бѣда, что все заражено сплошь. Вамъ извѣстно, конечно, что у Деникина во время боевъ на Кубани были отряды, которые въ теченіе дня по нѣсколько разъ переходили отъ бѣлыхъ къ краснымъ, и обратно: гдѣ безопаснѣе...

Только нѣсколько весталокъ хранить священный огонь бѣлаго движенія, а остальные... — онъ махнулъ рукой. — Да, да... Будьте очень осторожны съ этими темами, другъ мой. Не бережете страшныхъ ранъ безплодно. Все, что намъ остается, это дѣлать видъ, что мы вѣримъ въ успѣхъ, что мы побѣдимъ. Авось какъ-нибудь что-нибудь и образуется...

Сцѣпивъ зубы, Костроминъ продолжалъ свое дѣло. Но чуткіе уже слышали, что будящій спящихъ колоколъ его сталъ издавать дребезжащій звукъ, точно надкололся. И иногда, въ угрюмые сумерки, приходили къ нему израненные юноши въ прострѣленныхъ и окровавленныхъ шинеляхъ, голодные, разутые и плакали предъ нимъ страшными, ядовитыми слезами... За окномъ бухали безмысленные выстрѣлы патрулей, которымъ было очень страшно въ темнотѣ, — освѣщенія въ городѣ уже не было за недостаткомъ угля — иногда съ окраины доносился рваный звукъ залпа: вѣроятно, разстрѣливали пойманныхъ красныхъ. А съ моря, изъ мертваго порта, тихо, беззвучно поднимались длинные, блѣдные лучи прожекторовъ и опять всѣмъ казалось, что это смерть, затаившись за горизонтомъ, шарить по городу своими длинными холодными пальцами: пора или еще подождать?..

II

Опустивъ свою красивую, сухую, въ нѣжныхъ завиткахъ блѣднаго золота, голову, Костроминъ шелъ Пушкинскимъ бульваромъ. Онъ все пытался угадать страшныя судьбы Россіи, но темныя и грозныя были дали будущаго. Если съ этой, блѣлой, стороны была какая-то большая правда, то она тонула въ океанѣ шкурничества, пьянства, разврата, измѣны; и если съ той, красной, стороны были звѣриные ужасы чрезвычайскъ и разгуль горицкы, то все же — этого онъ, смѣлый мыслитель, отрицать не хотѣлъ и не могъ — и у нихъ тоже была какая-то своя, и большая, правда. Въ ихъ возстаніи противъ тяжелой жизни

и всѣхъ жгучихъ неправдъ ея было много справедливаго — вся бѣда была только въ томъ, что они старыя преступленія и ложь замѣняли новыми лжами и преступленіями, что они поставили только все кверху ногами, не измѣнивъ ничего по существу, что на новый ладъ пѣли они очень старую погудку. Онъ зналъ въ ихъ рядахъ не мало сердець благородныхъ и горячихъ, — какъ и тутъ. И особенный ужасъ совершавшагося въ томъ и былъ, что съ обѣихъ сторонъ въ смертномъ бою гибли именно чистые, строгіе, вѣрные, а за ними, въ гнусныхъ тылахъ, декламировали, жестикулировали, пьянствовали и спекулировали тучи негодяевъ, сводя подвигъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ къ нулю. Результатъ былъ ясенъ: полибнетъ все идеалистическое и тамъ, и здѣсь и восторжествуетъ грязная утроба — красная или бѣлая, все равно. А тогда... что тогда? Выводы были слишкомъ страшны, чтобы можно было подвести черту итоговъ.

— Батюшка, Андрей Андреичъ, а я весь городъ избѣгалъ въ поискахъ за вами...

Костроминъ поднялъ голову. Передъ нимъ былъ обрюзгшій, неопрятный человѣкъ съ невѣрными глазами пьяницы и мѣшками подъ ними. Это былъ когда-то извѣстный писатель, Смѣтовъ, писавшій въ жидкихъ томикахъ своихъ исключительно о „молодыхъ дѣвушкахъ“. Теперь онъ строчилъ въ умирающихъ мѣстныхъ газеткахъ — не было ни угля, ни бумаги — поганенькіе рассказы во французскомъ стилѣ съ голыми дамами и прочими пріятностями. И когда ему осторожно намекали, что ему, старику, было бы не грѣхъ выбирать другія темы, его пьяные глазки наливались злобой, обрюзгшее лицо начинало трястись, какъ студень, и онъ сильнымъ голосомъ своимъ раздраженно отбивался:

— А что же прикажете теперь мораль, что-ли, разводить? Людямъ хочется забыться... Вотъ я и подношу имъ чего поострѣе...

Это было вранье. Просто онъ весь былъ сосредоточенъ на публичномъ домѣ, — онъ былъ постояннымъ гостемъ тамъ — а кромѣ того, за остренькія темки и пла-

тили охотѣе: на нихъ спросъ въ бѣломъ — какъ и въ красномъ — лагерь былъ очень большой...

Костроминъ, пожимая потную, дряблую руку собрата, невольно внутренне съежился.

— Въ чемъ дѣло? — съ холодкомъ спросилъ онъ.

— Въ Одессу съ фальшивымъ паспортомъ и большими милліонами только-что пріѣхала знаменитая большевичка Норвилло... — сказалъ тотъ, вытирая потный, лысый лобъ неопрятнымъ платкомъ. — Говорятъ, послана для того, чтобы поднять возстаніе на французскихъ корабляхъ...

— Но... что же я могу тутъ сдѣлать? — сказалъ Костроминъ. — Да и вообще, вѣрно ли все это?.. Вы знаете, какіе слухи то-и-дѣло поднимаются въ городѣ...

— Если бы было невѣрно, такъ я не сталъ бы и беспокоить васъ... — нѣсколько обиженно сказалъ неопрятный старикъ. — Всѣмъ извѣстно, что она въ послѣднее время кутила въ Кіевѣ, подъ чужимъ именемъ, разумеется, съ нашими бѣлыми офицерами: ей надо было внести разложеніе въ наши ряды и, по пути, выведать наши тайны. А вчера ее видѣли люди, знавшіе ее по Петербургу, на Дерибасовской въ компаніи французскихъ офицеровъ... Она въ черномъ каракулевомъ сакѣ, очень изящна и обаятельна, хотя ей уже, повидимому, порядочно за тридцать.

Костроминъ слушалъ съ недовѣріемъ. „Внести разложеніе“, выведать тайны — неужели же они такіе дураки, чтобы не видѣть, что бѣлые и безъ ихъ помощи разлагаются вполне исправно, а что касается до нашихъ тайнъ, то за всѣ ихъ нельзя дать и пятакъ...

— Ну, такъ... — уныло сказалъ онъ. — Такъ опять-таки я-то тутъ причемъ?

— Вамъ надо сейчасъ съѣздить къ главнокомандующему и все рассказать... — сказалъ Смѣтовъ. — Я и самъ поѣхалъ бы, но кто же изъ нихъ меня тамъ слушать будетъ? А вы у нихъ человѣкъ съ вѣсомъ. Непремѣнно поѣзжайте! Иначе Одессѣ — конецъ. Эта дама изъ Амстердама свое дѣло знаетъ. Да и милліоны! А вы поду-

майте, что тутъ только будетъ, если городъ займутъ красные. Тутъ большевиками кишить...

Это смутило Костромина. Въ самомъ дѣлѣ, если бы городъ былъ захваченъ врасплохъ, погибли бы тысячи и тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей. И, въ концѣ концовъ, если свѣдѣнія невѣрны, то развѣдка скоро убѣдится въ этомъ и дѣло бросить. А вѣрнѣе всего ничего они и дѣлать не будутъ и еще надуются, что открыли въ городѣ присутствіе опасной большевички не они, а частные люди. Пьяницы проклятые... — подумалъ онъ съ отвращеніемъ.

— Хорошо... — сказалъ онъ. — Главнокомандующій выѣхалъ сейчасъ на фронтъ, но вечеромъ будетъ назадъ и я у него побываю немедленно.

— Нѣтъ, времени терять никакъ не слѣдуетъ...—сказалъ Смѣтовъ упрямо. — Если князя нѣтъ, поѣзжайте въ развѣдку: они и безъ него послушаютъ васъ. Можете сослаться и на меня... — съ важностью добавилъ онъ. — Помните: промедленіе времени смерти подобно...

— Хорошо. Я зайду сейчасъ же... До свиданія...

— До свиданія. Да, à propos: а у васъ не найдется нѣкотораго количества презрѣннаго металла? — развязно добавилъ Смѣтовъ. — Если есть, то было бы хорошо, если бы вы накормили собрата скромнымъ обѣдомъ...

— Нѣкоторое количество бумажекъ я дать вамъ могу, — сказалъ Костроминъ, — а обѣдъ отложимъ до другого раза. Я въ кислому настроеніи сегодня. Да и вы сами говорите, что надо спѣшить...

— Это такъ... — сказалъ Смѣтовъ. — Тогда одолжите на время, что можете. Я скоро получу гонораръ съ „Листка“ и тогда вамъ все съ благодарностью возвращу. Ужасъ эта дороговизна — безъ ножа рѣзать... Спасибо. А ривидерчи!... И всякаго успѣха... Помните: въ черномъ каракулевомъ сакѣ. И очень эффектно... Пока!

И, помахавъ неопытной рукой, онъ потрусилъ въ — кабакъ. А Костроминъ нерѣшительно направился въ развѣдку. Его немного мутило: Норвилло — онъ иногда до войны встрѣчалъ ея статьи въ журналахъ — была какъ

будто изъ искреннихъ, съ отонькомъ. Не нравился ему въ ней всегда фанатизмъ: это была какая-то красная божыня Морозова, Савонарола, готовый каждую минуту и зажечь костеръ во имя Господне для другихъ, и взойти на костеръ, возженный другими. И печаль заволокла душу: она иногда напоминала ему своимъ задоромъ ту, „Красную Мадонну“, Шурочку Алябьеву, которая такъ яростно преслѣдовала его въ Лозаннѣ своими ядовитыми нападеніями за его буржуазные уклоны и къ которой тогда его такъ неодолимо влекло...

— Полковникъ дома? — спросилъ онъ лихого вѣстового, который этой своей лихостью явно очень гордился.

— Пожалуйте... Принимаютъ... Дозвольте пальто.

И онъ передалъ посѣтителя хлыщеватому и неприятному адъютанту, въ прыщахъ, отбывавшему воинскій долгъ здѣсь, вдали отъ фронта и вблизи отъ одесскихъ, хотя и голодныхъ, ресторановъ, а тотъ, очаровательно улыбнувшись, сейчасъ же доложилъ полковнику.

— Пожалуйте... — слегка, кокетничая, изычно согнулся онъ передъ Костроминымъ.

Тотъ вошелъ въ сумрачный кабинетъ, реквизированный у какого-то еврея-ростовщика. Навстрѣчу ему, изъ-за письменнаго стола, поднялся полковникъ Стишинскій, круглый, розовый, чистый, щеголеватый, но съ пьянымъ блескомъ въ глазахъ, которые онъ всегда старался сдѣлать то сверлящими „до дна души“, то будто бы закрывалъ ихъ для непроницаемости заслонками: онъ вычиталъ гдѣ-то, что именно такъ надо представлять современныхъ „слѣдопытовъ“.

— Мое почтеніе!.. — любезно протянулъ онъ руку. — Прошу присѣсть. Чѣмъ могу служить?..

Костроминъ, преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, изложилъ ему вкратцѣ все дѣло. Полковникъ многозначительно протянулъ губы и сдѣлалъ видъ, что думаетъ.

— Да, да... — сказалъ онъ, наконецъ. — Цѣ дило треба розжувати, какъ говорить кто-то у Гоголя, кажется... — сказалъ онъ значительно. — Это птичка опытная и ее

голыми руками не возьмешь. Во всякомъ случаѣ я чрезвычайно благодаренъ вамъ за сообщеніе и сейчасъ же сдѣлаю всѣ необходимыя распоряженія. Очень благодаренъ.

Костроминъ откланялся и вышелъ — съ удовольствіемъ. Въ душѣ его скребло: онъ, ясно, взялся не за свое дѣло. Жизнью человѣчества руководятъ какія-то огромныя силы, которымъ человѣкъ часто не знаетъ и имени и которыхъ онъ въ послѣднее время, послѣ крушенія своего прежняго міровоззрѣнія, ощущалъ вокругъ себя все осязательнѣе и потому прїѣздъ или отъѣздъ какой-нибудь, хотя бы и самой отчаянной, большевички не можетъ имѣть никакого значенія. Кажется иногда, что Наполеонъ воровалъ огромными дѣлами, но это только оптический обманъ: если онъ попалъ на островъ св. Елены, то ясно, что онъ былъ дуракъ и что всѣ расчеты его были вздорны. Всякая жизнь это a lip in the dark...*)

Его мучило все болѣе и болѣе. Сомнѣніе ширилось, росло и захватывало запретныя области. Онъ началъ сомнѣваться и вообще въ своей дѣятельности тутъ, той дѣятельности, за которую его боготворила умирающая молодежь и которая приводила, однако, прежде всего къ тому, что къ нему приходили израненные жизнью люди только для того, чтобы передъ нимъ плакать. Нѣтъ, что-то тутъ не такъ... — не разъ, морщаась, повторялъ онъ себѣ. — Рѣшительно, что-то тутъ не такъ...

И ему хотѣлось сейчасъ же вернуться къ полковнику и какъ-нибудь остановить ту машину, которую онъ привелъ въ дѣйствіе. Было ясно: повѣшеніе это было самымъ легкимъ заключеніемъ начатаго имъ дѣла. Но... неужели же, въ самомъ дѣлѣ, для восстановленія и укрѣпленія Россіи нужны висѣлицы?.. Неужели же нужны краснымъ разстрѣлы для установленія всемірнаго братства людей въ царствѣ справедливости и всеобщаго довольства?

И вечеромъ, не выдержавъ, онъ снова направился въ развѣдку, чтобы узнать, чѣмъ тамъ у нихъ все это кон-

*) *Прыжокъ въ темноту.*

чилось. Онъ желалъ только одного: чтобы Смѣтовъ навралъ и чтобы все кончилось мыльнымъ пузыремъ...

III

Но полковникъ радостно поднялся ему навстрѣчу:

— Взяли... Очень, очень благодарю васъ...

И онъ крѣпко пожалъ руку совершенно смутившемуся Костромину.

— И, правда, денегъ на ней было много?.. — спросилъ, чтобы что-нибудь сказать, Костроминъ.

— Нѣтъ, денегъ было немного.... — опустил глаза полковникъ. — Но она сама кладъ...

И что-то ярко и опредѣленно сказало Костромину, что деньги были, но что они уже перешли въ другіе карманы. Стало еще противнѣе.

— Не хотите ли взглянуть на вашу добычу? — любезно осведомился полковникъ, блестя своими невѣрными глазами. — Мму!... — чмокнулъ онъ кончики пальцевъ. — Если у нихъ всѣ такія, то, чортъ возьми, они горами будутъ ворочать... Что за женщина! Хотите взглянуть?

— Интересно... — сказалъ Костроминъ, испытывая какое-то болѣзненное любопытство. — Тѣмъ болѣе, что я зналъ ее по ея литературнымъ работамъ...

— А-а, значить, собратъ, такъ сказать... — засмѣялся полковникъ. — Но ничего не подѣлаешь! Попадись вы ей въ лапы, и вы тоже дешево не отдѣлались бы. Затѣмъ пріѣхала... Пойдемте, посмотрите...

Они прошли черезъ сумрачную переднюю — все въ этомъ домѣ было угрюмо — въ канцелярію. При входѣ начальства писаря подтянулись. Полковникъ строго бросилъ часовому:

— Отопри...

Тотъ щелкнулъ замкомъ и распахнулъ дверь. И сразу, на порогѣ, Костроминъ невольно остановился: неужели же это она?!.. Не можетъ быть!.. Почему же тогда

Норвилло?!.. И узница, взглянувшись въ него, вздрогнула и не сводила съ него своихъ красивыхъ, гнѣвныхъ глазъ: онъ!.. И съ ея врагами... Такъ и быть должно, конечно... А величался анархистомъ... О, мелкія, жалкія буржуазныя душонки гниющаго міра!.. Полковникъ сразу замѣтилъ всѣ особенности этой встрѣчи и про себя свистнулъ: эге, что-то тутъ есть... Надо быть на чеку!..

— Что? Какова? — подмигнулъ онъ, когда они снова вышли въ переднюю, гдѣ стоялъ на вытяжку вѣстовой. — Я все думаю, не воспользоваться ли мнѣ правами побѣдителя... А?

Костроминъ холодно и жестко посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Я васъ очень прошу оставить эту даму въ покоѣ, полковникъ... При допросѣ ея главнокомандующимъ я сдѣлаю важныя сообщенія на ея счетъ. Она болѣе крупная добыча, чѣмъ вы думаете и я, открывшій ея присутствіе въ городѣ, твердо настаиваю, чтобы ваши ее строго берегли...

— Но, Боже мой, я же пошутилъ!.. — засмѣялся полковникъ. — Мы вѣдь, слава Богу, не большевики... Не зайдете стаканчикъ чайку выпить?..

— Нѣтъ, спасибо. Мнѣ надо спѣшить. Можетъ быть, еще сегодня увижу я князя по этому дѣлу...

Онъ простился съ начальникомъ развѣдки и, завернувъ къ князю, узналъ, что тотъ еще не вернулся. Ему не хотѣлось быть одному съ тяжкими мыслями своими, но едва онъ завернулъ въ редакцію, какъ тотчасъ же съ отвращеніемъ бѣжалъ вонъ: до такой степени противны ему были всѣ эти шумные, самоувѣренные люди, увѣренные, что они со своими погаными, лживыми газетишками дѣлаютъ какое-то важное дѣло. Онъ убѣжалъ къ себѣ. Въ комнатѣ было неприбрано и холодно и въ темное окно видно было, какъ затаившаяся за горизонтомъ смерть длинными, бѣлесыми пальцами своими все ощупываетъ умирающій городъ. Жизнь налилась какою-то холодной жутью и не вѣрилось, что когда-то она была совсѣмъ, совсѣмъ иной...

А она иной была. Несомнѣнно была. Онъ ярко, ярко вспомнилъ свою зеленую молодость, Лозанну, надъ голубой гладью Женевского озера и ее, Шурочку Алябьеву, красавицу-студентку съ пышными бѣлокурыми въ завиткахъ волосами и сѣро-стальными глазами, которые такъ иногда умѣли быть дерзкими. Она была дочерью генерала, богатаго помѣщика, но, горя жертвеннымъ огнемъ революціи, жила среди студенчества едва ли не бѣднѣе всѣхъ: всѣ средства, получаемыя отъ отца, она отдавала на дѣло освобожденія народовъ. За ея суровость и строгую неприступность всѣ звали ее Красной Мадонной. Она была социаль-демократкой и все болѣе и болѣе отходила къ лѣвому крылу партіи, гдѣ уже шумѣлъ тогда Ленинъ и другіе апостолы-изувѣры, у которыхъ быть одинъ Богъ — Революція, и одинъ Коранъ — „Капиталъ“ Маркса. Всѣ они ютились тогда по мансардамъ и жгли одинъ другому души раскаленными рѣчами своими. Каждое слово ихъ было бомбой, начиненной динамитомъ, каждый взглядъ, которымъ они удостоивали проклятый, обреченный гибели міръ, молніей. Изъ мансарды они часто переходили въ тюрьму, но это нисколько не обезкураживало ихъ, а только еще болѣе распаляло...

Каждая сходка молодежи въ русской библіотечкѣ Лозанны кончалась неизмѣнной перепалкой между Шурочкой Алябьевой и имъ, тогда начинающимъ писателемъ, эстетомъ и анархистомъ, которому нравилось задирать прекрасную большевичку. И какъ она кипѣла, какъ презрительно смотрѣли на него прекрасные стальные глаза, какъ язвила она этого „последыша умирающаго міра“ съ этими разными его тамъ теоріями барскими, его эстетикой, его отвратительнымъ эгоизмомъ! Не угодно ли: живетъ въ Hôtel du Château и проживаетъ на одного себя больше, чѣмъ десять рабочихъ семей. И въ то же время осмѣливается сочинять какія-то тамъ поэмы о какой-то тамъ прекрасной жизни. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ силы нужно обратить на то, чтобы сплотить международный пролетаріатъ въ желѣзные ряды и бросить ихъ на твердыни извѣчнаго врага!..

Она метала громы, а онъ улыбался и только изрѣдка вставлялъ насмѣшливое словечко, которое вызывало новую бурю. При встрѣчахъ она едва отвѣчала на его насмѣшливо-почтительный поклонъ, едва удостоивала его взглядомъ и, стоило только опять встрѣтиться имъ на какомъ-нибудь студенческомъ собраніи, какъ снова въ бурѣ жаркихъ, полныхъ ненависти словъ, она стремительно налетала на него, врага пролетариата... Но чѣмъ страстнѣе ненавидѣла она его, тѣмъ болѣе властно овладѣваль имъ прелестный дѣвичій образъ этой весталки революціи и ничего такъ не желалъ онъ въ тиши тѣхъ молодыхъ ночей, какъ опуститься къ прекраснымъ маленькимъ ножкамъ Красной Мадонны и, забывъ всѣ свои поэмы объ Обновленной Землѣ, восторженно пѣть ей одной прекрасную и вѣчную поэму о молодой любви...

Но объ этомъ и думать было нечего: она ненавидѣла его всѣми порами пламенѣющей души своей...

Онъ вспоминалъ въ своей неряшливой, холодной комнатѣ о тѣхъ далекихъ, золотыхъ дняхъ, въ душѣ его были грустные пѣсни безъ словъ, а за окномъ, въ темнотѣ, изрѣдка грохали безсмысленные выстрѣлы напуганныхъ тьмою патрулей и изъ-за горизонта все шарилъ Смерть по прижавшемуся къ черной землѣ городу своими длинными, бѣлесыми пальцами, точно нащупывая добычу. И добыча у нея будетъ — завтра. И добычей этой на этотъ разъ будетъ прелестная Шурочка Алябьева, Красная Мадонна, принесшая себя въ священномъ безуміи на кровавый алтарь богини Революціи въ жертву. И заколетъ эту жертву — онъ. Тотъ, который такъ любилъ ее тогда, которому гордость не позволила тогда сказать нужное слово, который вдругъ бросилъ Лозанну и все, что съ ней было связано, и въ отчаяніи унесся въ широкій міръ...

Онъ не можетъ допустить, чтобы ее убили.

Но что же дѣлать? Что дѣлать?

И онъ метался по неопрятной клѣткѣ своей, какъ раненый звѣрь, и натывался въ темнотѣ на холодныя, неопрятныя стѣны...

Не спала въ эту ночь и прекрасная комиссарша, какъ окрестили плѣнницу въ охранкѣ. По приказанію полковника, который былъ съ ней какъ-то съ вывертомъ вѣжливъ, ей поставили даже продавленную кушетку и дали для туалета воды, что было уже въ умирающемъ городѣ большою роскошью. Онъ на каждомъ шагѣ старался показать ей, что вотъ ваши, какъ всѣмъ извѣстно, разстрѣливаютъ безъ суда своихъ плѣнниковъ, а у насъ, посмотрите, какая благодать! Въ вѣчно пьяную душу полковника никогда и не заползла мысль, что много есть на свѣтѣ вещей пострашнѣе разстрѣла. И одно изъ такихъ болѣе страшныхъ, чѣмъ разстрѣлъ, явленій жизни свершалось теперь въ неопрятной комнатѣ реквизизированнаго у еврея-ростовщика дома, гдѣ люди во имя Родины наладили мерзкій застѣнокъ...

Неожиданная встрѣча взбудоражила большевичку до дна души: вѣдь онъ, этотъ нелѣпый челоѣкъ, этотъ социаль-предатель, былъ когда-то, тамъ, надъ голубой гладью озера, ея первой, нѣжнѣйшей любовью. Чѣмъ яростнѣе — желая спасти его, желая язвящими словами заставить его прозрѣть — была она тогда по немъ своими грозными филиппиками, тѣмъ нѣжнѣе любила, тѣмъ горячѣе звала къ себѣ въ тѣ звѣздныя, милыя, вешнія ночи, когда надъ темной землей толпились звѣзды, а на старой колокольнѣ собора старѣй колоколъ устало отбивалъ, блюдя древній обычай, часы и ночной сторожъ пѣлъ среди звѣздъ:

— Ohé les guets! Il a sonné o-o-o-onze!..*)

Но онъ, слѣпой, не хотѣлъ видѣть ни той истины, которой молитвенно поклонялась она, ни ея любви. Кто знаетъ: если бы они тогда нашли въ себѣ силы перешагнуть навстрѣчу другъ другу раздѣлявшую ихъ вражду, если бы онъ сказалъ ей то слово, котораго она ждала такъ изступленно, что ей казалось иногда, что, услышавъ его,

*) Слушай: одиннадцать било...

она умереть отъ счастья — кто знаетъ: можетъ быть, если бы тогда это слово было имъ произнесено, то ничего изъ того, что потомъ случилось, не случилось бы совсѣмъ и она не сидѣла бы теперь въ этой противной, воняющей остившимъ табакомъ и мышами, комнатѣ...

Но онъ этого слова не сказалъ и въ одинъ прекрасный день вдругъ куда-то собрался.

— До свиданія... — небрежно бросилъ онъ ей при встрѣчѣ на rue de Bourg. — Хочу прокатиться въ Парижъ, а оттуда въ Сицилію, въ Грецію. Такъ надоѣло все это здѣшнее бесплодное кипѣніе... Да и климатъ — бррр!..

Она вся похолодѣла.

— А что же университетъ и лекціи по политической экономіи, которыя вы собирались слушать? — холодно бросила она. — Или вы и такъ все знаете и географіи не надо — извозчикъ довезетъ?

Онъ разсмѣялся.

— Я и безъ извозчика вездѣ дорогу найду.

— Съ хорошимъ чекомъ, конечно?

— А развѣ вы знаете средство путешествовать безплатно? Буду обязанъ, если сообщите. Тогда я свой чекъ отдамъ на жертвы будущей революціи, которую я желаю вамъ, наконецъ, зажечь... Въ самомъ дѣлѣ, столько усилій и все напрасно! Кстати: не можете ли вы высылать мнѣ вдогонку вашу „Искру“ и другіе листки? Скажите тамъ вашимъ, пожалуйста...

— Никакой вамъ „Искру“ совсѣмъ не надо. До свиданія. Мнѣ пора на рефератъ товарища Плеханова...

— Всякаго успѣха...

И она не пошла на рефератъ, а, давясь слезами, бросилась скорѣй домой и, уткнувшись лицомъ въ пахнущій пылью диванъ, долго и неутѣшно проплакала. А когда утромъ, все еще не вѣря ему, надѣясь еще, что онъ только пошутилъ надъ ней, явилась она, потухшая, въ университетъ, подруги сообщили ей большую новость:

— Слышала? Твой врагъ-то уѣхалъ-таки, наконецъ...

Куда-то, говорятъ, въ Сицилію понесло... Права ты была: совсѣмъ пустой человѣкъ...

Она яростно метнула на нихъ свой сѣро-стальной взглядъ и, ничего не отвѣчая, сѣла на свое мѣсто. Лекціи она не слышала. Не слышала, что говорятъ ей ея подруги, не знала, какъ вернулась домой. Ее занималъ большой и тяжкій вопросъ: что заставило ее растоптать такъ свою первую, свою нѣжную любовь? Зачѣмъ она оттолкнула отъ себя любимаго человѣка?... И отвѣта не было. Мало того: вопросъ пирился, углублялся, росъ. Развѣ одного его только принесла она въ жертву страшному Молоху? Развѣ не страдаетъ втихомолку ея милый отецъ? Развѣ не исходитъ слезами ея милая мать, для которой мысль, что Шурочка стала какою-то нигилисткой, страшнѣе и стыднѣе всего. Ея Шурочка, которую она родила, которую лелѣяла, вдругъ стала въ ряды тѣхъ, которые убили Александра II! Ужасъ, ужасъ, ужасъ... И этого Молоху было мало. Онъ потребовалъ отъ нея, чтобы она бросила музыку, которую она страстно любила — можно ли усаждать себя, когда вокругъ стоны угнетенныхъ и обездоленныхъ? Потомъ потребовалъ Молохъ, чтобы полевые васильки она замѣнила прокламаціями, отпечатанными въ тайной типографіи, чтобы она одѣвалась плохо и бѣдно, — чтобы не брать лишняго съ несчастныхъ, — потомъ, дальше — больше, сталъ онъ заставлять ее стыдиться всякаго нѣжного, поэтического чувства и восхвалять то, что ей было страшно и отвратительно: убійства, заговоры, всякую ложь, ненависть къ людямъ, которыхъ она никогда не видала, какія-то баррикады, кровь, которую она будто бы готова вотъ сейчасъ пролить — въ пользу и на благо человѣчества и чело-вѣчности...

Ставъ разъ на красныя рельсы, она покатила къ куда-то въ страшныя дали и никакъ не могла остановиться. Тѣ слова, которыя она сперва за своими учителями повторяла, какъ слова только, отъ частаго повторенія становились плотію, принимали жизнь, начинали дѣлать, точно помимо нея уже, свое страшное дѣло...

Вслѣдъ за другими, она, строгая весталка, она, Красная Мадонна, повторяла стыдныя слова — въ душѣ ей было стыдно — о какой-то свободной любви, ей чрезвычайно неясной. И вотъ подошелъ моментъ, когда одинъ изъ наставниковъ предъявилъ ей — и даже въ какой-то иронической формѣ почему-то — требованія на свободную любовь съ нимъ. Она испугалась. Хотя имя его гремѣло по подполью, но она, преклоняясь предъ его авторитетомъ, все же отстранила его искательства. Онъ поднялъ ее на смѣхъ: а-а, какъ еще крѣпко въ насъ бабушка-то сидитъ!.. Вотъ тебѣ и революционерка! И немного нужно было времени уже лысѣвшему вождю, — у него была семья — чтобы покорить подъ ножи свои гордую Красную Мадонну: она всему міру хотѣла доказать, что ничего она не боится, что она послѣдовательна, что она вотъ бросаетъ вызовъ проклятому, гнилому болоту...

Она очень скоро оставила вождя, мыслившаго въ предѣлахъ ихъ запретнаго, подпольнаго журнальчика: онъ былъ нестерпимо противенъ ей. Но всякое положеніе обязываетъ. И она должна была, въ качествѣ апостола свободной любви, перейти скоро къ слѣдующему пророку, а потомъ къ слѣдующему, и еще, и еще, и еще... Иногда у нея было ощущеніе, что она катится въ пропасть, что всѣ эти апостолы новаго міра просто-на-просто безсовѣстно поймали ее на словѣ и эксплуатируютъ ее, но она уже не могла остановиться. Слава о ея блестящихъ въ революціонной средѣ романахъ ширилась — какъ хорошо, что старики умерли!.. Переступить извѣстную грань съ новымъ мужчиной для нея не составляло уже почти что ничего, и партія, когда ей нужно было обработать кого-нибудь изъ враговъ, добыть какія-нибудь секретныя свѣдѣнія или средства, не стѣснялась посылать ее, блестящую красавицу, по этимъ „народнымъ“ дѣламъ во имя св. Революціи...

Все рѣже и рѣже возвращалась она къ давно забытому. чистому прошлому, — въ которомъ была и тихая красивая усадьба надъ сонной рѣкой, и старый паркъ со стрѣльчатыми аллеями, и милыя книги, и музыка, и онъ,

гордецъ, унесшій съ собою въ дали ея сердце... — все больше и больше становилась она ремесленникомъ революціи: писала по шаблону нудныя статьи о женскомъ вопросѣ въ Новой Зеландіи, о положеніи рабочихъ въ Чили, о проблескахъ социалистической мысли въ древнемъ Китаѣ, — приврать ей нисколько не мѣшало, а, наоборотъ, всячески въ интересахъ партіи ее къ этому подбодряли, — производила шаблонныя, съ шаблонными выкриками рѣчи передъ бастующими рабочими, выносила какія-то резолюціи на какихъ-то конгрессахъ и невольно считала себя все болѣе и болѣе значительной, а всю эту глупую суету — „ответственной“ работой. Въ всякомъ случаѣ, она, несомнѣнно, одинъ изъ главныхъ рычаговъ грядущей русской и міровой революціи, она — первая застрѣльщица радикальнаго женскаго движенія, она — апостолъ новой жизни, въ которой господами положенія будутъ рабочіе люди или, точнѣе, они, вожаки этихъ рабочихъ людей, которые такъ еще темны и инертны. И, когда грянуль, наконецъ, въ Россіи подъ ударами безсмысленной войны жестокой бунтъ измученнаго народа, они провозгласили его началомъ Міровой Революціи, а она попала, конечно, министромъ въ рабоче-крестьянское правительство, вмѣстѣ съ другими, такими же министрами, залила Россію кровью и выморила миллионы голодомъ и тифомъ, а теперь вотъ, среди кровавыхъ смерчей гражданской войны, очутилась вдругъ передъ — висѣлицей. Можетъ быть, завтра по утру грязная узловатая веревка сдавитъ эту красивую, бѣлую шею въ нѣжныхъ завиткахъ золотистыхъ волосъ на затылкѣ и всему будетъ конецъ.

Было недѣло. Она стремилась, какъ и все живое, къ счастью, и не только своему, но и къ счастью всѣхъ — иногда, въ моментъ горячей рѣчи, подъ громъ рукошлестаний тысячной толпы, ей и теперь еще вѣрилось, что она, дѣйствительно, стремится ко всеобщему счастью — и вотъ вдругъ она передъ висѣлицей. Конецъ всему. И въ довершеніе всего, передъ самой висѣлицей передъ ней всталъ тотъ, кто впервые пробудилъ къ жизни весенней ея дѣвичье сердце. И еще ужаснѣе: караульный, тайный

большевикъ, тихонько сообщилъ ей, что именно онъ, большой писатель, и подвелъ ее къ этой висѣлицѣ, онъ, котораго она такъ любила, воспоминаніе о которомъ и теперь иногда болѣло, какъ старая рана въ ея уже уставшемъ сердцѣ...

И она, схватившись обѣими руками за красивую, въ золотистыхъ кудряхъ, голову, неподвижно, съ остановившимися глазами, сидѣла на продавленной кушеткѣ и невольно чутко слухала, не крадется ли кто къ ней? Эта заискивающая ласковость пьянаго полковника не понравилась ей. Но она рѣшила выбить стекла, закричать, вооружиться стуломъ, — револьверъ ея при обыскѣ отняли, — но не дать имъ себя.

А по стѣнѣ тихо, безшумно, все шарили чего-то блѣдые, длинные лучи, точно холодные пальцы смерти...

V

Несмотря на большую усталость, физическую и моральную, не спалъ эту ночь и главнокомандующій, князь Лутохинъ. Положеніе бѣлыхъ войскъ — если можно было назвать войскомъ эти толпы плохо вооруженныхъ, полуголодныхъ, разутыхъ и раздѣтыхъ людей, въ грязныхъ и вшивыхъ лохмотьяхъ, съ большими, полными чернаго отчаянія глазами, съ блѣдными, истомленными, какъ у подвижниковъ, лицами — оказалось еще болѣе тяжелое, чѣмъ онъ думалъ. Не имѣя довольствія, они сами брали у населенія все, что имъ было нужно, платя ему ничего нестоящими бумажками, а то и ничего не платя. Мѣстами они встрѣчали сопротивленіе озлобленныхъ крестьянъ и тогда прибѣгали къ жестокимъ наказаніямъ, до повѣшенія включительно. Шло великое пьянство отчаянія. Генераль, командовавшій однимъ изъ отрядовъ, всюду возилъ съ собой свою любовницу-еврейку въ брилліантахъ. Правда, лазутчики и перебѣжчики всѣ въ одинъ голосъ доносили, что и у красныхъ, которые надвигались съ сѣвера все ближе и ближе, было не только не лучше, но,

можетъ быть, и еще хуже, но это дѣла не улучшало: разлагалась вся Россія. И когда онъ уже затемно ѣхалъ разбитой дорогой въ автомобиль назадъ, изъ кустовъ, изъ маленькой балки въ него громыхнулъ выстрѣлъ и пуля вжикнула надъ головой... А дома ждалъ его пукъ грязныхъ прокламацій, которыя были подобраны по улицамъ Одессы: неуловимый врагъ былъ въ стѣнахъ. Посѣтившій его на дняхъ французскій адмиралъ легонько намекнулъ ему, что въ случаѣ мѣстнаго возстанія онъ, адмиралъ, предлагаетъ ему свое гостепріимство на борту флагманскаго корабля, но князь только оскорбился: умереть-то во всякомъ случаѣ онъ сумѣетъ!

Онъ выпилъ невкуснаго чаю, отпустилъ адъютанта, Мишу Соймонова и, такъ какъ было уже поздно, легъ. Но сонъ не шелъ. Онъ понималъ, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, районѣ бѣлое дѣло было кончено. По глухимъ слухамъ такъ же обстояли дѣла и у генерала Деникина. Единственной свѣтлой точкой былъ адмиралъ Колчакъ, на котораго возлагали большія надежды и у котораго въ тылахъ была богатая, огромная Сибирь. Но здѣсь все кончено. И, можетъ быть, кончена и его жизнь. Онъ пожилъ довольно, впереди свѣтлаго не было видно — смута эта затянется, во всякомъ случаѣ, на года — и хвататься за эти обломки когда-то блестящей жизни онъ, конечно, не будетъ, не будетъ спорить съ судьбой.

И печаль затянула уставшую душу. И невольно вставали въ памяти прожитые годы...

Онъ былъ рожденъ баловнемъ судьбы. Онъ былъ знатенъ, богатъ, красивъ и обаятеленъ. Его любили всѣ. Онъ, точно играя, быстро подвигался по лѣстницѣ почестей. Онъ прекрасно женился и былъ счастливъ въ семейной жизни и въ дѣтахъ. И вдругъ — война. Онъ былъ назначенъ командиромъ одной изъ крупныхъ частей, которая должна была бурей огня и металла ворваться въ предѣлы Австріи. Дѣло съ первыхъ же шаговъ пошло блестяще. Но тутъ же судьба показала и обратную сторону медали: въ Восточной Пруссіи въ одинъ день и почти въ одинъ часъ погибли всѣ трое сыновей его. По-

лучивъ страшное извѣстіе это, жена его сошла съ ума и вскорѣ умерла. Въ жизни его было все, что въ жизни человѣка быть можетъ. И вотъ она кончалась среди страшныхъ развалинъ. Мало того: она уже кончилась.

Много всякихъ богатствъ заключали въ себѣ эти сгорѣвшіе дни его, но теперь, передъ концомъ, особенно яркой звѣздочкой вспыхнуло среди пепла воспоминаніе о — Стешѣ, красавицѣ-цыганкѣ, которая вписала въ книгу живота его особенно яркія и особенно жаркія страницы...

Вспоминалась первая встрѣча съ ней. Это было во время бѣшеннаго кутежа гусаръ въ Москвѣ. Все сверкало, все шумѣло, все кричало, все хохотало, все пѣло, а передъ нимъ въ бѣшеной пляскѣ крутился какой-то горячій вихрь яркихъ лентъ, черныхъ косъ, сверкающихъ глазъ. И когда Стеша кончила, все вокругъ восторженно заревѣло. Но она, шатаясь, опьяненная пляской, съ затуманенными глазами, смотрѣла только на него... И этотъ взглядъ золотистыхъ глазъ ея съ чернымъ агатомъ посрединѣ, взглядъ лукавый, смѣющийся и зовущій, сразу взялъ его въ полонъ и на другой же день онъ увезъ ее...

Началась волшебная, горячая сказка. Прямой и честный, онъ вскорѣ сказалъ ей:

— Стеша, я безъ тебя не могу жить. Я хочу, чтобы ты была моей женой...

Она вся вспыхнула гордой радостью, но повѣсила свою предѣстную черную головку. Его укололо: неужели она можетъ колебаться?!

— Что же молчишь ты, Стеша?

Она подняла на него свои сіяющіе агаты, въ которыхъ была бездна нѣжности.

— Нѣтъ, мой любимый, золотой, медовый, это не годится... — на своемъ странномъ языкѣ сказала она. — Нѣтъ, нѣтъ... Это не годится...

— Да почему? Что ты говоришь?

— Я вижу, я знаю, что крѣпко ты любишь меня, мой любимый, мой шелковый, лапушка, но это не годится... — твердо повторила она. — Ты любишь и будешь любить цыганку Стешу, но если Стеша станетъ княгиней, — на

смугломъ личикѣ ея проступила невольная улыбка: ея тѣшила мысль, какъ она будетъ княгиней, — то она будетъ плохой княгиней и ты разлюбишь ее...

Онъ зашумѣлъ... Онъ зналъ такіе браки съ цыганками и даже очень счастливые браки. Карьера? Очень она ему нужна!.. Живутъ на землѣ только одинъ разъ и за генераль-адъютантскія эполеты не стоитъ продавать своего счастья. Но Стеша ласкалась и не уступала...

Жили они счастливо и весело. Но изрѣдка на Стешу находилъ „стих“, тоска безпредметная и тогда они неслись въ Москву, въ Грузины, откуда онъ увезъ ее, и тамъ начинался изступленный кутежъ...

... И вотъ въ жуткой тѣмѣ умирающаго города, въ тишинѣ, изрѣдка вздрагивающей отъ шальныхъ выстрѣловъ испуганныхъ мракомъ часовыхъ, вдругъ вспыхнуло, все золотое, видѣніе прошлаго и нѣжно зазвенѣла, какъ колокольчикъ въ степи умирающій, его любимая:

*Запрягу я тройку борзыхъ, —
Темно-карихъ лошадей,
И помгусь я въ ногъ морозну
Прямо къ любушкѣ своей...*

Онъ могъ слушать эту пѣсню безъ конца — въ особенности, когда пѣла ее Стеша. Все было ему любо въ ней: и удасть ея широкая, и эта крошечная, темная изюминка тоски, безъ которой не обходится ни одна хорошая русская пѣсня, и эти устарѣвшія, немножко неуклюжія, но такія простыя, идущія прямо въ душу, слова. И въ ритмѣ пѣсни слышалось ему всегда и молодцеватое покачиваніе коренника, который, поднявъ къ расписной дугѣ сухую, прекрасную голову свою съ страстно раздутыми, тонкими ноздрями и разметавъ взвихренную гриву, могучею грудью несется въ темныя дали, и мѣрный поскокъ тонкихъ красавицъ-пристяжныхъ, которыя, свернувшись въ кольцо, пляшутъ по бокамъ буйнаго красавца... И вотъ, нарастая въ страсти, подъ стонъ, звонъ и рокотъ гитаръ, приближается завѣтная минутка князя:

*По привыкъ кони знаютъ,
Гдѣ сударушка живетъ,
Снѣгъ копытами взрываютъ,
Ямщикъ пѣсенки поетъ...”*

И вотъ тутъ, послѣ паузы-мига, вдругъ, покрывая собой и гудящія басы, и стонъ гитаръ, и все на свѣтѣ, выносился чистый, страстный голосъ Стеши:

*Эй, вы, други золотые,
Мгнитесь сокола быстрый!..*

И такъ подавала она это свое „эй вы, други...“, что онъ всегда собиралъ всѣ силы свои, чтобы удержать рыданія восторга. И со всѣхъ сторонъ на него уже смотрѣли горячіе глаза, ожидая, и уже раздавались, не утерпѣвъ, страстные позывы:

— Да ну, князь... Князь, а?..

А онъ, блаженный, караулилъ другой завѣтный мигъ свой.

*Не теряйте дни златые:
Ихъ немного въ жизни сей...*

— костромъ страсти разгорался стонущій хоръ. И вотъ вдругъ опять эта крошечная, колдовская пауза. Стеша дѣлаетъ то неувимое движеніе плечами, предъ которымъ не устоитъ никто, въ жилахъ кого течетъ русская кровь... И какъ только искра эта перебѣгала изъ горящихъ агатовъ ея, изъ пьяной улыбки ея въ его сердце, какъ онъ въ изнемогающемъ стонѣ страстнаго хора, подъ нѣжное позваниваніе шпоръ, срывается навстрѣчу ей, яркопестрой, пылающей, зовущей, и лихая пляска потрясала всѣхъ до рыданій:

*Пока сердце въ груди бьется,
Будемъ весело мы жить,
Пока кудри въ кольца вьются,
Будемъ дѣвушекъ любить!..*

— Еще!.. Еще!.. — страстно кричали со всѣхъ сторонъ. — Еще! Сначала!..

— Утѣшилъ, князь!.. — кричалъ сѣдоусый сумець, не замѣчая, что онъ давно плачетъ. — Эхъ, и я тряхну стариной!.. Ну, кто тамъ?.. Выходи!..

И уже на разсвѣтѣ Стеша, утомленная, блаженная, вдругъ припадала къ широкой, расшитой золотыми шнурами, груди его доломана своей черной головкой и подъ буйные крики и звонъ бокаловъ шептала:

— Ну, теперь все прошло... Теперь я снова вся твоя, мой золотой, медовый, единственный... Поѣдемъ кататься...

И они вдвоемъ уносились въ морозныя дали вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, по дороженькѣ... И казался въ ладъ коренникъ подъ расписной дугой, и мятелицей вихрились тонкія пристяжныя, и въ пѣніи валдайскаго колокольчика, и въ нарядномъ перезвонѣ бубенцовъ, и въ визгѣ полозьевъ, и въ поскокѣ лихихъ коней слышалось Стешино:

*Эй, вы, други золотые,
Мгнитесь сокола быстрый,
Не теряйте дни златые:
Ихъ немного въ жизни сей!..*

И она, вся теплая, гибкая, любящая, въ нарядной собольей шубкѣ своей, жметъ къ нему и купается разгоряченнымъ личикомъ своимъ въ его сѣдыхъ бобрахъ. И не было въ эти минуты ни единого человѣка въ мірѣ, который посмѣлъ бы сказать молодому гусару, что онъ счастливѣй его!..

...И старый генераль тихонько досталъ въ темнотѣ съ ночного столика носовой платокъ и — вытеръ глаза...

...И они возвращались въ свое уютное петербургское гнѣздышко, куда доступъ открытъ былъ только самымъ близкимъ, и весело, и тепло, и красиво текли ихъ дни. И казалось, и конца ихъ счастью не будетъ. Но наверху морщились: даже придворными балами сталъ манки-

ровать! И еще больше надулись, когда разъ, на товарищеской пирушкѣ, гдѣ была и Стеша, подвалила и другая подгулявшая компанія, съ великимъ княземъ Степаномъ во главѣ. Его высочество, ни умомъ, ни воспитаніемъ, ни тактомъ не отличавшійся, грубо полѣзъ къ Стешѣ, та — бродячая, незащитная цыганка — рѣзко оборвала его и между нею и пьянымъ высочествомъ грозно сталъ князь. Дѣло было приказано замять, но на князя нахмурились: какъ нелѣпы эти дикія страсти! А онъ смѣялся:

— И прекрасно. Уйду въ отставку и будемъ жить на всей своей волѣ...

И — цѣловалъ свою Стешу.

И вдругъ Стеша схватила оспу. Ее отходили, но, когда она, вставъ, подошла впервые къ зеркалу, то дико, точно на смерть раненая, вскрикнула и упала безъ чувствъ, и въ тотъ же вечеръ исчезла безъ слѣда. И только чрезъ нѣсколько дней нашли ея трупъ на островахъ, а князь въ глубокомъ карманѣ своего спальнаго халата обнаружилъ ея записочку, написанную милыми, знакомыми, бѣдными каракульками, — онъ самъ и писать ее выучилъ, подъ дождемъ поцѣлуевъ — въ которой стояло:

„Милай мой, залатой, мѣдовзай, прощай. Такой ты миня любить ни будишь, а я безъ любви твоей жить не магу. Знаю, знаю, что ни покинуть бы ты миня, знаю твердо, залатой мой, мидовый, ласковый, ну этово я ни хочу. Я ни хачу штобъ ты мучился, я хачу штобы ты щастливый былъ, до неба... Помни, помни, помни Стешу твою бесценнай мой, мое солнышко...“

И долго онъ метался тогда съ окровавленнымъ сердцемъ по свѣту въ поискахъ забвенья...

Князь лежалъ, слушалъ отдаленныя выстрѣлы на окраинахъ города, любовался грустной звѣздочкой изъ далекаго прошлаго и сердце его плакало...

Да, все было кончено. Впереди только доживание, рядъ холодныхъ, тусклыхъ дней, покрытыхъ позоромъ поражения, въ которомъ онъ лично нисколько не виноватъ...

Въ дверь раздался осторожный стукъ:

— Ваше превосходительство, семь било...

— Да, да, встаю. Спасибо.

Онъ сразу всталъ, умылся, одѣлся, выпилъ наскоро стаканъ дурного кофе съ дурнымъ хлѣбомъ и вышелъ въ кабинетъ. Дѣлать ему было, въ сущности, тутъ уже нечего, но такъ уже было заведено и развязки надо было ждать на своемъ посту.

— Вчера развѣдка изловила въ городѣ знаменитую большевичку Норвилло, ваше превосходительство... — доложилъ Миша. — По слухамъ, она съ большими деньгами пріѣхала, чтобы поднять возстаніе на французскихъ судахъ, но полковникъ говоритъ, что денегъ на ней найдено не было. Вѣроятно, успѣла спрятать куда-нибудь...

— Ну, разумѣется... — усмѣхнулся князь. — Но вотъ посмотрите, какое пьянство начнется теперь въ развѣдкѣ...

— Полковникъ запрашиваетъ, прикажете ли, ваше превосходительство, доставить ее сюда для допроса — онъ не могъ ничего выпытать у нея — или просто повѣсить?

— Охотнѣе всего я приказалъ бы повѣсить... полковника, — тяжело вздохнувъ, сказалъ князь, — но, видимо, заботу эту надо оставить большевикамъ... Хо-хо-хо... Въ приемной кто есть?..

— Есть нѣсколько человѣкъ, ваше превосходительство... Во-первыхъ, Андрей Андреевичъ Костроминъ давно ждетъ...

— Напрасно не сказали.

— Онъ не позволилъ беспокоить васъ, ваше превосходительство. А затѣмъ нѣсколько начальниковъ разныхъ частей, вами вызванныхъ и явившихся безъ вызова съ разными ходатайствами.

— Просите Андрея Андреевича...

Миша почтительно поклонился и, нѣжно позванивая шпорами, — онъ любилъ этотъ серебристый звукъ — вышелъ.

VI

Въ кабинетъ вошелъ блѣдный и сразу исхудавшій Костроминъ.

— Доброе утро, Андрей Андреевич... — поднялся ему навстрѣчу генераль. — Видь у васъ не хорошъ. Надѣюсь, вы не приносите никакихъ дурныхъ вѣстей?... Садитесь...

Костроминъ сдержалъ нервную дрожь, которая охватила его.

— Князь, вы не разъ чрезвычайно лестно для меня оцѣнивали мою скромную дѣятельность... въ концѣ концовъ, повидимому, совершенно бесполезную... и не разъ въ шутливой формѣ спрашивали меня, какъ могли бы вы наградить меня отъ лица бѣлой арміи. Я всегда отъ всякихъ наградъ отказывался. Но теперь я вынужденъ просить васъ о... если не о наградѣ, ибо награждать, во-истину, не за что, то... то... Нѣтъ, это слишкомъ тяжело!..

— Прежде всего садитесь... — силой усадилъ его генераль въ кресло. — А потомъ успокойтесь... И говорите все прямо. Я не главнокомандующій вашъ, а просто... старикъ, которому хорошо напоследокъ сдѣлать хоть кому-нибудь немножко добра. И помните: я былъ хорошъ съ вашимъ отцомъ. Говорите прямо.

— Князь, вчера по моему указанію... я не зналъ, кого я выдаю... взята была развѣдкой знаменитая большевичка Норвилло. Я не знаю, боевое это имя ея — они всѣ такъ любятъ псевдонимы... или же мужняя фамилія, но дѣвухой она носила другое имя... Это... это... женщина, которую я нѣкогда... очень любилъ... И вотъ я... подвелъ ее подъ... висѣлицу... Вы понимаете, что...

Голосъ его оборвался. Онъ не могъ говорить. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Князь во всѣ глаза смотрѣлъ на него и печальны и мягки были эти старческіе глаза...

— Понимаю... — сказалъ онъ. — Понимаю...

— А если понимаете, князь, то подарите мнѣ... ея жизнь... — вдругъ горячо вырвалось у Костромина. — Если... съ ней что случится, я не только не смогу работать дальше съ вами... я не смогу... жить... Это совершенно невыслимо...

Князь опустил большую, сѣдую голову. И было долгое молчаніе.

— Я слышалъ, что она изъ хорошаго круга была... — сказалъ онъ. — Кстати: какъ ея дѣвичья фамилія?..

— Александра Алябьева...

— Шурочка? Дочь генерала Алябьева?! — широко раскрытъ опять глаза князь. — Но... но я былъ близокъ съ ея отцомъ... я бывалъ у нихъ въ домѣ... Я очень помню бѣленькую, розовую Шурочку... Господи Боже, значить, много мы натрѣшили, если Ты такъ наказываешь насъ!.. Шурочка у меня въ развѣдкѣ! Шурочка подъ висѣлицей!.. И скажите: никогда я не понималъ этого — что, что толкаетъ ихъ, этихъ фарфоровыхъ куколокъ, на такія страшныя дѣла? Вѣдь она не одна. Впрочемъ, простите. Это потомъ. Сперва о васъ. Вы хотите спасти ее? Такъ? Много надѣлали они зла Россіи и много, вѣроятно, еще надѣлаютъ, но и я больше не вѣрю, что веревкой можно спасти Россію. Хорошо: я возвращаю ей свободу. Отлично... — повторялъ князь, волнуясь. — Но вѣдь вотъ бѣда: уже пущены слухи, что она взята съ большими деньгами. Если ее отпустить теперь, заговорятъ, что она купила тутъ всѣхъ.

— Князь, о насъ говорятъ столько дурного, что, поверьте, эта новая болтовня ничего не прибавитъ... — сказалъ, облегченно вздыхая, Костроминъ. — А кромѣ того можно сказать... что свобода возвращена ей за тѣ тайны, которыя она выдала намъ... Можетъ быть, это затруднитъ ея возвращеніе въ лагерь красныхъ... и она перестанетъ... будетъ лишена возможности вредить намъ...

— Э-э, милый, мы сами себѣ столько навредили, что никакія комиссарши намъ больше навредить уже не могутъ... Ну, я даю вамъ на помощь Мишу, моего адъютанта, и вы съ нимъ вмѣстѣ обмозгуйте, какъ это дѣло лучше обладать. И даю вамъ *carte blanche*. А мнѣ надо принять подчиненныхъ.

Онъ позвонилъ. Вошелъ Миша. Князь всталъ.

— Миша... — сказалъ онъ. — Я обращаюсь теперь не къ моему адъютанту, а къ сыну моего друга: ты долженъ оказать мнѣ и Андрею Андреевичу очень большую услугу. Но предварительно ты долженъ дать мнѣ слово офицера,

что ты никому, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не будешь объ этомъ говорить...

— Я даю слово, князь.

— Спасибо. Такъ идите въ комнату рядомъ и тамъ побесѣдуйте. А вѣстовому прикажи пропускать ко мнѣ посѣтителей по очереди. Идите съ Богомъ.

Онъ крѣпко пожалъ руку Андрею Андреевичу.

— Нѣтъ, на этотъ разъ позвольте обнять васъ, князь... — едва выговорилъ тотъ трясущимися губами. — Я понимаю, что вы, какъ главнокомандующій, для меня теперь сдѣлали...

Растроганный князь — онъ теперь, въ старости, легко умилялся и плакалъ — обнялъ его, и Костроминъ съ Мишей вышли.

— Вы потомъ скажите мнѣ, на чемъ порѣшите... — сказалъ имъ вдогонку князь. — И между прочимъ спросите у нея, на сколько ее обобрали... Нѣтъ, впрочемъ, не нужно... — сказалъ онъ. — Нѣтъ, не нужно. Ну ихъ къ чорту!..

Совѣщаніе длилось недолго. Было рѣшено, что князь вызоветъ комиссаршу для личнаго опроса къ себѣ, отсюда, ночью, ее выведутъ въ гавань, посадятъ на миноносецъ и отвезутъ къ болгарскимъ берегамъ, а въ городъ будетъ пущенъ слухъ, что она выдала важныя тайны большевиковъ и за это получила помилованіе и выслана за границу.

— Полковникъ будетъ недоволенъ: онъ вѣшать любитъ... — сказалъ Миша. — Но чортъ его взялъ: онъ долженъ удовольствоваться тѣми капиталами, которые на ней захватилъ!

— Да неужели и вы вѣрите, что это такъ?

— Не сомнѣваюсь. Это первый воръ.

— Но какъ же князь держитъ его на такомъ отвѣтственномъ мѣстѣ?

— А гдѣ же онъ возьметъ лучше? Всѣ осатанѣли. Раньше и полковникъ былъ честнымъ офицеромъ. А что-то вотъ есть теперь въ воздухѣ, какая-то зараза, противъ которой какъ будто никто сопротивляться не можетъ. Иной разъ такъ противно станеть, что бросилъ бы все да

и убѣждалъ куда-нибудь, хоть чернорабочимъ. Жаль вотъ только, что лѣвая рука у меня послѣ раненія не дѣйствуетъ совсѣмъ... Ну, что же, теперь надо доложить нашъ планъ князю...

— Да.

Миша постучалъ легонько въ дверь и, когда отъ князя, весь потный, вышелъ толстый интендантъ съ какимъ-то крестомъ въ петлицѣ, Костроминъ съ Мишей вошли къ князю и въ короткихъ словахъ изложили планъ.

— Хорошо... — сказалъ князь. — Но только ни допрашивать ее, ни видѣть я не хочу... не могу... не желаю... Нѣтъ, вы ужъ тутъ сами все оборудуйте. Но такъ какъ ее наши обобрали, конечно, до нитки, то можете ей на первое время тамъ дать что-нибудь. Немного, немного... Недоставало еще, чтобы мы ихъ снабжали прогонными! Самую малость. У нихъ вездѣ сочувственники есть, выкрутятся... Ну, до вечера. Скажите тамъ, Миша, чтобы давали слѣдующаго...

И онъ повѣсилъ опять сѣдую голову свою, и въ душѣ снова мимолетно и тепло пронесся милый образъ чаровницы Стеши...

VII

Вечеромъ, когда стемнѣло и городъ погрузился, какъ всегда, въ полный мракъ, въ которомъ шарили нѣмые, бѣлесые лучи, закрытый автомобиль быстро доставилъ знаменитую комиссаршу въ квартиру главнокомандующаго. Миша строго-корректно принялъ ее, отвелъ въ заранѣе заготовленное помѣщеніе и приставилъ къ дверямъ часового съ винтовкой — все, какъ полагается...

— Привезли, ваше превосходительство...

— А я рѣшилъ все-таки выдти къ ней... — сказалъ, немного конфузясь, князь. — Но вы будете сопровождать меня. Андрей Андреевичъ здѣсь?

— Здѣсь, ваше превосходительство.

— Онъ пусть подождетъ. Пойдемте...

Болѣе чѣмъ когда-либо твердымъ шагомъ — этимъ

князь хотѣлъ подбодрить себя — онъ, въ сопровожденіи Миши, вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла комиссарша. Мутно-багровый свѣтъ слабаго тока едва освѣщаль ее. Въ представленіи князя уже былъ — по газетамъ — созданъ образъ большевички-комиссарши: что-то грубое, отталкивающее, безобразное. И онъ невольно остановился: передъ нимъ у темнаго окна, за которымъ все шарили длинные, холодные пальцы, стояла изящная женщина съ нѣсколько уже привядшимъ, но прекраснымъ лицомъ, съ смѣло поднятой красивой головой въ золотистыхъ упругихъ завиткахъ и съ болью въ глубинѣ большихъ, темныхъ глазъ, которой она не могла уже спрятать. Лицо было красивое, скорбное, одухотворенное. И князь не зналъ, что ему сказать. Онъ ясно вспомнилъ вдругъ прекрасный лѣтній вечеръ и въ-ковой паркъ Алябьевыхъ надъ дремлющей Волгой, и молодой смѣхъ, и бѣготню горѣлокъ, и — очаровательную, бѣленькую куколку, которая, когда онъ пробѣгалъ мимо нея, звонко визжала, хлопала въ ладошки и заливалась милымъ дѣтскимъ смѣхомъ. И онъ, молодой поручикъ, вдругъ бросился предъ ней на четвереньки и залалялъ на нее страшнымъ, „толстымъ“ басомъ. Она была внѣ себя отъ восторга и все кричала: еще... еще... еще!.. И онъ долженъ былъ лаять еще и, тѣмъ „толще“ быть его лай, тѣмъ больше ей было страшно, тѣмъ больше ей это нравилось...

И онъ не зналъ, что сказать. Онъ долго, въ замѣшательствѣ, смотрѣлъ въ это теперь скорбное лицо и, наконецъ, уронилъ, самъ не зная, какъ:

— Стыдно, сударыня!.. Да, стыдно-съ...

И губы его затряслись.

— Стыдно вамъ, князь, а не намъ... — отозвалась она.

— Стыдно и намъ, но и вамъ...

— Нѣтъ, только вамъ... — твердо повторила она. —

— Въ рукахъ вашихъ была вся власть, а что вы съ народомъ сдѣлали?

И опять онъ не зналъ, что сказать. И, наконецъ, нашелся:

— Вы... гордячка, сударыня. Это скверно, сударыня... Прощайте...

И онъ все тѣми же твердо-военными шагами пошелъ вонъ.

— Князь, на минутку... — остановила она его новымъ, женскимъ, тономъ.—Я знаю, что меня у васъ ждетъ. Могу ли я передъ смертью передать... написать нѣсколько словъ... одному близкому мнѣ человѣку?...

— Что-съ? — вполоборота бросилъ трясущимися губами князь. — Никакой смерти не будетъ. Я не палачъ. О вашей судьбѣ вамъ все будетъ сообщено сегодня же. Прощайте. И все-таки да будетъ вамъ стыдно, сударыня!..

— Стыдно вамъ, а не намъ, князь... Вы погубили Россію...

Но онъ уже не слышалъ. Никогда, казалось ему, не былъ онъ такъ взволнованъ. Нѣтъ, нѣтъ, должно быть, здорово они всѣ передъ Господомъ натрѣшили, что Онъ наслалъ на нихъ все это! Но она все-таки не права: стыдно всѣмъ. Вздоръ! Обязательно всѣмъ.

— Пойдите къ ней съ Андреемъ Андреевичемъ и скажите ей все... — строго сказалъ онъ Мишѣ. — И потомъ доложите... Не забудьте дать денегъ ей. Но очень, очень скромно!... Идите.

Миша зашелъ за Андреемъ Андреевичемъ, который, уныло потушившись, сидѣлъ въ пріемной. Надъ нимъ все свершалась какая-то казнь. Газеты, въ которыхъ онъ работалъ, призывая людей къ патріотическому подвигу, узнавъ объ арестѣ знаменитой комиссарши, взятуски, захлебываясь, обливали ее помоями, копались въ ея прошломъ, въ грязныхъ сплетняхъ и не было конца измывательству ихъ. „Красная Мессалина“, это было самое меньшее, что писали они на ея лбу. Особенно отличался благородствомъ негодованія Смѣтовъ, постоянный завсегдатай кабаковъ и непристойныхъ домовъ. Если ему не хватало фактовъ, онъ бралъ ихъ изъ своего богатаго прошлого или, точнѣе, настоящаго — въ прошломъ онъ былъ довольно чистоплотнымъ человѣкомъ — и своими болячками съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ украшалъ поверженнаго врага, который, какъ ему казалось, отнялъ у него преж-

нее сытое и беззаботное существованіе среди „нѣжныхъ дѣвушекъ“.

— Андрей Андреевичъ, пожалуйста... — позвалъ его Миша. — Но, пожалуйста, говорите съ ней обо всемъ вы. Мнѣ какъ-то неловко. Чортъ знаетъ что!.. На видъ вѣдь она совсѣмъ порядочная женщина... Нѣтъ, нѣтъ, если бы не рука, я убѣждалъ бы въ Бразилію черноработчимъ, а въ этой капѣ я не могу ничего понять... Идемте. Вотъ въ эту дверь...

Они постучали въ ея дверь. Она была чрезвычайно взволнована: старый князь сказалъ, что никакой смерти не будетъ... Что же будетъ? И то, что смерти не будетъ, было ей почему-то стыдно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы красные взяли князя, то, конечно, они не стали бы растерянно кричать ему, что ему „стыдно“, а безъ всякихъ криковъ разстрѣляли бы его и бросили въ яму. Это все-таки фактъ. Да, что-то тутъ не такъ. Но въ дверь слышался вѣжливый стукъ.

— Войдите... — отвѣчала она и встала.

Вошли адъютантъ и — онъ. Онъ былъ блѣденъ и лицо его было исковеркано страданіемъ. Онъ напрасно старался скрыть это. И онъ не находилъ словъ.

— Что вамъ угодно? — спросила она адъютанта.

— Андрей Андреевичъ, скажите же... — смущенно обратился Миша къ Костромину. — А я... да, мнѣ еще надо позвонить въ портъ... относительно миноносца... Я сейчасъ вернусь...

И онъ, нѣжно позванивая шпорами, торопливо вышелъ и притворилъ за собой дверь. Никакого телефона ему не нужно было, а просто было, во-первыхъ, невыносимо стыдно чего-то, а во-вторыхъ, онъ понималъ, что ихъ надо оставить вдвоемъ. И онъ остался у двери, — часовой былъ имъ снятъ — и, чтобы ничего не слышать, сталъ про себя внимательно считать: дважды два — четыре, дважды три — шесть, дважды четыре — шестнадцать... Или сколько? Но они все молчатъ. Дважды восемь — двадцать два... Дурацкое положеніе!.. Еслибъ ничего этого не было, онъ бы теперь, за милую душу, у себя въ Тульской

съ гончими ѣздить бы... Дважды сколько?.. Нѣтъ, надо сначала, а то сбился... Ну, слава Богу, говорятъ уже... Двадцать два — четыре, двадцать пять — шесть...

Они говорили — какъ два страшныхъ врага. А сердца рвались на части: милый, полузабытый сонъ вдругъ ожить и чары его пьянили уставшія души.

— Я счастливъ сообщить вамъ отъ имени главнокомандующаго, что вамъ даровано помилованіе — сухо сказалъ Костроминъ — и что вы сегодня же въ ночь будете вывезены на миноносцѣ къ болгарскому берегу...

— Чѣмъ же вы тутъ, собственно, такъ счастливы?.. — презрительно прищурила она глаза.

— Я, разумѣется, счастливъ тѣмъ, что главное командованіе бѣлыхъ не желаетъ подражать вашимъ палачамъ, что та идея, которой я служу, не будетъ лишній разъ забрызгана человѣческой кровью...

— Ахъ, вотъ какъ!.. Но само собою разумѣется, вы не ожидаете, что я, растроганная такимъ благородствомъ, сложу предъ вами оружіе?..

— Никто отъ васъ не ожидаетъ такого... благородства. Вы будете продолжать дѣлать все, что вамъ угодно. Но будемъ нѣсколько покороче: у васъ деньги есть?

— Были, по ваши обокрали меня до нитки...

— Они взяли только краденое... — оборвалъ онъ.

— Впрочемъ, немного осталось... — презрительно не слушая его, сказала она. — Съ меня на первые дни хватитъ, а тамъ я найду вездѣ друзей. Благодарю васъ за вашу заботливость...

— Такъ приготовьтесь: за вами вскорѣ явятся съ миноносца. Прощайте.

— Прощайте.

Онъ, ничего не видя, вышелъ. Она, давась рыданіями, оперлась горячимъ лбомъ о холодное стекло. Не замѣтивъ Миши, который все повторялъ таблицу умноженія, — такъ ему, по крайней мѣрѣ, это казалось — онъ пошелъ къ князю, горячо сжалъ ему обѣ руки и, ни слова не говоря, торопливо пошелъ въ свой „Лондонъ“. Онъ не уходилъ отъ окна. Онъ слышалъ въ страшной тишинѣ уми-

рающего города, какъ къ порту пронесся автомобиль. Онъ видѣлъ, — по огнямъ — какъ отвалили отъ берега невидимый миноносецъ. Одинъ изъ французскихъ кораблей сразу поймалъ его своимъ бѣлесымъ лучомъ и упорно не спускалъ съ него этого своего свѣтлаго глаза. И казалось Костромину, что кто-то большой указываетъ ему этимъ пальцемъ: тутъ. Онъ и самъ зналъ, что все теперь для него тутъ, но — было поздно...

VIII

Страшная развязка приближалась. „Армія“ петлюровцевъ, армія призраковъ, разбѣялась — частью разбѣжалась, а частью, съ величайшимъ одушевленіемъ передъ предстоящими грабежами, примкнула къ краснымъ. Большевики мѣстные, готовясь принять „власть“ надъ умирающимъ городомъ, подняли голову. Буржуи разбѣгались — кто въ Крымъ, кто на Кавказъ, кто за-границу. Французская эскадра вдругъ бросила все и всѣхъ изъ произволь судьбы и ушла. Упорно говорили, что на корабляхъ не все благополучно: очевидно, что и безъ миллионовъ комиссарши Норвилло пожаръ загорался повсюду, куда попадали искры. Европейская война подготовила въ сердцахъ много горючаго матеріала... Разбитые и голодные, бѣлые отряды, среди невообразимой паники, отступали отъ обреченнаго города, кто куда могъ...

Князь прислалъ Мишу къ Костромину: что же онъ намѣренъ дѣлать? Костроминъ, исхудавшій, обросшій волосами, весь во власти своихъ мрачныхъ, запутанныхъ мыслей, цѣлыми днями не показывался никуда, то лежа на неприбранной кровати своей, то ходя изъ угла въ уголъ — безъ конца.

— Что я намѣренъ дѣлать? — вяло повторилъ онъ. — А что же теперь можно дѣлать? Разъ пришло время умирать, значитъ, надо умирать. Только и всего. Спасибо, Миша. Думайте о себѣ. И очень, очень кланяйтесь князю. Что онъ думаетъ предпринять?

— Мы хотимъ съ боемъ отступить къ румынской границѣ... — сказалъ Миша. — Съ нами много женщинъ и дѣтей. Надо спасать... Можетъ быть, и вы пошли бы съ нами, Андрей Андреевичъ? А? Право, отлично было бы...

— Хорошо. Отлично. Я подумаю... — сказалъ безучастно Андрей Андреевичъ и по тону его было видно, что онъ говоритъ такъ только, чтобы отвязаться. — Я готовлюсь... Обнимите за меня князя... — нелогично прибавилъ онъ. — Прощайте, голубчикъ...

Миша, перепуганный страшнымъ видомъ писателя, торопливо побѣжалъ къ князю. Тотъ внимательно выслушалъ и разсердился.

— Такъ я прикажу арестовать его, вотъ и все!.. — стукнулъ онъ кулакомъ по столу. — Горе у всякаго теперь есть — нельзя же такъ распускаться... Ну, я распоряжусь...

А Костроминъ снова остался одинъ въ своей непровѣтренной, ужасной клѣткѣ — прислуга, радостно предвкушая приходъ большевиковъ, забросила всякую работу — и въ головѣ его тяжелыми глыбами катились въ безконечность тяжелыя думы. Загадки жизни терзали его. И болѣе всего кружилась его мысль вокругъ главнаго вопроса: какъ случилось то, что случилось? Какъ могла Красная Мадонна, строгая, чистая дѣвушка, стать этой Красной Мессалиной, о скандальной жизни которой кричать все? Какъ могъ онъ, всечеловѣкъ и эстетъ, очутиться какимъ-то помощникомъ палача? Какъ могутъ миллионы русскихъ людей дойти до такого даже не звѣрскаго, — ибо звѣрей такихъ не бываетъ — а какого-то особеннаго состоянія, когда хожденіе по колѣна въ крови и выматываніе другъ у друга кишекъ считается прекраснымъ и нужнымъ дѣломъ? Онъ разбиралъ жизнь по ниточкамъ, но какъ ни старался онъ дощупаться до причины причинъ, онъ всегда попадалъ мыслью въ какой-то прогорклый туманъ, въ которомъ кончалось все.

„Да, греки правы... — думалъ онъ безучастно. — Ихъ кто-то представилъ намъ беззаботными бабочками, главное занятіе которыхъ вакханаліи, смѣхъ и анакреонтиче-

скія пѣсни. Но это вздоръ. Въ первыхъ же трагедіяхъ ихъ было указано человѣку на тѣ страшныя силы, которыми онъ окруженъ, которыхъ онъ рабъ. Въ этихъ ихъ созданіяхъ дыханіе Рока можно ошупать руками... А мы все топорщимся. Чего же топорщиться, когда ничего не выходитъ? Была молодость, было все то — ему вспомнилось что-то голубое и радостное — и вотъ въ результатѣ всѣхъ бореній: какой-то шпикъ-доброволецъ тащитъ на висѣлицу Красную Мессалину... Это — не мы. Это намъ снится. Стоитъ только сдѣлать небольшое усиліе и все станетъ на свое мѣсто...”

Онъ дѣлалъ усилія проснуться, но ничего не выходило кромѣ того, что уже вышло.

А съ этимъ жить нельзя.

И гдѣ она теперь? Что съ ней? Несмотря на весь ея непріятный задоръ, она все же только слабая женщина и напрасно онъ пустилъ ее такъ одну въ неизвѣстное. Командиръ миноносца донесъ князю, что она ночью благополучно высажена подъ Варной, но — а дальше что?

И точно змѣя жадная, тоска сосала сердце. И неодолимо, неотразимо вставалъ въ памяти милый образъ пламенной Красной Мадонны, которая, бѣшено нападая на него, заставляетъ его увѣрять, что весь секретъ жизни въ краткой заповѣди „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Боже мой, какая была она наивная!.. А теперь — Красная Мессалина. Эту кличку пустилъ въ оборотъ грязнѣйшій изъ грязныхъ, Смѣтовъ. И какъ негодовалъ грязный старичишка этотъ, что главнокомандующій выпустилъ изъ рукъ такую драгоценную добычу:

— Если ужъ не вѣшать, такъ, по крайней мѣрѣ, удержатъ заложницей... — негодуя, авторитетно повторялъ онъ всѣмъ. — А то не угодно ли? Вотъ тутъ и старайся для любезнаго отечества! Если бы не я, она тутъ, можетъ быть, давно бы ужъ царствовала... Нѣтъ, все къ чорту!.. Пойдемъ напоследокъ къ дѣвочкамъ сходимъ... А тамъ хоть къ чорту на рога...

Въ дверь раздался энергичный стукъ.

— Да... Войдите... — безучастно отозвался онъ. — Что тамъ еще?

На порогъ стоять князь.

— Почему вы не собрались въ походъ? — оглядѣвъ Костромина съ ногъ до головы, строго спросилъ онъ. — Я же посылалъ къ вамъ съ предупрежденіемъ адъютанта. Это еще что за распущенность?..

Старикъ чувялъ, что тутъ если что и подѣйствуетъ, то только повелительный тонъ. Онъ понималъ страшную драму поэта. Онъ вспоминалъ тѣ страшные дни, когда погибла милая Стеша. Его можно спасти, только взявъ крѣпко за шиворотъ.

— Но я не думалъ, князь, что я такъ... необходимъ вамъ въ отступленіи....

— Я васъ не спрашиваю, что вы думали... — оборвалъ генералъ, нахмутивъ сѣдыя брови. — Вы офицеръ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Такъ я приказываю вамъ, захвативъ все необходимое, черезъ часъ присоединиться къ моей колоннѣ. Оружіе получите тамъ. Со мной сотни женщинъ и дѣтей беззащитныхъ, а тутъ молодые люди забились у себя.... Нѣтъ, нѣтъ, такъ жить невозможно! Чрезъ часъ чтобы вы были у меня...

— Слушаю, ваше превосходительство... — вяло отвѣчалъ онъ и подумалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, сколько беззащитныхъ женщинъ, дѣтей, стариковъ... Не хорошо...“

Князь еще разъ пронзительно посмотрѣлъ на него съ порога боковымъ взглядомъ и повернулся:

— Поживѣе, пожалуйста!

И, когда съ убогимъ чемоданчикомъ своимъ выпшелъ онъ на улицу, — чистый морской воздухъ оразу опьянилъ его, — къ нему вдругъ подошелъ какой-то изможденный обורванецъ:

— Записка вамъ...

— Отъ кого? — сумрачно спросилъ Костроминъ.

— Прочитайте — увидите... — усмѣхнулся тотъ.

Онъ развернулъ листокъ сѣрой бумаги. Тамъ стояло: „Еще разъ благодарю Вас. Если Вы дадите слово оста-

ваться в борьбе нейтральным, наши при занятии города не тронут Вас. Скажите посланному только одно слово „да“ и все будет в порядке. До свидания. — А. Н.“

Онъ криво усмѣхнулся и опустил голову. Гдѣ-то за городомъ стучали выстрѣлы, жалко, беспорядочно, противно, точно людямъ уже надоѣло убивать одинъ другого. То наступали красные.

— Такъ какой же отвѣтъ отъ васъ будетъ? — спросилъ оборванецъ, удивленно глядя на него. — Мнѣ велѣно только узнать: да или нѣтъ?

И Костроминъ спокойно, холодно уронилъ:

— Нѣтъ...

Перестрѣлка на окраинѣ города все оживала. Послышались пушки. Забухали выстрѣлы и въ городѣ: то въ тылу бѣлыхъ наступающимъ помогали мѣстные большевики...

IX

Тысячи, миллионы незамѣтныхъ красныхъ муравьевъ вели въ потрясенной до основаній старой Европѣ сгою разрушительную работу, подтачивая самый фундаментъ ея — одни, очень немногіе, потому, что души ихъ плѣнили высокій идеаль единой, великой человѣческой семьи, въ которой не будетъ ни войнъ, ни бѣдности, ни неволи; другіе — изъ честолюбія, изъ желанія поблистать на новыхъ и, какъ имъ казалось, необычайно эффектныхъ роляхъ; третьи изъ жадности пограбить; четвертые изъ мести къ владыкамъ жизни; пятые — этихъ было очень много — просто по глупости... Эти незамѣтные красные муравьи, подтачивающіе основы европейскаго общества, были разсѣяны по всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ и взоры всѣхъ были обращены на Красную Мекку, старую Москву, гдѣ, какъ имъ говорили, возставшій народъ уже творить чудеса Новой жизни...

Эти маленькіе красные оазисы ловко передавали знаменитую комиссаршу изъ одной страны въ другую, и вездѣ она видѣла тайные склады оружія, тайныя квартиры, тай-

ныя типографіи, и вездѣ ей готовы были фальшивые паспорта, фальшивыя визы, фальшивыя деньги. Въ душѣ ея среди этой пахнувшей кровью суматохи происходило что-то новое, еще смутное, но тяжелое. Съ одной стороны, видя повсюду столько работниковъ новаго, лучшаго будущаго, рая для всѣхъ трудящихся и обремененныхъ, она укрѣплялась въ мысли, что она, несомнѣнно, избрала вѣрный путь, что имя ея войдетъ въ исторію, какъ одной изъ первыхъ женщинъ, ставшей въ ряды тогда слабаго и угнетеннаго пролетаріата, что и ея кирпичъ въ величественномъ зданіи освобожденнаго человѣчества будетъ зачтенъ потомствомъ, какъ благодѣяніе, какъ даръ, тѣмъ болѣе великій, что онъ былъ вольный, отъ всего сердца. Но съ другой стороны эта атмосфера постоянной лжи, крови и тайнъ начинала, послѣ всего пережитого, утомлять ее все болѣе и болѣе. И не могла она теперь не видѣть, что, если вокругъ нея копошатся, и хлопочуть о ней, и смотрятъ на нее, знаменитую комиссаршу, влюбленными, подобострастными глазами, — генеральшей новаго міра она давно уже привыкла себя чувствовать — то, совершенно несомнѣнно, чула она среди этихъ красныхъ, неустанно точащихъ муравьевъ и много совершенно определенныхъ мерзавцевъ. Но выбирать не приходилось. На однихъ „идейныхъ“ далеко, конечно, не уѣдешь. И почему они мерзавцы? Конечно, потому, что ихъ такими сдѣлалъ проклятый капиталистическій режимъ... Новый голосъ, голосъ сомнѣнія, шепталъ: но вѣдь вотъ не всѣхъ же онъ сдѣлалъ мерзавцами! Вѣдь вотъ хоть въ Одессѣ ее самое они могли вполне свободно и вполне справедливо — мстя за кровь своихъ, замученныхъ красными, — повѣсить, но вотъ все же не повѣсили, а даже спросили: есть ли у нея на дорогу деньги?.. Она отмахивалась отъ надоедливаго голоса. Ей хотѣлось покоя, чтобы слушать грустныя пѣсни уставшаго сердца о быломъ, о томъ, что тогда случилось на берегу голубого озера...

Она думала о Костроминѣ безпрестанно и, чѣмъ больше думала, тѣмъ больше тянулась къ нему, тѣмъ сильнѣе и грознѣе росъ въ душѣ ея разладъ. Она видѣла въ жизни

многое, очень многое, но, какъ и огромное большинство людей, она не замѣтила одной большой жизненной правды, правды о томъ, что умъ въ человѣкѣ всегда готовъ къ услугамъ поднявшихся страстей, что всѣ эти ея теперешнія боренія, слѣдовательно, это только постройка мостовъ для чего-то новаго. Она на закатѣ женской молодости всей душой, страстно, потянулась къ тому, кто первый разбудилъ въ ней сердце, а ей казалось, что она ищетъ какія-то новыя истины. Отъ старыхъ она и не думала вслухъ отказываться, — всякое положеніе, а не только „noblesse“ обяыываетъ — нѣтъ, но она думала, что въ старыя положенія нужно теперь внести какіе-то — какъ она на ихъ жаргонѣ выражалась, — не поправки, нѣтъ, а „коррективы“: такъ научнѣе, значительнѣе... Она и не подозрѣвала, что эти „жоррективы“ у нея, — какъ и у всѣхъ — быстро и ловко съѣдятъ скоро то, что они призваны были какъ будто только чуточку подправить...

Она жадно читала всякія газеты, — и буржуазныя, и красныя, и русскія, и иностранныя, — чтобы найти въ нихъ подробности о взятіи красными Одессы, чтобы встрѣтить имя Костромина, но было, какъ всегда, очень много всякой лжи, но того, чего нужно, не было совсѣмъ: точно онъ, извѣстный писатель, въ воду канулъ. Ей было страшно думать, что онъ въ первые дни страшнаго террора могъ тамъ погибнуть, какъ просто безыменный интеллигентъ, какихъ уже погибли тысячи. Иногда, когда ей удавалось остаться одной, когда можно было перестать врать — врала она совершенно инстинктивно, противъ воли — о необычайныхъ достиженіяхъ народной власти въ Россіи, она тосковала такъ, что мѣста себѣ не находила и ей было страшно, что она не сберегла себя для него. Все ея прошлое воплощалось теперь назойливо и отвратительно въ образѣ того вождя, который впервые взялъ тогда ее, смѣшную, наивно-самоувѣренную молоденькую фигурантку на міровой сценѣ... И она вся тряслась отъ отвращенія, и съ особымъ тщаніемъ мылась вся отъ головы до ногъ, какъ будто бы можно было смыть съ себя ту, теперь представлявшуюся ей позорной, „лю-

бовъ“. И, какъ институтка, она, апостоль міровой революціи, забравшись съ ногами куда-нибудь на продавленный, пролетарскій диванъ въ какой-нибудь тайной квартирѣ, мечтала, что было бы, если бы тогда въ Лозаннѣ они сказали одинъ другому то, что сказать только и было нужно. И ей почему-то представлялся какой-то деревенскій домъ, и солнечныя лужайки, и цвѣты, и бѣленькія дѣти съ ямочками на щекахъ, съ очаровательными голенькими ноженками, и среди всего этого — онъ, эстетъ, мечтатель, поэтъ, гордецъ...

Но какъ онъ смѣлъ говорить съ ней въ Одессѣ!..

И кровь бросалась ей въ лицо...

И она „призывала себя къ порядку“. Маниловщина, мечтанія, бѣленькіе Фемистоклюсы — ну, а тѣ, которые страдаютъ, тѣ, которые жаждутъ освобожденія отъ тысячелѣтнихъ ржавыхъ, разъядающихъ тѣло и душу, цѣпей?... И вдругъ тайный голосъ — точно дьявола какого-то — подсказывалъ ей, что вѣдь вотъ она и всѣ эти ея вожди года трудятся надъ тѣмъ, чтобы передѣлать міръ, а что они дали обездоленнымъ до сихъ поръ? Междоусобную войну безъ конца, голодь, тифъ, разореніе и очень много словъ, очень много лжи... И пока ничего больше.

И она, точно спасаясь отъ демоновъ, бѣжала на-люди. На нее смотрѣли подобострастными, влюбленными глазами и, не проходило и получасу, она очень солидно, очень научно, съ массой словечекъ изъ ихъ особаго жаргона посвященныхъ, уже рассказывала, какъ храбро борется красная Москва со своими безчисленными врагами и всяческими трудностями, которыя ей на пути воздвигаются, какъ она побѣждаетъ на каждомъ шагѣ, какъ растутъ завоеванія рабочихъ и крестьянъ въ безбрежной странѣ, какъ скоро понесетъ Москва во главѣ побѣдоносныхъ армій своихъ факелъ возстанія по всей землѣ...

Ея репутація была слишкомъ хорошо извѣстна и иностранные товарищи легко предъявляли къ ней требованія на ея вниманіе, но она рѣзко отстраняла теперь апостоловъ новаго міра. Они удивлялись. И разъ, когда зашелъ

въ Вѣнѣ разговоръ на эту тему, она, вспыхнувъ, — теперь она часто вспыхивала — рѣзко бросила:

— Свободная любовь!.. Но не надо злоупотреблять понятіями, товарищи. Свободная любовь — она подчеркнула слово любовь — это одно, а скотный дворъ — другое...

— Товарищъ, вамъ пакетъ изъ Москвы...

Черезъ подставныхъ лицъ, на фальшивые адреса, черезъ какія-то таинственныя руки къ ней добрался пакетъ. Тамъ былъ призывъ скорѣе вернуться на свой постъ: изнемогаемъ. И тутъ же была приложена записочка на сѣрой бумажкѣ, карандашемъ, изъ Одессы отъ того друга-рабочаго, которому она въ порту поручила свою записку къ Костромину. Онъ писалъ:

„Дорогой товарищ, и, как вы велели, ходил к товарищу Костромину и записку вашу им передал, но они, прочитавши, приказали вам сказать нет, что они с вами несогласны. Вам навеки преданный Маркел Стромиллин. А горат Адест теперь в ваших руках. С товарищеским приветом.“

По душѣ ядовитой змѣйкой скользнуло: они приказали...

И она снова заговорила о побѣдахъ Москвы...

Х

И вотъ, наконецъ, она принеслась въ Москву. Огромный городъ, взѣрошенный, какъ пьяница послѣ попойки, грязный до послѣдней степени, кипѣлъ какою-то новой, нездоровой, кошмарной жизнью. Обыватели были озабочены двумя дѣлами: во-первыхъ, какъ спастись отъ лишнихъ лапъ новой власти, а во-вторыхъ, какъ спастись отъ голода и холода. Ничего другого какъ будто въ мірѣ и не существовало. А такъ какъ подъ гнетомъ двухъ заботъ этихъ постоянно быть было нельзя, то опьянялись

кивошкой съ американскими пошлостями въ 12 километро-
тровъ, виномъ и развратомъ — какимъ-то холоднымъ,
липкимъ, тошнымъ... Среди ошалѣвшихъ обывательскихъ
толпъ, оборвавшихся, сѣрыхъ, съ мукой въ глазахъ, оза-
боченные сверхъ всякой мѣры, носились представители
новой власти, какіе-то лохматые молодцы въ кожаныхъ
курткахъ и съ красной звѣздочкой во лбу, во все вмѣши-
тались, все старались наладить и, ничего рѣшительно не
умѣя, все быстро разрушали: красные муравьи остава-
лись разрушителями и тамъ, гдѣ имъ очень хотѣлось бы
создать хоть что-нибудь, ибо жить надо было и имъ. Но
этого имъ не было дано судьбой. Все, что они внесли въ
жизнь, это былъ ураганъ громкихъ, по возможности, но-
воизобрѣтенныхъ и хлесткихъ словъ, непроходимыя де-
бри лжи и непрерывное пролитіе крови тѣхъ, которые
никакъ не могли повѣрить, что все это и есть „строитель-
ство новой жизни“...

Первые дни Красную Мадонну весьма чествовали:
была въ плѣну у бѣлыхъ, бѣжала, — она не могла расска-
зать о своихъ одесскихъ подвигахъ иначе, какъ о героиче-
скомъ бѣгствѣ — видѣла всю почти Европу. Она чув-
ствовала себя, какъ знаменитость на гастроляхъ. И, не
желая обмануть ожиданія тѣхъ, которые глядѣли на нее,
разиня ротъ, она рассказывала, не могла не рассказывать,
какъ у бѣлыхъ все ужасно, какъ европейскій пролетарі-
атъ горитъ однимъ только желаніемъ, скорѣе пойти за
Москвой въ Землю Обѣтованную, какъ молятся тамъ всѣ
на красныхъ вождей, какъ рабочіе Будапешта — это было
отчасти правда: трое рабочихъ просили ее объ этомъ...
— прислали съ ней привѣтъ Красной Москвѣ... Она
чувствовала себя маленькой щепкой, которую треплетъ
и кидаетъ во всѣ стороны страшный ураганъ, но соб-
ственной воли у которой нѣтъ совсѣмъ...

Она была достаточно умна, чтобы видѣть, что все
вокругъ разрушается, разворовывается и гибнетъ. Но
никто изъ нихъ, ни всѣ эти вожди, которые еще недавно
были газетчиками третьяго сорта, а теперь игрой Рока

были неожиданно вознесены на самые вершины гигантской страны, ни сама она и вида не подавали, что корабль гибнет в бешеной бурѣ судьбы и то-и-дѣло молодецки выкрикивали все новые и новые „лозунги“: то „лицомъ къ мужику“, то „лицомъ къ просвѣщенію“, то „лицомъ“ еще къ чему-нибудь... И она выкрикивала и жестикулировала, какъ и всѣ, а въ рѣдкія минуты уединенія — на ея плечахъ было столько „ответственной“ работы!.. — искала въ газетахъ хоть какого-нибудь слѣда ненавистнаго и любимаго человѣка, безъ котораго она тутъ задыхалась. И снова и снова незримо казнила себя...

Она поняла, что она, героиня, была прежде всего всю жизнь трусихой. Только изъ трусости передъ краснымъ общественнымъ мнѣніемъ отдалась она совсѣмъ чужому человѣку, — она часто встрѣчалась теперь съ нимъ, этимъ властителемъ думъ, и онъ, говоря съ ней, все цѣдилъ какъ-то сквозь зубы, смотрѣлъ въ сторону и надъ чѣмъ-то иронизировалъ... — только изъ трусости отъ него перешла она къ другому, третьему, четвертому: она свободная женщина, которая можетъ располагать своимъ тѣломъ, какъ ей хочется?.. Объ этомъ, о „свободной любви“, и раньше, и теперь она писала книжки, полныя дѣланнаго пафоса, и совѣтское правительство съ полнымъ усердіемъ издавало ихъ и засыпало ими рабочихъ, крестьянъ и учащуюся молодежь: ему почему-то особенно хотѣлось, чтобы всѣ любили свободно. И, наговоривъ и нагородивъ театрално-пышныхъ словъ этихъ до изнеможения, она отдавала свое тѣло всѣмъ, кому этого хотѣлось, становилась рабыней своихъ собственныхъ словъ, безответной жрицей новаго Краснаго Молоха. Теперь изъ трусости она гордо декламировала на многочленныхъ собраніяхъ о смѣлыхъ „строителяхъ“, презрительно говорила объ отставшихъ въ побѣдномъ шествіи, — „мышь, бѣгущая съ корабля“... — восхваляла тѣхъ, которые, подобно ей, упорно прошибали лбомъ стѣну, уже зная, что прошибить ее нельзя: все это были герои, „капитаны, которые мужественно не покидаютъ своего мостика въ самые опасныя минуты“... И иногда ее самое дивило, до

какой степени способна толпа, которою они руководили, глотать все, что только ей преподносят...

Но, можетъ быть, болѣе всего въ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія тяготило ее это издѣвательство всѣхъ этихъ „вождей“ и „мыслителей“ надъ мыслью человѣческой, этотъ ихъ рабій страхъ передъ ней. Мыслить у нихъ могли только тѣ, которые мыслить не умѣли. Всякая вольная мысль безпощадно давилась ими и вчерашніе свободные „мыслители“ отправляли всѣхъ съ ними несогласныхъ въ страшные подвалы застѣнковъ, которыми была переполнена Россія. Отъ этого мучило не только ее, но и многихъ другихъ: вѣдь всѣ они въ свое время, при старомъ режимѣ, переносили этотъ тяжкій гнетъ, всѣ испытывали это бѣшенство, когда грязная рука зажимала человѣку ротъ и вотъ теперь, чудомъ — они въ хорошіе моменты признавались сами, что это было только чудо — захвативъ власть надъ громадной страной, они безпощадно топтали въ грязь и уничтожали всѣхъ, кто думалъ не по ихъ шаблону! А думали не по ихъ шаблону 150,000,000 человѣкъ, ибо ихъ всѣхъ не было и милліона, этихъ „партийцевъ“ въ кожаныхъ курткахъ и длинныхъ сапогахъ, которые, видимо, надѣвались для удобства при „творчествѣ“ новой жизни. Она, по старымъ связямъ, знала въ старомъ мірѣ много людей умныхъ, благородныхъ, чистыхъ, которые искренно трудились надъ тѣмъ, чтобы улучшить и украсить жизнь человѣческую и вотъ теперь всѣ эти люди въ грустной покорности судьбѣ молчали, а говорили, шумно, съ жестами тѣ, у которыхъ въ запасѣ ничего, кромѣ трафаретныхъ фразъ изъ газетныхъ листовъ, не было. И при встрѣчѣ со всѣми этими академиками, писателями, художниками, профессорами, сектантами ей теперь было стыдно... Было стыдно и нельзя было остановиться: гигантскій разбѣгъ толкалъ всѣхъ все впередъ и впередъ и „вожди“, которыхъ трепала эта буря, подбочивались и дѣлали видъ, что этого самаго они и хотѣли. Разрушивъ армію, они торопились возстановить армію, разрушивъ тайную дипломатію, они возстановляли дипломатію, разрушивъ торговый и промышленный аппаратъ,

они начинали „учиться торговать“, перебивъ образованный классъ, они широко открывали двери въ университеты и туда тысячами устремлялись пролетаріи, не знавшіе четырехъ правилъ ариметики... Гигантская страна вся точно превратилась въ сумасшедшій домъ, въ которомъ самыя опасныя изъ сумасшедшихъ командовали.

Было страшно, было стыдно, но они изъ всѣхъ силъ продолжали трагикомедію подъ незримой плетью какого-то незримаго режиссера. И нѣкоторые выбивались изъ силъ: одни, захвативъ деньги рабочихъ и крестьянъ, просто бѣжали въ страны буржуазныя, а другіе — стрѣлялись. И число этихъ „бѣгущихъ съ корабля мышей“ все увеличивалось... Тѣмъ больше подбочивались вѣрные: вѣдь на нихъ смотрѣлъ пролетаріатъ всего міра съ надеждой, а буржуазія — со страхомъ и ненавистью...

Она была послана съ „ответственнымъ“ порученіемъ въ Ташкентъ. Тамъ поднимали голову мусульмане и въ красныхъ частяхъ было замѣтно шатаніе. Она не знала, что дѣлать ни съ мусульманами, ни съ красными частями, ибо испробовано было все и ничто не помогало: шататься продолжало все и все было не надежно. Но она произнесла нѣсколько рѣчей, попредѣлательствовала въ нѣсколькихъ собраніяхъ, пригрозила пресловутой и совершенно бесполезной „чисткой“ и вдругъ, при представленіи ей мѣстнаго начальства, увидала — одесскаго полковника, начальника бѣлой развѣдки, Стишинскаго. Онъ былъ красенъ, пьянъ и нагло смотрѣлъ на нее блестящими глазами. Здѣсь онъ былъ начальникомъ красной развѣдки и, по слухамъ, отличался большой жестокостью.

— Я явился къ вамъ, товарищъ, чтобы доложить, что въ учрежденіи ГПУ все обстоитъ благополучно... — сказалъ онъ. — Мы свое дѣло дѣлаемъ исправно и тревоги правительства очень преувеличены. Скажите имъ, чтобы они не беспокоились тамъ: за спокойствіе этой провинціи я ручаюсь вполне...

Она покраснѣла, но такъ растерялась, что не сказала ничего...

Повѣсивъ голову, со смертию въ душѣ, она вернулась

въ отведенное ей лучшее помѣщеніе въ городѣ. На столѣ лежала свѣжая корреспонденція и среди нея толстый казенный пакетъ изъ Москвы. Она апатично вскрыла его. Тамъ были какія-то бумаги за № — они изводили невѣроятное количество бумаги, эти красные термиты-разрушители, — и нѣсколько эмигрантскихъ газетъ. Жалкіе листки эти казались имъ страшнѣе всякаго динамита и потому въ Рабоче-Крестыянской Республикѣ читать ихъ имѣли право только самые главари... Она раскрыла первый попавшій подъ руку номеръ и вздрогнула: подъ фельетономъ стояла его подпись... Читать его статьи она не могла. Она уронила прекрасную голову свою на пруду исписанной бумаги и изъ усталыхъ и печальныхъ глазъ быстро-быстро, безъ усилія, полились слезы. И была въ нихъ и радость безмѣрная, и тоска безкрайняя, и безнадежность самая черная...

Но онъ быть живъ!..

Дали посвѣтлѣли и робко улыбнулись измученной душѣ...

XI

Костроминъ, дѣйствительно, быть живъ или, точнѣе, едва живъ.

Если бы та матеріальная нужда, которая теперь обрушилась на него, пришла къ нему, когда-то богатому и избалованному человѣку сразу, можетъ быть, онъ и подломился бы. Но нужда въ долгіе — о, какіе долгіе! — годы войны міровой и гражданской подходила, все усиливаясь, постепенно и теперь онъ сносилъ ее совсѣмъ легко: мерзъ въ нетопленной комнаткѣ мансарды, появлялся на улицахъ въ весьма потертомъ пальто, ѣлъ, выбирая, что подешевле. И все это было хотя и тяжело, но переносно. Но мучительно было то, чѣмъ была полна душа.

Она была полна прежде всего до краевъ тоской по воскресшей-было въ Одессѣ и снова такъ быстро умершей милой, солнечной, голубой сказкѣ прошлаго. Онъ по

газетамъ знать, что она выплыла опять и вершить въ Москвѣ судьбы вселенной, но прежняго озлобленія къ ней уже не было. На разстояніи онъ какимъ-то тайнымъ проникновеніемъ чувствовалъ ея боренія со страшнымъ Рокомъ, владыкою всего. Если онъ самъ жалкая щепка, которую крутитъ и бросаетъ куда угодно Океанъ, то навивно думать, что она какая-то повелительница Океана. Если равенство между людьми и существуетъ, то только передъ Рокомъ. И, пожалуй, передъ заблужденіемъ. И жалость къ ней боролась въ немъ съ отвращеніемъ, — она все же Красная Мессалина! — и все болѣе и болѣе, незаметно, жалость побѣждала. Бѣдная, милая Красная Мадонна!.. А подъ этими чисто чисто личными, никому невѣдомыми, переживаніями шла глубокая работа по переоцѣнкѣ старыхъ цѣнностей, по пересмотру всѣхъ прежнихъ вѣрованій, мечтаній, надеждъ и „знаній“. Эта работа была чрезвычайно сложна. Досуга для нея было очень мнѣного: людей онъ чуждался, а работать было негдѣ, ибо поганенькіе листки эмиграціи занимались, главнымъ образомъ, взаимойстребленіемъ и доступъ въ эти скудные мыслѣ и духомъ ячейки человѣку съ воли, независимому, былъ совершенно невозможенъ. Его печатали изъ-за имени только изрѣдка: жалкія крохи, которые эти газетки собирали, нужны были прежде всего „своимъ“. Его имя можно было, конечно, въ своихъ интересахъ использовать, но и только. И если онъ теперь что и писалъ, то все написанное складывалъ въ свой потертый чемоданчикъ до лучшихъ временъ, на приходъ которыхъ онъ, однако, не надѣялся. И потихоньку забывалъ его будто и бѣлый лагерь, и рекламношумная лѣвая „общественность“... Онъ сталъ уже подумывать о мѣстѣ чернорабочаго какого-нибудь, но и тутъ встрѣтилось препятствіе: не войдя въ синдикатъ, работу получить было почти невозможно, а если бы получить ее и удалось, то не было бы конца преслѣдованіямъ со стороны синдиката. Но предпринять что-нибудь было нужно: голодъ подступалъ...

А пока онъ съ напряженнымъ вниманіемъ присматривался къ человѣку послѣ великой войны вообще и къ эми-

граціи въ частности. За войну и революцію у него пропала всякая вѣра въ красивыя слова и теперь, когда мисшюра эта облетѣла, когда жизнь предстала предъ нимъ нагишемъ, предъ нимъ открылась страшная правда: въ жизни позволено рѣшительно все. Для этого нужно быть только побѣдителемъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, соблюдать извѣстныя приличія при раздираніи жертвъ своихъ, для чего лучшимъ средствомъ служатъ громкія и благородныя слова. А подъ этой дымовой завѣсой можно все. Не одни большевики научили его этой страшной правдѣ. Большевики были всѣ одинаково. Москвичи отличались только большимъ нахрапомъ и наглостью. Они были откровеннѣе. Развѣ не большевикъ былъ тотъ крупный издатель, который предложилъ ему за его лучший романъ 1000 франковъ? И вся эта жизнь среди сумасшедшей роскоши и безумной нищеты не одна сплошная чрезвычайка? Тамъ сдираютъ съ живого человѣка кожу палачи-спеціалисты — здѣсь всѣ это дѣлаютъ, начиная съ консьержки, которая, если не получитъ своихъ пяти франковъ, будетъ терять твои письма. Правда, на фронтонахъ публичныхъ зданій тутъ красуется „Свобода, Равенство, Братство“, но это только старая дымовая завѣса, подъ которой, опрокинувъ старыхъ хищниковъ и самодуровъ, пришла къ власти буржуазія. И разглагольствованія о побѣдоносной демократіи это опять-таки только новая дымовая завѣса, подъ прикрытіемъ которой польская демократія отхватила коренныя, старыя русскія земли, урвала клочъ Россіи даже Эстонія, все населеніе которой меньше населенія одной Москвы. А здѣсь въ Европѣ демократическіе ученые взапуски изобрѣтаютъ ядовитые газы, которые могутъ стереть съ лица земли въ часъ населеніе гигантской современной столицы и газеты выхваляются такими блестящими достиженіями современной науки. И онъ, промоздя тысячи безотрадныхъ фактовъ, — въ нихъ недостатка не было — подвелъ итогъ: большевики не придумали рѣшительно ничего новаго — позволено все. И его удивляло, какъ такой простой истины онъ не видѣлъ раньше.

И простонало чуть слышно сердце: ахъ, если бы хоть она была близко!...

Онъ посмотрѣлъ на свои жалкіе часики, — дорогой хронометръ свой, спустивъ за полцѣны какой-то акулѣ на бульварахъ, онъ давно проѣлъ — взялъ свою очень почтенную уже шляпу и вышелъ: надо было навѣстить бывшего адъютанта, Мишу, который служилъ за шестьсотъ франковъ при типографіи какого-то русскаго армянина, взявшагося за политику и, конечно, за газету. Газета была дрянная, совсѣмъ не шла, но нахичеванскій меценатъ не унывалъ и „спасалъ Распятую Россію“. Пользуясь этимъ, около него кормилось нѣсколько газетчиковъ и писателей. Миша — его всѣ любили — общалъ похлопотать для Костромина о мѣстѣ наборщика...

Костроминъ, ничего не замѣчая изъ жизни, кипѣвшей вокругъ него въ этой каменно-жесткой, каменно-холодной пустышѣ, добрался до типографіи и вошелъ. Пахло керосиномъ, бумагой, жирной духотой непровѣтренныхъ помѣщеній. Миша, въ грязной и длинной синей блузѣ, былъ очень смущенъ.

— Пока ничего нѣтъ, голубчикъ, говоритъ завѣдующій... Всѣ мѣста заняты. Можетъ быть, вы хотѣли бы сами переговорить съ нимъ?..

— Да о чемъ же говорить, если мѣстъ нѣтъ? — улыбнулся на смущеніе милаго мальчика Костроминъ. — Ну, а что сказалъ вамъ профессоръ о рукѣ?

— Плохо. Говоритъ, что нужно сдѣлать операцію... Нервъ, что-ли, какой-то тронуть. Говорилъ онъ эдакъ все толково, но я все, какъ вышелъ, перезабылъ. Скверно. Проклятые большевики... Ужъ лучше бы добились...

И изможденное лицо Миши дрогнуло, но онъ справился съ собой и улыбнулся своей дѣвичьей улыбкой. Костроминъ, замѣтивъ, что Миша, разговаривая, все оглядывается, — могутъ замѣтить эти несвоевременные разговоры — крѣпко пожалъ ему руку и простился.

И опять каменно-жесткая, каменно-холодная пустыня гигантскаго города, въ которомъ — онъ съ болью вспомнилъ Достоевскаго — человѣку некуда пойти. Онъ

рѣшили зайти къ Арманъ, не то поэту, не то сумасшедшему, который объявилъ всемірный бунтъ.

— Мое почтеніе, коллега...

Костроминъ поднималъ усталые глаза: передъ нимъ стоялъ весьма потертый, полушьяный и опустившійся до послѣдняго предѣла Смѣтовъ. Онъ подрабатывалъ похабными рассказиками въ русскомъ еженедѣльникѣ, пустомъ, какъ выжатый лимонъ.

— Откуда и куда? — развязно спросилъ старикъ.

— Такъ. Въ типографіи русской былъ, у армянина этого, по дѣлу.

— А, это такой, я вамъ доложу, фруктъ, что у-у!.. Я его жидо-абрамомъ прозвалъ. Раньше все были жидо-кадеты, жидо-масоны, а этотъ — жидо-абрамъ. Предлагалъ ему сборникъ своихъ рассказовъ „Женщина“ — отказалъ. Блюстителя нравовъ какого-то изъ себя изображаетъ! Да!.. — вдругъ стукнулъ онъ себя по лбу неопрятной лапой. — А новость слышали?

— Какую?

— Въ Парижъ назначена посломъ наша одесская плѣнница, Норвилло, поздравьте. Я къ ея прїѣзду такую статейку притотворю, чертямъ тошно! И хочу гдѣ-нибудь пустить рядъ фельетоновъ „Красная Мессалина“. Съ перчикомъ...

Костроминъ поблѣднѣлъ.

— Можетъ быть, было бы лучше, если бы мы въ частную жизнь людей не вмѣшивались? — проговорилъ онъ сумрачно. — Какой прежде всего въ этомъ толкъ?

— А что, они меня на мостовую выбросили, а я еще съ ними стѣсняться буду? Нѣтъ, дудки! Она у меня тутъ заплещетъ, Красная... — брызгая вонючей слюной пьяницы, пустилъ онъ грязное слово. — Я съ ней еще почитаюсь. Я ей не главнокомандующій... Никогда не прощу старому... — пустилъ онъ опять словечко изъ своего лексикона — этой его глупости въ Одессѣ. Отпустить такую птичку! Деньги надо было взять, а се на осину...

— Ну, извините, мнѣ время итти... — сказалъ Костроминъ. — До свиданія.

— Пойдите. А пятью франками меня ссудить не можете?

— Пожалуйста...

— А, можетъ, и десять дадите?

— Нѣтъ, десять не могу. У меня дѣла плохи.

— А у кого они хороши? Хочу начать писать сценаріи. Говорятъ, по пятнадцати тысячъ долларовъ за сценарій въ Америкѣ платятъ.

— Что же, попробовать не мѣшаетъ. До свиданія...

— Всего хорошаго. Спасибо. Отдамъ при первой возможности...

XII

Въ тѣсной путаницѣ старинныхъ переулковъ законченнаго Латинскаго квартала Костроминъ нашель знакомый старый, весь почернѣвшій, домъ, поднялся по густо пахнущей грязи лѣстницѣ на самый верхъ и постучалъ у жалкой двери.

— Войдите...

Онъ отворилъ дверь. Въ маленькой комнаткѣ, освѣщенной крошечнымъ оконцемъ, у ничѣмъ непокрытаго стола сидѣлъ, разсматривая близорукими глазами какія-то клише, худосочный, молодой еще, человѣкъ, съ узкими плечами, впалой грудью и отсутствующими глазами. Вокругъ вездѣ были разбросаны всякія книги, брошюры, газеты...

— А-а!.. — слабо улыбнулся онъ гостю. — Радъ васъ видѣть... А у насъ, какъ видите, дѣло понемножку подвигается... — кивнулъ онъ на клише. — Скоро и вы будете богаты... ну, если не богаты, намъ этого не надо, то, по крайней мѣрѣ, сможете работать безъ думы о завтрашнемъ днѣ...

У Костромина, какъ всегда при взглядѣ на этого не то поэта, не то помѣшаннаго, чуть сжалось сердце.

Арманъ былъ сыномъ парижскаго рабочаго, который путемъ напряженнаго труда и во-истину дьявольской эко-

номіи скопилъ небольшой капитадецъ и ухитрился какимъ-то чудомъ дать сыну нѣкоторое образованіе. Тотъ расширилъ его постояннымъ чтеніемъ. Читалъ онъ все, но видѣлъ въ книгахъ только то, что подтверждало его мечту. Мечта эта была — міровой бунтъ, бунтъ противъ всего, что есть, что тѣснить человѣка, что превращаетъ жизнь въ кровавую схватку. Ничего этого быть не должно. Окрыленный русскимъ переворотомъ, онъ восторженно полетѣлъ въ Москву. Жестокая дѣйствительность быстро смыла узоры пышной болтовни. Но онъ сопротивлялся правдѣ изъ всѣхъ силъ, усердно изучалъ русскій языкъ, китѣлъ, налаживалъ, боролся и — попалъ за дерзкую критику въ тюрьму. Онъ просидѣлъ тамъ много мѣсяцевъ, схватилъ чахотку и былъ сосланъ въ Соловки. Оттуда ему удалось съ какимъ-то молоденькимъ офицеромъ бѣжать. И теперь яримъ, раскаленнымъ лозунгомъ всей его жизни было одно: прежде всего смерть Москвѣ! *Écraser l'infâme!*..

Съ капиталистическимъ міромъ онъ уже не считался: все это кончено. Все зло теперь было въ большевикахъ. Это были новые тираны, которыхъ надо было свергнуть и на развалинахъ ихъ произвола и самовластия установить свѣтлое царство Свободы для каждого и всѣхъ. Когда его пугали, что при такомъ переворотѣ можетъ погибнуть многое изъ культурныхъ завоеваній человѣчества, онъ смѣло смотрѣлъ своими близорукими глазами въ лицо собесѣдника и съ улыбкой говорилъ:

— И прекрасно. Гибели этой не только не слѣдуетъ бояться, но, наоборотъ, ей всячески надо содѣйствовать. Пантеонъ, Сорбонну, газеты, Лувръ, театры, библіотеки мы взорвемъ первыми. Все это оковы. Ничто такъ не тормозитъ мысль и творческій геній человѣка, какъ традиція и академики. Долой все это въ первую голову... Мы уничтожимъ эти глетворныя гнѣзда традицій и на развалинахъ ихъ воздвигнемъ новую жизнь...

Эта новая жизнь освобожденнаго человѣчества лучше всего рисовалась ему въ видѣ пляшущаго хора молодёжи, среди старыхъ деревьевъ, на полянѣ, затканной

дикими цвѣтами. Онъ рѣшилъ всѣ города со временемъ уничтожить: эти мерзкія клоаки достаточно уже душили человѣчество...

И, всласть поговоривъ о міровомъ бунтѣ противъ всякихъ традицій, культуры и большевиковъ, онъ, сгорбившись и покашливая, шелъ къ букинистамъ на берега Сены, и рылся въ ихъ книгахъ, и, если находилъ въ нихъ что-нибудь, что хоть отдаленно поддерживало его, онъ былъ въ восторгѣ, и сейчасъ же производилъ автора въ геніи. Когда онъ нашелъ такимъ образомъ знаменитое посланіе къ человѣчеству la Voëtie, онъ долгое время ходилъ, какъ очумѣлый: вѣдь вотъ были же мыслители, вѣдь вотъ говорили же они людямъ правду!.. Русскихъ авторовъ, въ особенности Толстого, онъ боготворилъ...

Для торжества своей идеи онъ работалъ, не покладая рукъ, выступая въ дымныхъ рабочихъ кафе, сочиняя брошюры, которыхъ печатать никто не хотѣлъ, и проводя безсонныя ночи надъ разработкой торжественнаго вступленія человѣчества, подъ его предводительствомъ, въ Страну Обѣтованную. Онъ работалъ бы и больше, если бы не надо было кормиться — по ремеслу онъ былъ гравёръ — и если бы не этотъ неотвязный кашель. Это была чухотка. Онъ упорно говорилъ, что это хроническій бронхитъ и мечталъ о югѣ.

— А-а, солнце!.. — мечтательно говорилъ онъ, трясясь зимой на своей мансардѣ. — Я не знаю, чего я не отдаю бы за солнце!

Онъ могъ бы устроиться и лучше, — заработокъ былъ недурной, — но онъ все, что можно и все, чего нельзя, отдавалъ дѣлу Освобожденія Человѣчества: на покупку все новыхъ и новыхъ книгъ и брошюръ, на печатаніе своихъ листовокъ для бесплатной раздачи по кафе пьянымъ рабочимъ, на помощь товарищу-единомышленнику, впавшему въ острую нужду...

До всего любопытный, во все вникающій, Костроминъ пристально слушалъ его. Его поражала неистребимость иллюзіи въ сердцѣ человѣчества. Московское дѣйство уже клеймилось презрѣніемъ, какъ движеніе отсталое и

потому неудавшееся, и вотъ новые красные муравьи-разрушители уже по новому подтачивали старыя, гнилыя подпоры общества. И по тому, что у Арманъ онъ часто заставлялъ угрюмую молодежь, которая жадно слушала его и уносила съ собой его листовки, онъ чувствовалъ, что загорается какой-то новый костеръ, изъ котораго, можетъ быть, вырастетъ новый страшный — и безрезультатный — пожаръ. И поражала его, человѣка съ уже опаленными крыльями, эта бесплодность ихъ мысли: колесики ея неустанно вертѣлись точно въ пустотѣ какой, лихорадочная работа ихъ не приводила, повидимому, ни къ чему. Но онъ слишкомъ хорошо помнилъ такіе же ихъ споры и кипѣніе тогда, въ Лозаннѣ: всѣ смѣшные мечтатели тогдашніе точно колдовствомъ какимъ получили въ руки свое колоссальное наслѣдство всей тысячелѣтней Россіи, и безуміе ихъ стало заповѣдью для ста пятидесяти милліоновъ людей... И онъ понималъ: въ человѣчествѣ возможно все.

— Значитъ, дѣло подвигается?.. — спросилъ онъ гравера.

— И очень... — опять указавъ ему тотъ на клише. — Опыты удаются...

Такъ какъ Арману и его друзьямъ для дѣла не хватало только средствъ, то они пришли къ убѣжденію самими начать печатаніе франковъ. И теперь всѣ они лихорадочно трудились надъ тѣмъ, какъ бы поскорѣ привести геніальную мысль въ исполненіе.

— И это одновременно будетъ страшнымъ ударомъ по буржуазному міру... — кашляя, говорилъ Арманъ. — Взорвать денежное обращеніе, это я вамъ доложу... Но я сказалъ имъ, что глупо тратить золотое время на изготовленіе стофранковыхъ, что надо печатать тысячныя... Они согласились, хотя и увѣряютъ, что тѣ въ поддѣлкѣ труднѣе... Дѣло въ томъ, — понизивъ голосъ, сказалъ онъ съ улыбкой Костромину — что имъ удалось наладить связь съ экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. И тамъ есть наши сторонники. Теперь немножко терпѣнія и дѣло закипитъ. Я готовлю матеріалъ для пропаганды цѣлыми ночами. Такъ какъ ваши идеи иногда

близко сходятся съ нашими, — напимѣрь, что современному обществу позволено все, только закройся хорошенько дымовой завѣсой словъ — то и вамъ слѣдовало бы сѣсть за работу. Мы будемъ, конечно, платить. Настоящими, настоящими!.. — засмѣялся онъ. — Да, теперь ваша Москва у насъ затрепичитъ по всемъ швамъ. А-а, эти насильники презрѣнные, задушившіе всякую мысль! Но одинъ отрядъ бросимъ мы, конечно, въ Италію, на Муссолини. Вы слышали о послѣднемъ жестѣ его? Запретили по всей Италіи Толстого, Достоевскаго и другихъ вашихъ великановъ! Это, видите ли, не соответствуетъ духу фашизма... А?! Ну, погодите, толубчики!..

— Иногда мнѣ кажется, что за всеми этими калифами на часъ прячется какой-то насмѣшливый чертенокъ, который нарочно, на смѣхъ, подсказываетъ имъ всякія глупости, чтобы сдѣлать ихъ смѣшными... — сказалъ Костроминъ.

— Почему? — поднялъ на него свои близорукіе глаза Арманъ. — Нисколько. Разъ вступилъ на путь насилія, то неизбежно придется втупикъ. Это — Немезида. Я очень радъ видѣть, что въ самой сущности жизни заложена какая-то стихійная жажда справедливости. Ты задушилъ человѣческую мысль — прекрасно, будь идиотомъ!

— А вы думаете, что, въ самомъ дѣлѣ, можно допустить полную свободу мысли? Развѣ при некультурности массъ это не приведетъ къ катастрофамъ?

— Почему же нельзя? Я совсѣмъ не горжусь нашей очаровательной Маріанной, но тѣмъ не менѣе все же мы, французы, можемъ говорить рѣшительно все, что намъ угодно...

— На бумагѣ, — сказалъ Костроминъ. — Вѣдь вотъ ваши же брошюры и книги лежатъ ненапечатанными и мои тоже. Стало быть, у насъ съ вами свободы слова нѣтъ.

— Въ принципѣ есть. А это — недостатокъ механизма.

— Да какое же мнѣ утѣшеніе въ томъ, что въ принципѣ у меня есть голосъ, когда ротъ мой зажатъ?

— А вотъ мы затѣмъ и выступаемъ, чтобы вамъ его открыть: кричите, пожалуйста...

Костроминъ опустилъ голову. Онъ зналъ, что, если эти фантазеры пробьются когда-нибудь къ власти, то первымъ дѣломъ и они запечатантъ ротъ несогласнымъ кровавой печатью. Такъ дѣлали всѣ. Такъ будутъ дѣлать всѣ всегда.

— Нѣтъ, а эти ваши московскіе болваны!.. — кашляя, воскликнулъ Арманъ. — Сегодня я читалъ описаніе современной Москвы, написанное какимъ-то изъ любознательныхъ буржуа. Онъ восхищается ихъ реставраціей Кремля, ихъ музеями, которые они понадѣлали на каждомъ шагу... О, идиоты!.. Да это первое, — первое! — что надо уничтожить... Мы сравниваемъ вашъ Кремль съ уровнемъ земли такъ, что никто и подозрѣвать не будетъ, что тутъ нѣкогда стояло гнѣздо вашихъ сатраповъ. И пусть тутъ вырастетъ красивый лѣсъ и на зеленыхъ полянахъ, засыпанныхъ цвѣтами, ваша молодежь поведетъ свои веселые хороводы... О, идиоты!.. Изученіе исторіи! Да зачѣмъ намъ тратить жизнь на изученіе исторіи, когда намъ надо жить? Развѣ можно изучить всю бездну глубостей, которыя были надѣланы человѣчествомъ за эти тысячелѣтія мрака? Да и, главное, на что, на что?!..

И онъ закатился вдругъ въ мучительномъ кашлѣ. Внутри его что-то жирно клокотало. Въ глазахъ былъ ужасъ. На блѣдномъ лбу, опущенномъ жидкими, безцвѣтными волосами, проступилъ обильный потъ. Онъ едва отдышался.

— Ослабъ... — шопотомъ проговорилъ онъ. — Извините, я немножко прилягу. Какъ только я налажу это дѣло, я думаю переселиться на югъ. А Парижъ мы все равно разрушимъ. Это загаженное лягушечье болото... А, солнце, солнце!.. — вздохнулъ онъ. — Я все отдамъ за солнце...

И онъ, шатаясь, перебрался на свою убогую кровать и утомленно закрылъ глаза...

Выждавъ, пока онъ немножко отдохнетъ, Костроминъ, повѣсивъ голову, побрелъ домой. Въ душѣ нullo.

Въ чемъ дѣло? Онъ остановился. Да, пріѣзжаетъ она... И въ поганомъ листкѣ появятся очерки прохвоста „Красная Мессалина“...

XIII

Въ Москвѣ на верхахъ начиналась предуказанная Роккомъ склока. Всѣ обвиняли одинъ другого во всевозможныхъ „уклонахъ“ отъ правовѣрія, всѣ сваливали одинъ на другого вину во все нарастающемъ развалѣ, всѣ выступали съ болѣе или менѣе рѣшительными проектами движенія то вправо, то влево, всѣ подкапывались одинъ подъ другого, чтобы занять мѣстечко болѣе теплое или болѣе почетное — словомъ, шло то, что всегда, съ сотворенія міра, шло между правителями, то-есть, людьми, почему-то вообразившими себѣ, что они лучше другихъ знаютъ, какъ устроить дѣла человѣческія. И то-и-дѣло бомбой взрывались отвратительнѣйшія и грязнѣйшія преступления. Жизнь страшно оподлѣла, посѣрѣла и зловонно разлагалась. И на фонѣ этого умиранія шли отчаянныя оргіи разныхъ калифовъ на часъ — вплоть до обнаруженія, что калифъ совершилъ крупную растрату. Тогда или онъ убѣгалъ, или его разстрѣливали и его мѣсто занималъ другой калифъ, который дѣлалъ то же...

Красная Мадонна, по основному свойству характера своего идти наперекоръ всему, несмотря на тяжелую драму, которая шла у нея внутри, становилась все болѣе и болѣе непримиримой большевичкой: чѣмъ поганѣе было вокругъ, чѣмъ несомнѣннѣе было, что дѣло ихъ провалилось окончательно, тѣмъ болѣе хотѣла она оставаться на „капитанскомъ мостикѣ“. Но внутри были развалины и бездонная печаль, о которой не вѣдалъ никто. Охотниковъ поиграть въ любовныя игры съ Красной Мадонной было довольно, но въ послѣднее время она стала строга, какъ весталка. Всѣ только диву давались. Одинъ грузинъ-комиссаръ, со злобы, что она не отвѣтила на его заигрыванія, пустилъ осторожно слухъ, что Мадонна больна непристойной болѣзью. Хихикали, издѣвались,

но отстали и только съ любопытствомъ посматривали: „что дальше? Допрыгалась красавица!..“

И верховники озабоченно зашептались:

— Она рѣшительно переутомилась. Объ отдыхѣ никто изъ насъ мечтать не смѣетъ еще, конечно, но надо по крайней мѣрѣ переменить занятія. Это самый лучший отдыхъ. Самое лучшее — послать ее въ Парижъ посломъ. Съ ея умомъ и тактомъ она сдѣлаетъ много больше, чѣмъ всѣ эти недотепы, которые до сихъ поръ посылались туда...

И, по зрѣлому разсужденію, Красную Мадонну назначили посломъ въ Парижъ.

— Утомились? — усмѣхнулся вождь, глядя по обыкновенію своими калмыцкими глазами мимо нея. — Но я надѣюсь, вы все же... вернетесь, товарищъ?

Полная отвращенія, она усмѣхнулась.

— Я отказываюсь отъ этого назначенія... — сказала она и повернулась къ нему спиной.

Въ немъ для нея воплощалось все, что мучило и терзало ее за послѣднее время. Она видѣла теперь этого недавняго журналиста третьяго сорта насквозь, видѣла, какъ неожиданна была для него его побѣда, но другіе видѣли въ немъ мудрѣйшаго вождя и поклонялись ему, какъ какому-то новому Магомету.

— Я пошутилъ, пошутилъ... — сказалъ онъ. — Не надо разводить этихъ дамскихъ истерикъ въ партіи. Разъ сказано, значитъ, сдѣлано. Вы, конечно, возьмете авіонъ?

— Да почему васъ все это такъ интересуетъ? — смѣрила она его взглядомъ. — Какъ будетъ удобно, такъ и поѣду...

Каждый день задержки раздражалъ ее. Душой она была уже тамъ, около него. Не вѣрила она въ чудеса, но все же, скрывая отъ самое себя, на какое-то туманное чудо надѣялась: вдругъ все, что было, разсѣется туманомъ и оба они вернуться къ исходной точкѣ, съ которой они ошиблись, и все поправятъ, и будетъ что-то новое, до такой степени обаятельное, что у нея на глаза выступали слезы умиленія. Она съ нетерпѣніемъ ждала прихода

эмигрантскихъ газетъ и жадно искала его рѣдкія статьи. Она слышала въ нихъ ясно, что онъ выговаривается не весь, что и его душитъ какая-то грязная рука, и слышала муку его, замурованного. А, если бы всѣмъ имъ можно было, наконецъ, сказать все, что накопило въ душѣ, высказаться до самаго дна, раскрыть связанные къмъ-то и для чего-то крылья!..

Наконецъ, всѣ бумаги для нея были изготовлены, багажъ уложенъ и большой, красивый царскій автомобиль, строго ухая на рабочихъ и крестьянъ, озабоченно суетившихся въ улицахъ города, понесъ ее на вокзалъ. Конечно, о проѣздѣ ея, важной особы, было всюду дано знать срочными телеграммами, но ее до того утомила вся эта официальная ложь, что она нарочно пріѣзжала съ большими опозданіями, мѣняла маршруты, только бы никого не видѣть и не принимать участія въ той дипломатической комедіи, которую они съ большимъ удовольствіемъ переняли отъ стараго режима.

И въ Парижъ она пріѣхала не въ Нордъ-экспрессъ, какъ было назначено, а въ неторопливомъ поѣздѣ мѣстнаго сообщенія, въ который она пересѣла на границѣ. Носильщикъ забралъ ея щегольской багажъ и они вышли на подъѣздъ Сѣвернаго Вокзала. Носильщикъ махнулъ рукой очередному шофферу, тотъ подкатилъ къ ней и склонился въ ея сторону, чтобы получить приказаніе.

— Rue de Grenelle ambassade russe...*) — сказала она.

Сѣденькій шофферъ отшатнулся и пристально посмотрѣлъ на нее:

— Извините, я васъ не повезу... — сказалъ онъ по-русски и сразу далъ машинѣ ходъ.

Это былъ князь Лутохинъ, бывший командующій бѣлой арміей въ одесскомъ районѣ.

Она чуть вспыхнула и наклонила голову. Носильщики съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее.

— Позовите другого... — просто сказала она.

*) Русское посольство, ул. Гренелль.

И чрезъ нѣсколько минутъ она уже неслась водоворотами Парижа въ узкую и не Богъ знаетъ, какую аристократическую и шикарную улицу Гренелль, гдѣ точно прятался этотъ огромный старый дворецъ русскихъ пословъ. Ее встрѣтили шумными восклицаніями удивленія, протеста, какой-то особой, наигранной, ласковости и простоты: товарищъ... товарищъ... И не могла она не отмѣтить, что среди этихъ ея товарищей слишкомъ ужъ что-то много евреевъ...

Роскошный отель посольства, въ покояхъ котораго незримо бродили еще сумеречныя тѣни прежнихъ пословъ, которые тоже почему-то „представляли“ здѣсь русскій народъ, показался ей неуютенъ и холоденъ. Въ сумерки, освободившись отъ всѣхъ этихъ навязчивыхъ и чрезвычайно развязныхъ товарищей, она сидѣла въ дорогомъ креслѣ Ампиръ и, опустивъ прекрасную голову въ нѣжныхъ завиткахъ на бѣлую, точеную руку, думала свои тяжелыя, безотрадныя думы. Хорошо было только одно: онъ близко и такъ или иначе она увидитъ его, и, кто знаетъ, можетъ быть, какимъ-нибудь чудомъ черезъ пропасть, ихъ раздѣляющую, перекинется, наконецъ, какой-нибудь мостикъ...

Вечеромъ за ужиномъ передъ ней всѣ эти сомнительныя молодчики старались очаровательно блистать, — ея репутація и тутъ была слишкомъ хорошо извѣстна — но она сослалась на утомленіе отъ дороги и рано ушла къ себѣ. А на утро, за кофе, — все было сервировано превосходно, на серебрѣ — она первымъ дѣломъ взялась за газеты и первымъ дѣломъ въ дрянномъ, подворотномъ листкѣ, на первой страницѣ, увидала огромное объявленіе:

„Завтра въ нашей газетѣ начнутъ печататься очерки нашего маститаго беллетриста С. В. Смѣтова: „Красная Мессалина“.“

„И онъ, конечно, видитъ это...“, темной тучей пронеслось въ красивой головѣ и на глазахъ выступили слезы. „О какомъ же мостикѣ тутъ мечтать? Конецъ и конецъ. И надо было остаться въ Москвѣ и тамъ дотянуть свою лямку до...“

Она содрогнулась красивыми плечами: эта мысль стала приходить ей все чаще и чаще.

XIV

Она привычнымъ усиліемъ взяла себя въ руки. Прекрасно: Красная Мессалина, такъ Красная Мессалина, а она вотъ все же выйдетъ ко всему этому прогнившему и лживому міру съ высоко поднятой головой. И она тщательно одѣлась, — туалеты ея были въ полномъ порядкѣ, но она рѣшила сегодня же послѣ официальныхъ визитовъ заѣхать къ Пакэнъ, чтобы освѣжить свой гардеробъ, — слегка подвела лицо и вышла изъ частныхъ посольскихъ покоевъ въ пріемныя комнаты.

Тамъ уже было довольно всякаго народа. Ее сразу окружили. И она, улыбаясь, передавала послѣднія новости изъ Красной Москвы — о, тамъ идетъ все превосходно!.. — и съ дальняго Востока и изъ Индіи, гдѣ они развивали „бѣшеную работу“. Словомъ, дѣла въ полномъ порядкѣ и потому — не будемъ терять дорогого времени на разговоры, товарищи!

— Прежде всего я должна сдѣлать официальные визиты... Товарищъ Розенблюмъ... — обратилась она къ старшему секретарю посольства, некрасивому еврею съ умнымъ лицомъ. — Съ чего мы начнемъ?

Они отошли въ сторону и вполголоса заговорили. Признавъ совѣтскую власть, французское правительство все же большого восторга и предупредительности при пріемѣ ея сановниковъ не обнаруживало и потому нуженъ былъ большой тактъ. Розенблюмъ обладалъ если не большимъ тактомъ, то большой хитростью и изложилъ своему прекрасному шефу положеніе дѣлъ.

— Прекрасно. Прикажите подать машину... Итакъ, товарищи, до скорого...

Официальные визиты сошли какъ нельзя болѣе гладко. Всѣ ждали какую-то дикую нигилистку съ баррикадъ, пахнущую потомъ и порохомъ, и вдругъ предъ ними

элегантная женщина, которой въ Парижѣ, въ смыслѣ лоска и очарованій, учиться рѣшительно нечему...

— Нѣтъ, та foi, напрасно мы такъ долго гримасничали съ признаніемъ Москвы... — острили республиканцы послѣ ея отъѣзда. — Какая женщина!.. Ахъ, если бы не моя подагра...

— Ну, ну, ну... Не кокетничайте, пожалуйста!..

И, поигравъ такимъ образомъ, дипломаты снова превратились въ небожителей, въ холеныхъ рукахъ которыхъ сосредоточены всѣ судьбы вселенной...

И чѣмъ злѣе и отвратительнѣе были очерки „Красная Мессалина“ въ поганомъ листкѣ, чѣмъ рѣзче были нападки на нее и на Кремль парижской печати, тѣмъ оживленнѣе были ея приемы въ посольствѣ, тѣмъ блестяще обѣды. Товарищи-социалисты жадно рвались къ caviar russe, къ zakouska et vodka, и, конечно, къ шампанскому. И всѣ посмѣивались: но при чемъ все же тутъ серпъ и молотъ?

— Какъ при чемъ? Все это намъ даютъ именно серпъ и молотъ... Мы должны быть имъ благодарны... Ха-ха-ха...

И всѣ въ одинъ голосъ говорили: очаровательно, несравненна! Настоящій отель Рамбулье... И репутація ея явно... ну, преувеличена, по крайней мѣрѣ: никто все же до сихъ поръ не можетъ похвалиться ея благосклонностью...

— Говорятъ, одинъ русскій листокъ позволяетъ себѣ печатать о ней непозволительныя вещи. Это совершенно недопустимо. Какъ-ни-какъ, она представительница, если теперь не дружественной, то во всякомъ случаѣ и не непріятельской державы...

— Да хотя бы и непріятельской. La courtoisie avant tout*). И къ тому же она дама. Надо сдѣлать кому слѣдуетъ соотвѣтственное представленіе. Нѣтъ, а какова икра!..

— У насъ о русскихъ, несмотря ни на что, держится

*) Въжливость прежде всего.

все же представлѣніе, какъ о какихъ-то варварахъ, но надо признаться, что по части вкуса въ области жизненныхъ утѣхъ они намъ не уступаютъ нисколько...

— Разумѣется. Однако, надо немножко покрутиться около очаровательной хозяйки... Мадамъ, какой удачный вечеръ... *Tous mes compliments*... До сихъ поръ я — каюсь, каюсь... — былъ противъ совѣтовъ — вы сразу сдѣлали меня, ихъ горячимъ приверженцемъ... И мнѣ ужасно досадно, что часть нашей печати продолжаетъ распространять всякіе ужасы о положеніи вашей страны.

— Но все это клевета... — сіяя красотой, съ улыбкой говорила она. — Они являются безсознательными рупорами нашей жалкой, озлобленной эмиграціи...

— Да, парижане начинаютъ немного уставать отъ вашей эмиграціи. Пасси, одинъ изъ лучшихъ кварталовъ Парижа, сталъ совсѣмъ русскимъ. Еще разъ, мадамъ, прошу васъ принять увѣренія въ моемъ восхищеніи вашимъ очаровательнымъ приѣмомъ...

И фракъ снова откатился къ икрѣ...

И на другое утро во всѣхъ газетахъ Парижа были восторженные или ядовитыя описанія приѣма въ русскомъ посольствѣ и блестящаго обѣда. Приводилось даже меню. Такими обѣдами и царскіе послы блистали не всегда, чортъ возьми! Нѣтъ, она рѣшительно, несмотря на молоть и серпъ, очаровательна! Въ русскомъ листкѣ появилась отвратительнѣйшая глава „Красной Мессалины“, но на слѣдующее утро въ редакціи раздался рѣшительный телефонный звонокъ: господина главнаго редактора газеты покорнѣйше просятъ пожаловать къ... Редакторъ, толстый, недоучившійся проходимецъ, расцвѣлъ: вѣроятно, хотятъ субсидировать. А дѣла у него были плохи совсѣмъ...

Но онъ ошибся.

— Благоволите ваши нападки на г-жу Норвилло прекратить немедленно... — сказали ему строго, хотя и корректно. — Если Франція предоставила вамъ свое гостепріимство, то она совсѣмъ не намѣрена изъ-за бѣженцевъ портить свои отношенія съ великой державой...

Это былъ жестокий ударъ: благодаря „Красной Месалинѣ“ тиражъ умиравшаго листка сразу рѣзко поднялся.

— А кстати, — небрежно проиѣдилъ генераль, занимавшій высокій административный постъ въ столицѣ. — Кто это, собственно, господинъ Смѣтовъ?..

— Но, монъ генераль, это извѣстный русскій писатель... — на своемъ варварскомъ языкѣ отвѣчалъ испотѣвшій отъ страха „директоръ“ листка. — Никто о немъ не можетъ сказать ничего дурного...

— Почему? — холодно посмотрѣлъ на него генераль. — Мои агенты, напротивъ, говорятъ о немъ только дурное... Вы, на всякій случай, предупредите его, что попасть въ разрядъ нежелательныхъ иностранцевъ ему совсѣмъ не трудно. А тогда...

А Красная Мадонна тѣмъ временемъ, уютно развалившись на мягкихъ подушкахъ дорогого автомобиля, неслась со своимъ секретаремъ въ Булонскій лѣсъ. Она устала. И въ бесѣдѣ съ этимъ умнымъ евреемъ ей хотѣлось отдохнуть... Онъ былъ одѣтъ у хорошаго портного, держался солидно и только изрѣдка прорывались у него маленькіе грѣхи, которые напоминали о его скромномъ прошломъ въ Минскѣ, гдѣ онъ былъ аптекарскимъ ученикомъ. Потомъ онъ вырвался за-границу, кончилъ хорошо университетъ, а революція на хребтѣ красной волны своей выбросила его въ Парижъ, старшимъ секретаремъ русскаго посольства и — немножко наблюдателемъ. Но, умный человекъ, онъ наблюдалъ ровно столько, чтобы тамъ, въ Москвѣ, были увѣрены, что онъ наблюдаетъ. Онъ скоро раскусилъ Красную Мадонну, чуялъ, что внутри у сановницы что-то не совсѣмъ благополучно, и былъ съ ней простъ и откровененъ. Онъ не могъ не замѣтить, что именно это ей и нравится.

— Вся бѣда человека, что онъ рабъ слова... — развалившись и поблескивая золотыми очками, говорилъ Розенблюмъ. — Мнѣ случайно пришлось познакомиться здѣсь съ нашимъ извѣстнымъ писателемъ Костроминимъ... Впрочемъ, мы были знакомы съ нимъ еще въ Лозаннѣ...

Она насторожилась.

— ...Онъ очень умный и остроумный человекъ. Онъ тоже понялъ это. Но онъ не дѣлаетъ изъ этого выводовъ и потому ѣсть едва ли каждый день. Талейранъ, кажется, сказалъ, что языкъ данъ намъ для того, чтобы скрывать наши мысли. Это вѣрно. Но этого мало: языкъ, слово, дано намъ для того, чтобы — властвовать. Языкъ страшнѣйшее изъ оружій. Съ нимъ можно достигнуть всего.

— А Керенскій? — не могла она не улыбнуться.

— Керенскій глупъ... — пренебрежительно сказалъ Розенблюмъ. — И Соловейчикъ его глупъ. Это такъ, недоноски какіе-то, съ птичьими мозгами. Вотъ Ленинъ, тотъ умнѣе. Но среди нашихъ есть много такихъ, которые умнѣе и Ленина. Насъ никто не слышитъ и мы можемъ хоть изрѣдка позволить себѣ роскошь побесѣдовать по душамъ, какъ говорится. Умнѣе Ленина тѣ, которые дѣлаютъ его орудіемъ своихъ цѣлей...

— То-есть? — посмотрѣла она на него.

— Ну, ихъ много... — улыбнулся онъ своей умной улыбкой. — Да вотъ хотя бы вѣшь покорнѣйшій слуга. Началъ я свою жизнь разсылнымъ въ аптекарскомъ магазинѣ въ нашемъ очаровательномъ Минскѣ. Получалъ я четыре рубля въ мѣсяцъ и много побоевъ. Потомъ сталъ-было аптекарскимъ ученикомъ, но и это меня, конечно, не удовлетворило. Я, уже юношей, пробился за-границу и въ нищетѣ невѣроятной — вы помните, конечно, старую эмиграцію, помните этихъ нищихъ жидковъ, которые пробирались въ заграничные университеты безъ денегъ и безъ языка, и своего все-таки добивались... Вотъ и я былъ такимъ. И я васъ помню... Не удивляйтесь: меня жидка-замухрышку, конечно, вы не замѣтили, но я очень замѣтилъ васъ и помню ваши бѣшенныя стычки съ Костроминымъ. Вы напрасно тратили свой порошокъ. Это прежде всего баринъ, аристократъ до мозга костей — не тѣмъ, что его предки были ободраны живьемъ Иваномъ IV, а всѣмъ строимъ своей души.... Да... Но не будемъ уклоняться въ сторону... Я кончилъ юридическій, вернулся въ Рос-

сію и поступилъ помощникомъ къ Алмазову — вы, конечно, помните его? Онъ одно время гремѣлъ и какъ юристъ, и какъ почти лидеръ кадетской партіи и соперникъ Миллюкова. И меня онъ взялъ помощникомъ скорѣе въ пику правительству: ты гонишь евреевъ, а я вотъ беру себѣ еврея-помощника. Но буду покороче: пришла революція и — мы вотъ съ вами ѣдемъ на чудесномъ автомобилѣ покататься на свѣжемъ воздухѣ, а дома намъ тѣмъ временемъ товарищ-поваръ готовитъ изысканный обѣдъ, на которомъ будетъ нѣсколько ожидающихъ вашихъ милостей парижанъ. Согласитесь съ тѣмъ, что я не могу не одобрить рѣчей товарища Ленина съ балкона Кшесинской. Я не могу отрицать мощи слова человѣческаго. Я не могу не прославлять революціи...

— Вы циниченъ...

— Боже мой! Да зачѣмъ же умные люди будутъ играть комедію между собой? — по-еврейски вздернулъ онъ плечи вверхъ и въ восклицаніи его проскочилъ минскій акцентъ. — Костроминъ правъ: надо видѣть ясно — сквозь туманъ красивыхъ словъ. Но онъ не дѣлаетъ выводовъ, а я дѣлаю. И я искренно вѣрю, что Ленинъ великъ, что революція прекрасная вещь, что намъ надо только продолжать — хотя бы для того, чтобы удержаться въ сѣдлѣ. И для этого первое оружіе это — слово. Даже не нужно, чтобы оно было умное. Пусть будетъ даже глупое, какъ было слово... товарища Ленина. Надо только, чтобы оно нравилось, чтобы оно обѣщало. Если обѣщанія не исполнятся, надо обѣщать опять. Поколѣнія смѣняются и каждому можно давать новыя обѣщанія. Память у людей коротка, а исторіи они не знаютъ. Поэтому поле дѣятельности у насъ — и у нашихъ враговъ, замѣтите! — очень широкое. Ну, и нужно, конечно, отъ времени до времени слово наше подкрѣплять — соответствующимъ образомъ. Въ древности былъ умный человѣкъ Филиппъ Македонскій. Онъ говорилъ, что нѣтъ ни одной крѣпости, которую не могъ бы взять оселъ, нагруженный золотомъ. Его доблестный сынъ предпочиталъ удивлять

міръ подвигами — его дѣло. Важнѣе — осель. Онъ непо-
бѣдимъ. И это вы очень скоро увидите въ Парижѣ...

— Но скажите... но по совѣсти, напрямки: а массы?

— Массы были всегда и будутъ всегда массами. Если отбросить въ революціи красивыя слова, которыя теперь такъ не любятъ Костроминъ, то въ революціи рѣчь идетъ совсѣмъ не о массахъ, а только о... ну, какъ бы это ска-
зать?... Ну, о тѣхъ, которые борются за власть надъ мас-
сами. Скажите, пожалуйста, почему въ этомъ чудесномъ
автомобилѣ долженъ кататься въ качествѣ посла какой-
нибудь идиотъ Рюриковичъ, а не мы съ вами? Вотъ мы
съ вами и высаживаемъ его и катаемся сами. Это много
пріятнѣе, чѣмъ быть мальчишкой на побѣгушкахъ въ Мин-
скѣ, увѣряю васъ! И намъ надо быть внимательнымъ:
Рюриковичи опять могутъ посадить насъ, ибо у нихъ тоже
есть языки и могутъ они найти и золота у тѣхъ, кому вы-
годно посадить ихъ, а насъ спихнуть. Только и всего. Мнѣ
разсказывали, что будто бы разъ въ Москвѣ Ленинъ пу-
стил афоризмъ: революцію начинаютъ идеалисты, ве-
дутъ ее массы, — то-есть, ослы, — а используютъ ея ре-
зультаты прохвосты. Я измѣнилъ бы въ этой формулѣ
только послѣдній членъ: не прохвосты, а просто умные
люди. И если онъ, дѣйствительно, это сказалъ, то онъ, въ
самомъ дѣлѣ, умный человѣкъ. А кстати, правда, гово-
рятъ, что онъ какъ-то... странно боленъ?

— Да. Но объ этомъ не слѣдуетъ говорить.

— Понятно. А что это за болѣзнь? Не... совѣтская
Локуста?

— Вы невозможны! Никакой Локусты нѣтъ, а про-
сто... впрочемъ, нельзя говорить о томъ, чего не знаешь
достоверно.

— Однако?

— Отстаньте!..

И незамѣтно она передернула, точно въ ознобѣ, пле-
чами, прикрытыми дорогимъ мѣхомъ...

Они, сдѣлавъ широкий кругъ по Булонскому лѣсу, уже
неслись обратно Елисейскими Полями, какъ вдругъ Розен-
блумъ съ вѣжливой улыбкой приподнял шляпу.

— Легокъ на поминѣ... — проговорилъ онъ.

Она бросила взглядъ на троттуаръ и у самого края его увидала Костромина. Онъ былъ одѣтъ болѣе чѣмъ скромно и печально-задумчиво было его красивое, тонкое и исхудавшее лицо. И все въ ней вдругъ освѣтилось яркимъ и горячимъ пожаромъ. А въ его усталыхъ глазахъ былъ холодъ. Но автомобиль уже свернулъ на мостъ Александра III.

— Миѣ онъ нравится... — сказалъ Розенблюмъ. — Конечно, не эти его старыя мечтанія для дѣтей младшаго возраста. За ними не пойдетъ никто. Грабъ награбленное — вотъ это лозунгъ дѣйствительный! Это — мысль гениальная. Но теперешнія статьи его хороши. Онъ на правильной дорогѣ. Жаль только, что поганья газетишки ему не даютъ договорить до конца. Эмиграція имѣетъ свою цензуру, которая ничѣмъ не разнится отъ нашей. Это естественно, конечно...

Но она не слушала его...

На другое утро печатный листокъ, обливавшій ее помями, вышелъ съ крупнымъ объявленіемъ на первой страницѣ: „Нашъ глубокоуважаемый сотрудникъ, извѣстный писатель С. В. Смѣтовъ, тяжело заболѣлъ и потому печатаніе интересныхъ очерковъ его „Красная Мессалина“ временно прекращается.“ Перепуганный Смѣтовъ скрылся въ глухой деревнѣ. Правые стали немножко поддерживать его, жертву жидо-масонской интриги...

XV

Весь видъ Костромина сказалъ ей, что онъ очень нуждается. На утро она позвала къ себѣ — помимо Розенблюма — одного изъ филеровъ, которыхъ къ посольству было прикомандировано не мало и которому, какъ ей казалось, она можетъ довѣрять немножко, и попросила его навести справки объ адресѣ и всѣхъ обстоятельствахъ писателя Костромина. Тотъ прежде всего доложилъ объ ея порученіи Розенблюму, а затѣмъ отправился куда слѣду-

еть и вечеромъ донесъ: адресъ тамъ-то, очень нуждается, ищетъ и, кажется, скоро получить мѣсто наборщика въ одной бѣлогвардейской типографіи.

— Но — не удержалась она — почему же другіе писатели-эмигранты живутъ и безъ этого? Какъ странно... Вѣдь онъ все же головой выше многихъ.

— Другіе устраиваютъ литературные вечера, сами развозятъ билеты по меценатамъ, кланяются богатымъ евреямъ. А этотъ гордъ, должно быть: забился въ свою конуру и сидитъ. Но, говорятъ, онъ посѣщаетъ анархистовъ и всякихъ эдакихъ сумасшедшихъ... Какъ бы не довертѣлся... Полиція съ ними не стѣсняется.

И она не вытерпѣла: дождавшись вечера, она вышла будто бы подышать. По старой привычкѣ она дала нѣсколько увертокъ по люднымъ улицамъ. Но шпики Розенблюма были опытные люди — среди нихъ было не мало старыхъ охранниковъ...

Костроминъ, закрывъ глаза, сидѣлъ надъ своимъ новымъ романомъ въ полумракѣ и духотѣ жалкой комнатухи. Онъ весь ушелъ въ творческую работу и забылъ на время и о своей жестокой нуждѣ, и о своихъ терзаніяхъ. Въ новой книгѣ своей, — которая, конечно, свѣта не увидитъ, — онъ пытался воскресить тѣ сгорѣвшіе, молодые годы, когда его сердце среди пожаровъ ея ненависти пѣло нѣжные гимны чистой и строгой Красной Мадоннѣ. И потомъ рассказать, какъ случилось все, что было послѣ... И выдвинуть, — какъ у грековъ, — главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Рокъ...

Въ дверь раздался легонько стукъ.

— Войдите... — отозвался онъ.

На порогѣ убогой комнатки, въ умирающемъ свѣтѣ заката, стояла изящная женская фигура. Сердце сразу узнало ее и бѣшено забилося. Онъ всталъ и выпрямился.

— Могу я говорить съ вами?.. — тихо сказала она.

— Чѣмъ могу служить вамъ? — холодно спросилъ онъ.

И послѣ долгаго молчанія она проговорила:

— Я хотѣла бы заплатить вамъ свой долгъ... за Одессу.

Онъ зло разсмѣялся.

— Благодарю васъ. Я не нуждаюсь въ этомъ.

Она повѣсила голову. И изъ всѣхъ силъ смиряла себя.

— Повидимому, у васъ для меня во всѣхъ случаяхъ жизни нѣтъ и не будетъ другого слова, какъ „нѣтъ“...

— Да. И нѣтъ, и не будетъ — нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь...

— Но... почему?

Онъ зло разсмѣялся.

Да хотя бы потому, что нѣтъ для меня на землѣ породы болѣе гнусной, чѣмъ всѣ эти ваши красные орангутанги... — задрожалъ онъ отъ ненависти. — Мы всѣ, русскіе культурные люди, долгіе годы боролись за свободу, но вы и ваши соратники создали такое рабство, страшнѣе котораго не знало еще человѣчество. Вы душите миллионы живыхъ людей вашей подлой доктриной, какъ поганой удавкой какой. Вы превратили всю жизнь въ — мерзкій лупанарій или въ самъ адъ. Пусть и жизнь и раньше была очень далека отъ совершенства, но теперь... Римскіе цезари кажутся чистыми ангелами въ сравненіи съ вашими брави! И что вы всѣ, — среди васъ были и порядочные люди — что вы сдѣлали надъ собой?! Вы, цари и повелители рабовъ, сами прежде всего отвратительнѣйшіе изъ рабовъ. Я презираю васъ всѣхъ! Вотъ, — указалъ онъ на колченогій стулъ, на которомъ были сложены стопкой его рукописи — вотъ убитыя вами дѣти моей мысли, мысли свободной!

— А что же вашъ прекрасный буржуазный міръ ихъ не печатаетъ? — зло сказала она, загораясь его гнѣвомъ и пристально глядя въ это пылающее, одухотворенное лицо.

— Буржуазный міръ такъ же мало нуждается въ нихъ, какъ и ваши орангутанги... — сказалъ онъ. — Это вамъ только кажется, что вы враги. Вы — союзники. Я читалъ въ газетахъ меню вашихъ обѣдовъ. Зернистая икра и шампанское, которыми вы угощаете въ вашемъ дворцѣ всякую сволочь, и вамъ дороги. И вамъ ненавистна свобода человѣка. И вы презираете его, потому что и вы вѣрите, что всѣхъ можно купить зернистой икрой и долларами...

Онъ задышался. У нея потемнѣло въ глазахъ и въ душѣ. Между ними такая пропасть, которой засыпать нечѣмъ. Собственно, пропасти, можетъ быть, и нѣтъ, ибо и она вѣдь въ значительной степени вѣру свою утратила, но она не сможетъ признать себя побѣжденной, не сознается, что вся ея исковерканная жизнь была принесена въ жертву призраку-дьяволу, и онъ не сдѣлаетъ навстрѣчу ей перваго шага. Въ его статьяхъ она слышитъ нотку разочарованія и въ его бѣломъ дѣлѣ, и въ его прежнихъ мечтаніяхъ, но вслухъ, а въ особенности передъ ней, никогда языкъ его не поворотится сказать это. Пропasti нѣтъ и пропасть есть... Да кромѣ того — спохватилась она — и не всѣ вѣдь среди насъ негодяи. Есть чистые, строгіе подвижники, которые для себя ничего не ищутъ. И они побѣждаютъ...

И вдругъ ярко-ярко вспомнился ей тотъ осенній вечеръ въ Лозаннѣ, когда она узнала, что онъ уѣхалъ. Она едва досидѣла тогда нужный часъ въ университетѣ, убѣжала домой, заперлась и бросилась на диванъ, лицомъ внизъ и рыдала. И вотъ теперь, черезъ года, ей хочется опять безсильно упасть лицомъ внизъ и рыдать, рыдать, рыдать... Да, да, жизнь отдана какой-то страшной химерѣ. А счастье было такъ близко, такъ возможно...

— Я хотѣла бы все же помочь вамъ... Ну, если не за Одессу, такъ просто такъ... Въ память нашей молодости, когда мы сражались съ вами въ Лозаннѣ... Я съ такимъ интересомъ слѣжу за вашими трудами...

— Такъ напечатайте вотъ ихъ въ вашей Москвѣ!.. — зло засмѣялся онъ, указывая на стопку запылившихся рукописей. — Зачѣмъ же дѣло стало? Я, нищій, дарю ихъ безплатно рабоче-крестьянскому правительству.

— Вы знаете, что я этого не могу... — тихо сказала она. — Но я хотѣла бы помочь вамъ...

— Благодарю — нѣтъ...

И, повѣсивъ прекрасную голову, она молча ушла... И всю дорогу, не замѣчая слѣдовавшихъ за ней шпииковъ, она глотала острые, горькія, ѣдкія слезы...

Шпики доложили все Розенблюму.

— Благодарю... — коротко сказалъ онъ. — Не выпускать изъ виду...

Умный человѣкъ не понимаетъ еще ничего, но чувствовалъ, что что-то тутъ есть, изъ чего можно будетъ извлечь для себя нѣкоторую пользу. И, собравъ полученную за день корреспонденцію, уже разобрannую, и телеграммы, уже расшифрованныя, онъ отправился на докладъ къ прекрасной посланницѣ.

— А вѣсти о положеніи товарища Ленина становятся все тревожнѣе и тревожнѣе... — сказалъ онъ, поблескивая очками. — Изъ Берлина вызвали двухъ какихъ-то знаменитостей...

Она промолчала. Она не слыхала. Она была далеко...

Розенблюмъ понялъ еще яснѣе, что за прекрасной посланницей нужно имѣть глазокъ, не потому, что его очень ужъ беспокоила участь Красной Москвы, — ему уже надоели всѣ эти изступленные лоботрясы — а потому, что всѣ эти дамскія настроенія могутъ ему открыть новый интересный ходъ въ личной игрѣ...

XVI

А на утро была подана экстренная телеграмма: Ленинъ скончался. Въ телеграммѣ было сказано, что ея присутствіе въ Москвѣ настоятельно необходимо и что ее просить выѣхать незамедлительно.

— Поѣдете? — хладнокровно спросилъ Розенблюмъ.

— Да.

Онъ насторожился. Онъ уже отдалъ распоряженіе своимъ шпикамъ неотступно слѣдить за Костроминымъ. Было любопытно: Костроминъ задумалъ перелетѣть въ красный станъ или... прекрасная комиссарша налаживала перелетъ къ социаль-предателямъ? Последнее было мало вѣроятно. Костроминъ уже не игралъ никакой роли въ бѣломъ движеніи. Да и движенія-то, въ сущности, уже никакого не было, если не считать осточертѣвшей газетной декламации да банкетной болтовни совершенно истрепав-

шихся языковъ о Распятѣ Россіи. Но, можетъ быть, было тутъ что и другое... Романъ? Нелѣпо: она могла бы найти партнера и болѣе интереснаго, чѣмъ этотъ нищій... Любопытно!

И она, съ бездонной печалью въ душѣ, заняла мѣсто въ шикарномъ Нордъ-экспрессѣ. Поѣздная прислуга, зная, что это ѣдетъ представительница рабочихъ и крестьянъ русскихъ, нѣсколько недоумѣвала на это роскошество. Но теперь ей было все равно, кто и что думаетъ. Онъ никакъ не давалъ навести моста черезъ пропасть. А она чувствовала себя въ мірѣ все болѣе и болѣе одинокой: для того, стараго міра, который она покинула еще въ молодости, она была только Красной Мессалиной, проклятой большевичкой, а этотъ новый міръ становился ей все болѣе и болѣе чуждъ и — враждебенъ. Бесѣды съ Розенблюмомъ производили на нее сильное впечатлѣніе. Она точно только теперь начала прозрѣвать по-настоящему.

Въ Ригѣ она, встрѣченная всѣми представителями совѣтскаго правительства, пересѣла въ совѣтскій вагонъ и съ заолодавшимъ сердцемъ поѣхала къ недалекой уже Москвѣ...

Въ старой столицѣ происходила великая суета. Вокругъ трупа вождя уже началась яростная борьба за престолъ. Но всѣ такъ ясно понимали, что въ борьбѣ этой можетъ погибнуть все, что это сознаніе борьбу умѣряло и соглашеніе было достигнуто: на престолъ вступилъ ограниченный и тупой, какъ полѣно, грузинъ съ поддѣльной фамиліей. Имъ всѣмъ почему-то ужасно нравились псевдонимы. Она была едва ли не единственная наверху, которая носила свое настоящее имя — по мужу, котораго она давно бросила: онъ былъ изъ мягкотѣлыхъ меньшевиковъ, онъ сомнѣвался въ побѣдѣ пролетаріата...

Надъ трупомъ вождя возился цѣлый десятокъ самыхъ лучшихъ профессоровъ: сказывалось, что его совершенно необходимо было замариновать на удивленіе потомства. На Красной площади въ спѣшномъ порядкѣ строился изъ досокъ временный мавзолей, гдѣ первыя красныя мощи должны были быть выставлены для всеобщаго поклоненія.

И, конечно, и день, и ночь у мощей долженъ былъ стоять караулъ съ боевыми патронами для охраны святѣни отъ вѣрнопопданныхъ. Ее буквально тошнило отъ всѣхъ этихъ безтактностей, но она не только не подавала голоса противъ бессмыслицы всего свершавшагося, но, наоборотъ, поддерживала всѣхъ этихъ пресмыкающихся взапуски одинъ передъ другимъ людей, мнившихъ себя апостолами какого-то новаго міра, точно ей хотѣлось видѣть, до чего они могутъ дойти...

И когда, наконецъ, трупъ былъ замаринованъ окончательно, она выбрала минуту, чтобы наединѣ увидѣть того, кто своимъ изступленнымъ словомъ поставилъ тогда молодую жизнь ея на рельсы въ — новый міръ. И вотъ онъ лежитъ передъ ней. Отъ него пахнетъ аптекой. Неподвижно и каменно-тупо — ее удивило, что на калмыцкомъ лицѣ этомъ не было свойственнаго покойникамъ мира и тишины — это сѣрое, подмалеванное лицо. Большой лобъ, который тогда она считала лбомъ „мыслителя“. Лысина. Жесткая борода и усы. Синія губы, точно прилипшія къ plombированнымъ зубамъ. Холодъ, камень — смерть. Конецъ всему. Такъ зачѣмъ же онъ сдѣлалъ все то, что онъ сдѣлалъ? Зачѣмъ пролито столько крови и слезъ изъ-за уродливыхъ мыслей, рожденныхъ этимъ больнымъ — теперь она знала всю правду о его болѣзни и смерти — мозгомъ? Какъ могутъ люди до сихъ поръ не видѣть того, что его кошмары не могутъ служить путеводной звѣздой?.. И онъ, вотъ этотъ, наспиртованный и пахнущій аптекой, тогда — она вздрогнула — взялъ ее, чистую дѣвушку, и она жила съ нимъ, гордясь, что вотъ такой человекъ удостоилъ ее чести быть его подругой. И она тяжелыми глазами, въ которыхъ стояло черной тучей бездонное отвращеніе, смотрѣла въ этотъ мертвенно-каменный, подмалеванный для удовольствія его вѣрнопопданныхъ, ликъ и вся ея странная жизнь превращалась для нея въ одинъ огромный и тяжкій, какъ камень, знакъ вопроса...

Конечъ. Полное крушеніе. Полное одиночество. Какъ Прометей, она прикована какими-то незримыми цѣпями къ скалѣ и черный коршунъ отчаянія терзаетъ душу

ея. И — никого вокруг, ни единой души! Только одни „товарищи“, скованные, какъ каторжники, цѣпью страшной отвѣтственности, вперемѣшку съ разными проходцами, вродѣ Розенблюма, и простыми каторжанами, на рукахъ которыхъ кровь человѣческая...

Она осталась въ Москвѣ до конца, чтобы видѣть всю комедію устраненія съ лица земли любимаго вождя. И были громы интернаціонала, — въ нихъ уже не было огня первыхъ дней, революціонный гимнъ сталъ такъ же бездушенъ, какъ и „Боже, царя храни“ послѣдняго времени — и марширующія войска въ какихъ-то идиотскихъ стрѣлочныхъ капотахъ, и *condoléances* смѣющихся въ рукавъ раззолоченныхъ представителей державъ, и длинные хвосты возлюбленнаго народа, который съ жаднымъ любопытствомъ хотѣлъ непременно взглянуть на этотъ размалеванный ликъ. И это любопытство празднои черни всѣмъ впереводку стремились выдѣть за любовь и преданность массъ „Ильичу“ — точь-въ-точь, какъ раньше, совсѣмъ недавно, на тѣхъ же типографскихъ машинахъ печатались трескучія сообщенія о преданности этихъ же массъ, этой презрѣнной черни, „возлюбленному монарху“... У нихъ не хватило пороку даже лгать по-новому. Какое-то роковое безплодіе висѣло надъ ними, обреченными, во всемъ.

Борющіяся за власть партіи внутри коммунистической партіи — борьба и интриги не остывали и на минуту — тянули ее каждая къ себѣ, но она была далека отъ всего. И всѣ милостиво пришли къ заключенію: нѣтъ, она слишкомъ переутомлена, ее надо оставить въ покоѣ — „нельзя, въ самомъ дѣлѣ, изводить такъ человѣка, товарищи“... А на ушко шептали, что смерть вождя для нея особенно тяжелый ударъ: о его связи съ ней еще не забыли и шептали довѣрительно, что, если бы не его вліяніе, никогда не получила бы она такого отвѣтственнаго поста въ Парижѣ...

И она, бросивъ все, снова понеслась назадъ, въ Парижъ, гдѣ свѣтилась и звала ее единственная теперь свѣтлая точка ея жизни, единственное, но недоступное для нея счастье...

Костроминъ, понурившись, сидѣлъ на унылой мансардѣ у Армана. Откуда-то снизу пахло жаренымъ лукомъ. Въ запыленное окно виднѣлись безконечные изломы крышъ. Арманъ лежалъ на неопрятной постели: ему было не хорошо. Но приходъ Костромина оживилъ больного. Онъ всталъ и, сторбившись, сѣлъ на свой отлакированный постояннымъ сидѣніемъ стулъ.

— Вотъ... — съ улыбкой вынулъ онъ изъ стола одну изъ фальшивокъ. — Возьмите это. Но эту не тратьте. Пусть это будетъ на память. А потомъ будете черпать, сколько угодно — я непременно хочу, чтобы ваши книги были напечатаны всѣ. И на французскомъ языкѣ, и на русскомъ...

— Спасибо. Итакъ, вы прежде всего хотите убить традицію... — сказалъ Костроминъ безъ всякаго одушевленія, а такъ, какъ обсуждаютъ ремонтъ крыши или выбираютъ сукно для костюма. — Прекрасно. Можетъ быть, вы и правы. Но я хотѣлъ бы знать, ясно и четко, весь планъ дѣйствій. Съ чего вы начнете?

— Съ начала — улыбнулся оживившійся Арманъ, — съ пропаганды. Со слова. Теперь, когда фабрикація денегъ у насъ почти уже налажена, когда у насъ въ рукахъ въ скоромъ времени будутъ неограниченныя средства, мы прежде всего во всѣхъ странахъ наладимъ свои собственные типографіи и издательства. Газеты, брошюры, книги, все будемъ выпускать по самой дешевой цѣнѣ, а то и даромъ: буржуи заплатятъ за все. Въ Россію будутъ посланы для той же цѣли священныя дружины изъ отборныхъ, мужественныхъ людей, которые тамъ — тамъ особенно! — поведутъ свою разрушительную работу. Пропагандой мы подготовимъ людей къ нашимъ боевымъ выступленіямъ. Боевыя выступленія у насъ раздѣляются на двѣ задачи: терроромъ мы заставимъ крупныхъ землевладѣльцевъ очистить ихъ земли, ибо намъ нуженъ большой земельный фондъ. А затѣмъ мы будемъ разрушать города, эти проклятыя язвы земли. Мы будемъ понуждать на-

селеніе покидать ихъ — достаточно разрушить водопроводъ, чтобы тысячи тысячъ покинули городъ — и селиться въ тѣни высокихъ деревьевъ, какъ говорятъ буддисты. Мы будемъ вынуждать закрываться фабрики духовъ, шелка, игрушекъ, вина и проч., и проч., и проч., словомъ, всякихъ пустяковъ и мы предоставимъ въ распоряженіе освобожденныхъ рабовъ-рабочихъ весь нашъ фондъ Свободной Земли. Мы будемъ разрушать заводы автомобилей, пушекъ, дорогой мебели, бархата. Мы въ бурѣ динамита обрушимся на продажныя газеты-отравительницы и сотремъ гнойники эти съ лица земли. Мы будемъ взрывать театры, банки, желѣзно-дорожные вокзалы, церкви, университеты, всѣ гнѣзда, гдѣ хранится и воздѣлывается традиція, нашъ страшный врагъ. Мы сдѣлаемъ изъ земли *tabula rasa* и по чистому лику ея мы напишемъ единственное слово программы нашей: **с в о б о д а...**

Онъ вдругъ быстро всталъ, схватился за впалую грудь и закатился дикимъ кашлемъ. И, безнадежно махнувъ рукой, повалился, блѣдный и потный, на подушку. Но, отдышавшись, снова всталъ.

— И нигдѣ не будемъ мы такъ безпощадны, какъ въ Красной — со злостью подчеркнулъ — Москвѣ, нигдѣ! Мы заставимъ всѣхъ этихъ красныхъ бонзъ-чревоушчателѣй, этихъ фокусниковъ, испить чашу униженій и страданій до дна. Все, чему они вотъ уже столько лѣтъ подвергаютъ людей, чрезъ все это они пройдутъ и у насъ... — съ горящими бѣшенствомъ глазами, слабымъ голосомъ воскликнулъ онъ. — А-а, я самъ видѣлъ ихъ застѣнки, я знаю, на что способны эти изуверы — они у меня изопьютъ чашу до дна!.. Первый отрядъ нашъ туда уже набирается. Все это рабочіе, молодежь, люди, преданные идеѣ освобожденія до послѣдней капли крови. На бѣломъ знамени ихъ огнемъ загорится священный девизъ: *Ecraser l'Infâme!* Какъ только будетъ готова первая партія нашихъ франковъ, такъ...

Дверь вдругъ безъ предварительнаго стука широко распахнулась и на порогъ неподвижно всталъ комиссаръ полиціи. Изъ-за него смотрѣли въ жалкую каморку чер-

ныя дула револьверовъ. Узкая лѣсенка была вся набита полицейскими.

— Ни съ мѣста! Руки вверхъ!..

Страшные заговорщики встали. Костромину было прежде всего противно все это: тутъ не нарядъ полиціи нуженъ былъ, а прежде всего докторъ да сестра милосердія.

Въ одно мгновеніе дюжіе агенты схватили обоихъ и надѣли имъ на руки желѣзки. Вся кровь бросилась въ лицо Костромину, но онъ не проронилъ ни слова. Начался обыскъ. Онъ продолжался всего нѣсколько минутъ. Взяты были брошюры, корректуры, письма и — жалкія стофранковки, валявшіяся въ ящикѣ рабочаго стола, которыми нельзя было обмануть и десятилѣтняго мальчишку.

— Ваше удостовѣреніе личности? — строго обратился комиссаръ, почти старый человѣкъ съ сѣдыми усами и утомленнымъ лицомъ, къ Костромину.

— Въ боковомъ карманѣ.

Одинъ изъ полицейскихъ вынулъ изъ кармана старый-старый бумажникъ. Въ немъ было пятнадцать франковъ и удостовѣреніе личности.

— А-а, русскій!.. Прекрасно платите вы за гостепріимство... — усмѣхнулся комиссаръ. — Прекрасно!..

— Вы надоедаете мнѣ съ этимъ вашимъ постояннымъ „гостепріимствомъ“... — сказала Костроминъ, покраснѣвъ. — Если Парижъ не оккупированъ сейчасъ войсками Вильгельма, то только потому, что Россія имѣла глупость мобилизовать восемнадцать милліоновъ. „Гостепріимство“!..

Комиссаръ презрительно усмѣхнулся и далъ полицейскимъ знакъ. Длинное шествіе вытянулось по узкой, грязной и духовитой лѣстницѣ. Изъ чуть пріотворенныхъ дверей, мимо которыхъ они проходили, выглядывали испуганные лица. На всѣхъ, кромѣ испуга, было и выраженіе: не меня, и слава Богу. Преступниковъ усадили въ полицейскій автомобиль и машина понеслась.

— Самое главное теперь, чтобы былъ хорошій адво-

катъ... — сказалъ, кашляя, весь бѣлый Арманъ. — Съ ними надо бороться и ихъ же средствами...

— Прошу не разговаривать... — строго сказалъ полицейскій съ огромными усами. — Это запрещено.

— А мнѣ наплевать... — отвѣчалъ Арманъ.

Но замолчалъ.

Костроминъ смотрѣлъ въ заднее оконце автомобиля. На углу какого-то шумнаго бульвара, въ блестящемъ кафе, онъ увидалъ вдругъ — первый моментъ онъ даже не повѣрилъ себѣ — стараго знакомаго своего Розенблума, служившаго теперь у большевиковъ при посольствѣ, въ оживленной бесѣдѣ съ полковникомъ Стишинскимъ, бывшимъ начальникомъ развѣдки бѣлыхъ въ Одессѣ, а потомъ начальникомъ ГПУ въ Ташкентѣ... И усмѣхнулся: вотъ и примиреніе!..

Онъ не ошибся. Это были они. Стишинскій, встрѣтившись съ Красной Мадонной въ Ташкентѣ, рѣшилъ, что теперь оставаться ему тамъ было не безопасно, и сейчасъ же, собравъ всѣ казенныя средства, какія онъ только могъ и ту добычу, которую онъ снялъ тогда съ Норвиллю въ Одессѣ, далъ ходу. Послѣ всякихъ приключеній онъ благополучно прибылъ въ столицу міра и случайно познакомился съ Розенблумомъ у веселыхъ дамъ. Они сразу оцѣнили одинъ другого и теперь обдумывали, не наладить ли имъ какое-нибудь дѣльце вмѣстѣ. Хотя средства у полковника были прекрасныя и безъ того, но онъ считалъ глупымъ съѣдать ихъ такъ, зря: они могутъ принести пользу. И они обдумывали планъ эдакого хорошаго банчка, но чтобы вывѣска, фирма ихъ били все же на революцію: съ Москвой работать было весьма выгодно — если, конечно, не давать имъ кредитовъ.

— Здѣсь, напримѣръ, у насъ довольно серьезный алмазный фондъ... — сказалъ Розенблумъ. — Сдѣлать съ нимъ наши полпреды ничего не умѣютъ. Да и въ самомъ дѣлѣ трудно: камни все очень крупныя и дорогіе. Это все добыча частью изъ царской сокровищницы, а частью, говорятъ, изъ патріаршей ризницы. Вотъ и съ этимъ

пока мертвымъ капиталомъ можно бы устроить хорошее дѣло...

— Хорошее дѣло можно устроить со всѣмъ... — сказалъ полковникъ. — Я вотъ хочу все записаться въ кирилловцы: говорятъ, императоръ занимается теперь производствомъ за преданность себѣ въ слѣдующій чинъ. А мнѣ ужасно хочется быть генераломъ. „Мои генералъ“ — это звучитъ гордо, какъ сказалъ Горькій... А?

Розенблюмъ засмѣялся: онъ любилъ хорошій витьцъ.

— Да, французы это любятъ... — сказалъ онъ. — Вотъ подите: республиканцы, три революціи за спиной и не угодно ли?.. Гарсонъ, дайте намъ еще по рюмочкѣ порто!..

XVIII.

Совершенно разбитая, она спряталась въ своихъ частныхъ покояхъ и за вечернимъ чаемъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечься, развернула эмигрантскія газеты и сразу же наткнулась въ хроникѣ на замѣтку:

„Арестъ русскаго писателя. — Вчера въ Парижѣ арестованъ извѣстный русскій писатель А. А. Костроминъ. Къ нему предъявлено совершенно невѣроятное обвиненіе въ поддѣлкѣ французскихъ кредитныхъ билетовъ. Въ послѣднее время, по слухамъ, А. А. Костроминъ очень нуждался, но тѣмъ не менѣе мы вполне увѣрены, что тутъ кроется какое-то недоразумѣніе, которое не замедлитъ разъясниться.“

Она вся похолодѣла и позвонила.

— Товарищъ Розенблюмъ еще здѣсь?

— Здѣсь, мадамъ.

— Попросите его сейчасъ же ко мнѣ.

Розенблюмъ, не торопясь, явился.

— Скажите, что это значитъ? — указала она ему на замѣтку.

— Но почему же я долженъ это знать? — вздернулъ тотъ плечи. — Я слышалъ объ этомъ еще вчера. Правда, онъ очень бѣдствовалъ, говорятъ.

— И если, дѣйствительно, онъ окажется виновнымъ въ поддѣлкѣ билетовъ, то тогда что?

— Видите ли, — усмѣхнулся тотъ своей мефистофельской улыбкой, — это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Многие наши занимались этимъ промысломъ и ничего. Но на его мѣстѣ, и во Франціи, это— каторжные работы въ Кайеннѣ безъ срока.

Она вся побѣлѣла. Онъ зорко наблюдалъ ее чрезъ очки. „Какъ это ни странно, — думалъ онъ — но, по-видимому, это „осеннія скрипки“... — съ своимъ еврейскимъ юморомъ думалъ онъ. — Благодарю, не ожидалъ.“

Она подняла голову. Въ глазахъ былъ огонь рѣшимости. Она играла ва-банкъ.

— Скажите... я не желаю посвящать кого-бы-то-ни было въ подробности, но... Нѣтъ, впрочемъ, ничего... — сразу остановила она себя: сказать ему все, значитъ, отдать себя въ эти цѣпкія лапы. И себя, и его... — Нѣтъ, это я такъ. Меня чрезвычайно взволновало это извѣстіе: какъ, значитъ, въ самомъ дѣлѣ, велика нужда эмиграціи, если даже такой видный писатель пошелъ на такую игру...

— Да это совсѣмъ не ново, что эмиграція бѣдствуетъ... — сказалъ онъ спокойно.

— Тогда, по моему, — дѣловымъ тономъ, замечая слѣды, проговорила она, — нашимъ слѣдовало бы серьезно подумать, какъ, используя это ея положеніе, намъ ликвидировать ее совсѣмъ. Все же среди нихъ найдется немало нужныхъ совѣтской власти людей. Можетъ быть, амнистія была бы теперь весьма кстати...

— Ну, на что они тамъ?.. — пренебрежительно проговорилъ Розенблюмъ. — Полтора милліона лишнихъ ѣдоковъ это цифра. А въ большинствѣ случаевъ все это царское барахло, отрешья. Конечно, можно бы нѣкоторыхъ выгудить, поярче, хотя бы того же Костроминна, на примѣръ, но для него это уже поздно: пропалъ ни за что... Поддѣлывать деньги! Зачѣмъ, когда ихъ и настоящихъ сколько уютно?

Она подмѣтила внимательный взглядъ за толстыми стеклами очковъ и промолчала.

— Такъ что же вы хотѣли сказать мнѣ? — спросилъ онъ.

— Что? Ничего. Я хотѣла только спросить васъ объ этомъ...

— Ну, вамъ въ чужія дѣла путаться нечего. Своихъ хватить. А я расшифровывала тамъ депеши. Да, кстати: тутъ васъ поджидаетъ нѣсколько ословъ, которымъ очень хочется, чтобы вы нагрузили ихъ золотомъ — по рецепту Филиппа Македонскаго. Вамъ надо поговорить съ ними. Есть люди совсѣмъ пустяковые, но есть и подходящій намъ народъ — то-есть, въ качествѣ ословъ. Между прочимъ я имѣлъ удовольствіе недавно познакомиться съ вашимъ давнимъ знакомымъ по Одессѣ, полковникомъ Стишинскимъ. Онъ очень просилъ вамъ кланяться. Интересный мужчина.

— Какой Стишинскій? Тотъ, что завѣдывалъ у нихъ слѣжкой? Но я его потомъ видѣла на службѣ уже у нашихъ. Значитъ, выбрался и этотъ?

— Да. И повидимому, съ недурными средствами. Любопытный типъ.

— Ничего нѣтъ любопытнаго — просто мерзавецъ.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнулъ онъ и поправился: — Но „боже“ съ маленькой буквы, съ маленькой!.. Мерзавецъ... А теорія Эйнштейна: все относительно? Вамъ кажется, что мерзавецъ, а удивленное потомство, можетъ быть, будетъ ставить ему памятники. Я не люблю такихъ рѣзкихъ приговоровъ. Итакъ, больше ничего?

— Ничего. Спасибо.

— Спокойной ночи.. — чуть поклонился онъ и пошелъ вонъ. — „Осеннія скрипки“ несомнѣнно... Пахнетъ гарью. Женщины въ этомъ возрастѣ легко сходятъ съ ума... Не зѣвай, товарищъ Розенблюмъ, — ты можешь быть и посланникомъ... Чортъ любить хорошія шутки...

Ночь она не спала: ей былъ нанесенъ судьбой послѣдній, смертельный ударъ. Оборвана послѣдняя надежда. Поручить Розенблюму? Этотъ мерзавецъ продастъ и его, и ее за грошъ. А сама она не знаетъ, что дѣлать. Конечно, оселъ Филиппа Македонскаго сдѣлаетъ въ этомъ

насквозь гниломъ обществѣ чудеса, но надо знать, куда, къ кому осла направить. И пдѣ этотъ осель? Самой ей въ такомъ дѣлѣ попасться было невозможно: съ совѣтскими представителями заграницей и безъ того то-и-дѣло скандалы... И она плакала. И вспомнились ей тѣ слова, которыя совершенно нечаянно, и для нея самой неожиданно, сорвались у нея не то въ Вѣнѣ, не то въ Будапештѣ, когда она изъ Одессы окружнымъ путемъ пробиралась въ Москву: „свободная любовь — да, но не надо дѣлать изъ нея эпизода изъ жизни скотнаго двора“. Это сказалось тогда само и только теперь, въ эту страшную ночь, она узнала всю бездонную правду этихъ нечаянныхъ словъ. За скотный дворъ теперь она платила дорогую цѣну... И она плакала опять и опять. Она знала только одно: этого она допустить не можетъ.

Утромъ она, усталая, нетерпѣливо отдѣлалась отъ всѣхъ своихъ текущихъ дѣлъ — раньше она, подражая окруженію, любила звать ихъ „ответственными“, а теперь все это казалось ей какимъ-то позорнымъ представленіемъ — и выѣхала будто бы по своимъ частнымъ дѣламъ въ городъ. Шпики незримо слѣдовали за ней всюду, но уже не посольскіе: Розенбломъ, понимая, что начинается какая-то большая игра, пользовался уже своими, отдѣльными, сыщиками. Она дѣйствовала наугадъ и не сразу попала на надлежащій слѣдъ. Оффиціальныя лица прежде всего выразили чрезвычайное удивленіе: почему ее, представительницу совѣтовъ, такъ заинтересовала вдругъ судьба какого-то бѣженца?

— Значить, есть на это особыя причины, мсье...

Ироническій поклонъ:

— Не смѣю настаивать... Обратитесь, пожалуйста, къ прокурору республики...

Цѣлый день разъѣздовъ, ожиданій, объясненій, разговоровъ, справокъ и — оглушительный результатъ: да, взять на мѣстѣ преступленія, товарищъ по преступленію, Арманъ, старается всячески выгородить его, но онъ упрямо молчитъ и не желаетъ ни съ кѣмъ разговаривать.

Что дальше? А дальше, конечно, судъ. Въ приговорѣ нѣтъ никакихъ сомнѣній: Кайенна безъ срока.

Она на ходу забѣжала въ большой книжный магазинъ и забрала все, что нашла о Кайеннѣ, а затѣмъ, перемѣнивъ автомобиль, понеслась къ знаменитому адвокату-еврею, который выступалъ по всякимъ трескучимъ процессамъ и слылъ непобѣдимымъ. Маленькій, черненькій, живой, какъ воробей, адвокатъ былъ занятъ съ двумя пріятелями—парламентаріями, евреями-соціалистами, но когда ему доложили, что къ нему пріѣхала сама Норвилло, онъ немедленно принялъ очаровательную посланницу.

— Да, да, слышалъ... — любезно сказалъ онъ, выслушавъ ея наружно спокойную и выдержанную рѣчь. — Если угодно, я могу ознакомиться съ дѣломъ. На это нужно нѣкоторое время. И повидею арестованнаго. Какъ? Костроминъ? Ахъ, эти ваши русскія имена! Прекрасно: Ко-стро-минъ. Такъ? Ну, вотъ. Я вамъ телефонирую...

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама заѣду къ вамъ... Когда позволите?..

Онъ сдѣлалъ видъ, что думаетъ.

— Ну, послѣзавтра. Да вы не тревожьтесь: эти дѣла у насъ дѣлаются совсѣмъ не спѣша: *сahin-saha**)... Вознагражденіе? О, это не къ спѣху! Разрѣшите сперва ознакомиться съ обстоятельствами дѣла... До свиданія... Былъ весьма радъ чести познакомиться съ вами... Имѣю честь кланяться...

И онъ, проводивъ гостю до самаго выхода, съ веселой улыбкой направился къ своимъ пріятелямъ.

— Ну и женщина... Сплэндида фемина**)...

И онъ съ видомъ знатока поцѣловалъ кончики пальцевъ.

И всѣ они живо заговорили о трюкѣ, который они готовили къ предстоящимъ выборамъ...

Она, ссылаясь на нездоровье, отмѣнила обѣдъ, на ко-

*) *Потихоньку.*

**) *Блестящая женщина.*

торый былъ приглашенъ цѣлый рядъ кандидатовъ въ ослы, отмѣнила вечернія занятія съ Розенблюмомъ и заперлась у себя. Она приняла ванну, поспала часа два и сразу же, нетерпѣливо отодвинувъ всякія бумаги, ждавшія ея на столѣ, схватила за книги о Гвіанѣ. Она читала всю ночь. Волосы ея стали дыбомъ. Душа цѣпенѣла. Его ждала длительная и мучительная казнь, въ концѣ которой, и скоро, была смерть. Эти господа вопили тутъ на всѣ лады объ ужасахъ чрезвычайкѣ, но у нихъ самихъ была гигантская чрезвычайка за океаномъ.

Къ утру созрѣло рѣшеніе: нѣтъ, она его имъ не отдастъ. Старый міръ, который они пришли разрушить, лучше всего понимаетъ языкъ золота. Золота въ ея распоряженіи, для разрушенія этого міра, много. Правда, большая часть средствъ была въ алмазахъ, но можно и ихъ пустить въ оборотъ. Раньше, до пожара души, она встала бы передъ затрудненіемъ: это богатства рабочихъ и крестьянъ. Но теперь она прекрасно поняла технику: это богатства о т ѣ рабочихъ и крестьянъ, которыхъ имъ не видать, какъ своихъ ушей. И тутъ Розенблюмъ правъ: почему иксъ имѣетъ на это больше правъ, чѣмъ игрекъ? Колесики страсти незримо вертѣлись и подготавливали для ума почву, на которой онъ и построить новое зданіе своихъ вѣковѣчныхъ химеръ...

XIX

Рѣшимости дѣйствовать у нея было сколько угодно, денежные средства были неограничены, но съ перваго же утра передъ ней встала та женская безпомощность въ дѣлахъ практическихъ, которой она всегда такъ стыдилась и побороть которую она никакъ не могла. Часто она принимала видъ дѣловитости, но она ею не обманывала ни себя, ни Розенблюмовъ, которые внимательно слѣдили за ней и, когда нужно, подавливали. Такъ было и теперь: гдѣ тотъ осель, который повезетъ ея золото и алмазы, ея выкупъ за жизнь того, кто теперь былъ одинъ

только дорогъ ей во всей вселенной? Пусть потомъ онъ снова оттолкнетъ ее своимъ ледянымъ „нѣтъ“, — она содрогалась, вспоминая это слово и тонъ, въ которомъ оно всегда говорилось, — но она все же теперь сдѣлаетъ все, пойдетъ до конца. Если бы тогда, въ послѣднее свиданіе съ нимъ, она просто встала передъ нимъ на колѣни и принесла бы ему всю исповѣдь своей исковерканной жизни, можетъ быть, тогда онъ, человѣкъ чуткій и мягкій, прислушался бы къ ней, понялъ бы ее и склонился бы къ ней. Но проклятая гордость помѣшала ей исполнить то, что только одно и было бы дѣйствительно — можетъ быть...

Она, взявъ себя въ руки, искала подступовъ къ нему, теперь недоступному, но всюду натыкалась на глухую, неприступную стѣну. Французское правительство признать ее признало, но относилось къ ней свысока, съ плохо скрываемой враждебностью и полнымъ недовѣріемъ. Ея вмѣшательство — о которомъ въ официальныхъ кругахъ стали уже говорить — не только ни въ чемъ не помогло Костромину, но, наоборотъ, только ухудшило его положеніе: если за него такъ хлопочетъ Москва, значить, и онъ одинъ изъ этой поганой банды. Тѣмъ болѣе, что на допросахъ Костроминъ держалъ себя совершенно непозволительно.

— Да почему вамъ такъ хочется непременно замучить этого маніака? — бросилъ онъ разъ въ бритое, холеное лицо судебного слѣдователя. — Да развѣ не ходятъ на свободѣ съ красной ленточкой Почетнаго Легіона тысячи и тысячи опаснѣйшихъ преступниковъ и злодѣевъ? Почему вамъ надо замучить непременно этого полуумнаго съ его жалкими фальшивками, которыхъ никто и въ руки не возьметъ? Какъ вамъ не стыдно!

И снова онъ замкнулся въ себѣ, и не отвѣчалъ на приставанія властей ничего. Арманъ же, наоборотъ, хлопоталъ о „самомъ лучшемъ адвокатѣ“ и былъ чрезвычайно доволенъ, когда красная посланница устроила, чтобы дѣло велъ знаменитый защитникъ-еврей, специалистъ по сенсаціямъ.

— Нѣтъ, значитъ, и среди нихъ есть хорошіе люди... — говорилъ онъ и старательно выкладывалъ передъ маленькимъ, черненькимъ адвокатомъ все, что могъ нагромождать въ свое оправданіе. — Ихъ надо бить ихъ же оружіемъ... — съ убѣжденіемъ говорилъ онъ. — Теперь выплывемъ, а тамъ опять за свое... Но какъ только освобожусь, первымъ дѣломъ все же на югъ: бронхитъ не дастъ мнѣ покоя. А, солнце!.. Я готовъ Богъ знаетъ что отдать за то, чтобъ пожить на солнцѣ, на морскомъ берегу...

И постепенно въ официальномъ и неофициальномъ мірѣ укрѣпилось убѣжденіе, что представительница Москвы потому такъ горячо и взялась за это дѣло, что въ немъ замѣшанъ одинъ изъ бывшихъ большевиковъ, съ которымъ, можетъ быть, ее связываютъ старыя товарищескія отношенія. А можетъ быть, и разоблаченій какихъ боится — чортъ ихъ тамъ знаетъ. Сама она, видимо, неприкосновенна, но, можетъ быть, фальшивки эти все же приведутъ и на улицу Гренелль.

Розенблюмъ выжидательно поглядывалъ на возбужденную и несчастную Красную Мадонну. Но онъ по-малкивалъ. И постепенно центръ тяжести съ Армана, который всѣми силами выпутывался изъ тенетъ правосудія, перемѣщался на гордаго и упрямого Костромина, который упорно стоялъ на своемъ презрѣніи ко всей этой комедіи. У него въ вымотавшейся душѣ не было силъ для борьбы. Ну, конецъ и конецъ, такъ о чемъ же тутъ много разговаривать? Еще немножко страданія прибавится, такъ что же такое? И, въ концѣ концовъ, развѣ не въ его власти порвать нить жизни, когда будетъ ужъ слишкомъ невтерпежъ? Въ мірѣ царитъ Глупость. Онъ попалъ въ число жертвъ ея. Сдѣлать съ ней нельзя ничего, именно потому, что она — глупость... До него дошли слухи о вмѣшательствѣ Красной Мессалины въ это дѣло и онъ презрительно думалъ, что красные палачи и тутъ хотятъ разыграть роль благородныхъ защитниковъ всякой угнетенной невинности...

Вообще вокругъ дѣла все болѣе и болѣе собирались

лѣвые. Адвокатъ даже отказался взять какой бы то ни было гонораръ: это дѣло принципиальное. Лѣвая печать начала дѣло взбивать. Вранье нарастало неудержимо. Изъ простаго факта, который сразу замѣтилъ Костроминъ, что тутъ прежде всего нужно было врача и сестру милосердія, раздули гору и на вершинѣ ея былъ прикованъ мученикъ идеи Арманъ, который изъ послѣднихъ силъ боролся за освобожденіе угнетенныхъ рабочихъ массъ...

Шумъ этотъ былъ страшенъ Красной Мадоннѣ. Она боялась, что онъ помѣшаетъ ей сдѣлать ея дѣло. Она все надѣялась освободить Костромина до суда. Въ судѣ его дѣло было поставлено плохо: нельзя иностранцу вести себя съ такой гордостью въ странѣ, которая оказала ему „гостепріимство“... въ тюрьмѣ. И разъ, послѣ презосходнаго ужина въ посольствѣ, наединѣ, она спросила адвоката, что онъ думаетъ объ ослѣ Филиппа Македонскаго.

— Конечно, берутъ, — уронилъ тотъ. — Но слишкомъ ужъ тутъ напумѣли и всѣ, кому надо, на чеку. Нѣтъ, это дѣло слишкомъ рискованное. А вотъ если попытаться потомъ, въ мѣстѣ ссылки или по пути, это дѣло другое... Навѣрное ничего не могу сказать, но я слыхалъ, что случаи побѣга бываютъ и оттуда, изъ этой во-истину страны смерти...

Она задумалась.

„Онъ хорошо подсказалъ: на пути... — глядя горячій лобъ, безпокойно думала она. — Въ самомъ дѣлѣ, вытребовать сильный миноносецъ и въ Океанѣ атаковать пароходъ... Для отвода глазъ можно освободить многихъ... А флага можно не подымать...”

— Но скажите: какъ же все же правительство цивилизованной страны мирится съ существованіемъ такого ужаса?.. — блестя глазами, сказала исхудавшая Красная Мадонна.

Тотъ даже откинулся.

— Но, вѣроятно, такъ же, какъ мирится и ваше правительство со своими чрезвычайками... — засмѣялся онъ. — Люди мирятся со всѣмъ, что имъ выгодно...

— Но у насъ диктатура, революція, переходный періодъ... Это совсѣмъ другое дѣло... — невольно впала она въ старый тонъ. — А у васъ новый строй закрѣпленъ уже достаточно, повидимому...

— Ну, закрѣпленъ... — весело засмѣялся черненькій человѣкъ съ энергическимъ профилемъ. — Пляшутъ на остриѣ ножа. А ваши стараются повалить... — бросилъ онъ лукавый взглядъ на прекрасную хозяйку. — Я знаю, знаю, что вы тутъ не при чемъ, что это все Третій Интернаціональ шалить, но тѣмъ не менѣе все же это ваши, не такъ ли?.. Но... вы какъ-будто немного нездоровы? Что вы все за лобъ беретесь?

— Голова болитъ. И знобитъ какъ-будто немного.

— Вы смотрите: этотъ проклятый гриппъ очень распространился. Надо беречься... А кстати: какія послѣднія новости изъ Москвы?

— Ничего. Все благополучно... — беззаботно отвѣчала она. — Конечно, трудностей въ строительствѣ новой жизни еще очень много, но мы крѣпнемъ, растемъ. Во многихъ отрасляхъ промышленности мы уже перешагнули довоенную норму...

— Но съ урожаемъ неважно на этотъ годъ?

— Нѣтъ, ничего. Это все розказни буржуазной прессы. Когда вы перестанете вѣрить всей этой чепухѣ?

— Но позвольте: закупка хлѣба вашимъ правительствомъ за-границей это же фактъ?

— Фактъ. Но хлѣба въ странѣ много. Крестьянство только неохотно сдаетъ его, напуганное слухами о какой-то войнѣ, распускаемыми опять-таки агентами враждебныхъ намъ державъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее умненькими глазками. Она завела разговоръ о другомъ...

А въ ночь у ней вдругъ рѣзко поднялась температура, утромъ она не могла встать и наспѣхъ собранныя къ ней Розенблюмомъ знаменитости безъ колебаній установили діагнозъ: воспаленіе легкихъ.

Арманъ энергично боролся съ враждебнымъ ему старымъ міромъ „всеми его средствами“, то-есть, безпокойлъ зря адвоката, стыдилъ слѣдователей и рѣшительно не выдавалъ своихъ сообщниковъ, которые — какъ теперь стало ему совершенно ясно — очень мало заботились о разрушеніи традиціи, очень много о поддѣлкѣ фальшивокъ, а теперь все валили на него одного. Начальству онъ былъ просто жалокъ, этотъ поэтъ-фанатикъ со слабымъ образованіемъ и съ огромной вѣрой въ человѣка.

Онъ только что возвратился съ очередного допроса. Ему было плохо. Допросъ и очные ставки чрезвычайно вымотали его. Встрѣтившись въ камерѣ слѣдователя со своими помощниками, онъ и сегодня наивно разъяснялъ имъ, что они не такъ, не до конца поняли дѣло, что понимать его надо было вотъ какъ, и всячески защищалъ ихъ передъ властью: вы сами видите, какъ плохо усвоили они его замыселъ...

Онъ отказался отъ ужина. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ. Горячій, липкій потъ покрывалъ все его тѣло, и жарко было почему-то особенно въ упахъ и вискахъ. Точно сквозь горячій туманъ видѣлъ и слышалъ онъ, какъ кто-то — какъ-будто тюремный врачъ — приходилъ къ нему, приставалъ съ чѣмъ-то, онъ что-то отвѣчалъ — только бы поскорѣе отвязаться..., — и опять, слава Богу, вокругъ все стало тихо и въ маленькое оконце вверху, сквозь толстую, желѣзную рѣшетку, опять привѣтливо замигала маленькая звѣздочка, похожая на брилліантъ.

Впрочемъ, не это было главное — главное было Москва. Еще усиліе, тираны будутъ сломлены, обманъ ихъ разсѣется и на развалинахъ окровавленнаго гнѣзда ихъ встанетъ Истина и Свобода. Онъ не любилъ путанаго Евангелія, — надо всегда говорить все возможно ясно — но одна мысль его поразила Армана чрезвычайно: познаете Истину и Истина сдѣлаетъ васъ свободными.

Вотъ. Нѣтъ Свободы безъ Истины и нѣтъ Истины безъ Свободы. Это глубоко и прекрасно...

— Впередъ!..

Грузный, торжественный, шагъ его Легіоновъ Свободы и ихъ торжествующій ревъ. Онъ — впереди, конечно, безоружный: его оружіе — Слово. И бѣгутъ мимо длинныя вереницы домовъ, въ окнахъ то испуганныя, то радостныя лица, всюду поднимаются бѣлыя, какъ чистый снѣгъ, знамена. И все больше, все шире — онъ чувствуетъ это — растутъ у пробужденныхъ душъ огромныя, бѣлыя крылья...

И вотъ издали чрезъ площадь встало ему знакомое сказочное видѣніе — Кремля. На башняхъ его еще рѣютъ красныя знамена. На зубчатыхъ стѣнахъ хищно присѣли пулеметы. Слѣва нелѣпая пирамида, въ которой лежатъ мощи краснато Изверга, Звѣря, Раба Традиціи. Онъ, на бѣломъ конѣ — нѣтъ, это, конечно, тоже традиція, а потому неприемлемо... Лучше большой возъ, наложенный золотыми тяжелыми снопами, — символъ труда и мира — запряженный бѣлыми круторогими волами... И онъ всталъ во весь ростъ, и двинулся во главѣ человечества — всѣ были въ бѣлыхъ тогахъ — къ высокимъ, зубчатымъ стѣнамъ.

— Братья!.. — громко возгласилъ онъ на стѣны. — Мы не хотимъ вамъ никакого зла. Противъ васъ не будетъ сдѣлано ни единого выстрѣла. Это бесполезно. Наши рати обложили Москву со всѣхъ сторонъ и вы, все равно, будете принуждены сдаться: продовольствіе къ вамъ пропущено не будетъ. Не бойтесь насъ: мы — дѣти Мира. Мы встрѣтимъ васъ съ распростертыми объятіями. Только главари ваши, красные дьяволы, мучители человечества, объявлены нами внѣ закона. Сперва мы постановили-было предать ихъ тѣмъ казнямъ, которыми терзали они человечество, но среди насъ — голосъ его восторженно дрогнулъ — не нашлось ни единого палача! Это — величайшая изъ побѣдъ въ мірѣ съ перваго дня его. Мы, такимъ образомъ, изгоняемъ лишь ихъ изъ среды нашей — пусть идутъ, куда хотятъ, и дѣлаютъ, что

хотятъ. Мы теперь достаточно сильны, чтобы не бояться ихъ, ибо среди насъ — слышите? — не нашлось ни единого палача...

На стѣнахъ царило глубокое молчаніе — только на высокихъ башняхъ тихо рѣяли красные флаги...

Всеобщее изумленіе. Нѣсколько смѣльчаковъ двинулись къ наглухо закрытымъ воротамъ. Безъ большого усилія тяжелыя ворота раскрылись. Всѣ — онъ во главѣ съ непокрытой головой — потекли въ тихую московскую твердыню: во всемъ Кремлѣ не было никого. Всѣ были поражены. И вдругъ изъ рядовъ его рати молодой голосъ крикнулъ:

— Да ничего тутъ удивительнаго нѣтъ: мы всѣ давно въ твоихъ рядахъ!..

И восторженный Гимнъ Человѣчества загремѣлъ надъ Кремлемъ. Онъ, со священнымъ факеломъ въ рукахъ, первымъ хотѣлъ-было уже подложить огонь къ этому гнѣзду Традиціи, какъ вдругъ увидалъ своего друга Костромина: тотъ стоялъ среди старыхъ наполеоновскихъ пушекъ, уставленныхъ вдоль арсенала и, закрывъ лицо руками, плакалъ.

— Что съ тобой, другъ мой?.. — участливо спросилъ Арманъ. — Чѣмъ огорченъ ты такъ?..

— Пощади Кремль... — сказалъ Костроминъ. — Онъ такъ прекрасенъ...

— Пощади, пощади!.. — раздались крики со всѣхъ сторонъ. — Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ губить его?..

И вдругъ во-истину гениальная мысль осянула его.

— Прекрасно!.. — вдохновенно крикнулъ онъ. — Великолѣпно!.. Но мы сдѣлаемъ его еще прекраснѣе... Мы сдѣлаемъ его Символомъ Новой Жизни. Братъ, теперь же, немедленно, мы посадимъ вдоль зубчатыхъ его стѣнъ, прекрасныя деревья, мы заткемъ розами всѣ его башни, и эти пушки, и эти старые соборы — все. Пусть это будетъ огненный гнѣздо Красоты, Радости и Мира...

И онъ, сквозь слезы восторга, уже видитъ, какъ поднимаются среди зубцовъ стѣны прекрасныя деревья, какъ французскія пушки исчезаютъ подъ бременемъ вьющихся

розъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ, какъ стѣны превращаются въ ароматныя, росистыя ковры, а старинныя соборы въ огромныя корзины цвѣтовъ, среди которыхъ едва виднѣются ихъ золотыя главы... И на площадяхъ, надъ свѣтлой Москвой-рѣкой, на берегу которой онъ столько тогда, въ Красной Москвѣ, передумалъ и перемучился, закружились подъ звуки музыки и радостное ликование колоколовъ пестрые хороводы прекрасныхъ женщинъ... А сверху, изъ-подъ облаковъ, изъ-подъ солнца, съ бѣлыхъ авіановъ непрерывно сыпался ароматный, многоцвѣтный дождь розъ... И онъ, переполненный счастьемъ, — нѣтъ выше счастья, какъ исполненіе завѣтной мечты!.. — блаженно ходилъ между ликующими бѣлыми толпами, ловившими цвѣты, сыпавшіеся съ неба и чувствовалъ, какъ все становится тоньше, легче, радостнѣе, чище и какъ онъ, качаясь на свѣтлыхъ волнахъ колокольнаго звона, блаженно утопающій въ солнечномъ блескѣ, уносится умиленной душой все выше, все выше, все выше...

.

— Ну... — потирая поясницу, недовольно проворчалъ старый тюремщикъ. — Испекся. Это можно было предвидѣть...

И онъ, недовольно шаркая ногами, пошелъ распорядиться, чтобы убрали трупъ...

XXI

Не менѣе великое таинство происходило въ эту звѣздную ночь и въ сосѣдней камерѣ, гдѣ, за толстѣйшими стѣнами, отрѣзанный отъ всего міра, сидѣлъ Костроминъ. Заключение не тяготило его. Въ послѣднее время онъ почти безвыходно оставался въ своей комнатукѣ, на мансардѣ и это было какъ бы подготовкой къ этой одиночкѣ. И если бы не надоедали ему безсмысленные допросы, онъ и совсѣмъ былъ бы доволенъ. Онъ, чтобы отвязаться, сказалъ имъ все: о дружбѣ съ бѣднымъ фанати-

комъ Арманомъ, который сгоралъ на его глазахъ въ невозможныхъ мечтахъ и страданіи, о томъ, что никакихъ фальшивыхъ денегъ самъ онъ никогда не дѣлалъ и не думалъ дѣлать, о томъ, что фальшивка, найденная въ его бумажникѣ, была дана ему Арманомъ на память, за часъ до налета полиціи и что онъ самъ принималъ ее только для того, чтобы не огорчить больного, который въ этихъ фальшивкахъ видѣлъ начало спасенія рода человѣческаго, — ему не вѣрили. Не вѣрили ему, главнымъ образомъ, потому, что онъ уже успѣлъ упорнымъ молчаніемъ своимъ возстановить всѣхъ противъ себя, что онъ явно не уважалъ этихъ слугъ юстиціи и даже какъ-будто и народа, который оказалъ ему „гостепріимство“, а во-вторыхъ, потому, что онъ очень нуждался, почти голодалъ, что въ карманѣ его нашли, кромѣ жалкой фальшивки, только пятнадцать франковъ и что никакого мѣста въ Парижѣ онъ найти не могъ. Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля офицеръ Михаилъ Соймоновъ, напротивъ, показалъ, что мѣсто наборщика въ типографіи бопатаго армянина ему было почти обѣщано, но завѣдующій типографіей, жирный армянинъ, наоборотъ, сказалъ, что ничего опредѣленнаго онъ не обѣщалъ, что имъ неловко было поставить известнаго писателя къ наборной машинѣ... Костромину не вѣрили и онъ не старался увѣрить ихъ. Ему было все равно. Такъ страдать или эдакъ страдать — какая разница?... Эмигрантская печать не уставала копаться въ его жизни. Всѣ русскія редакціи были раздосадованы нажимомъ французской администраціи на независимую русскую печать, — они всѣ были увѣрены, что они „независимы“, хотя всѣ были холопы или партій, или издателей-„меценатовъ“ — выразившимся въ прекращеніи очерковъ „Красная Мессалина“ и высылкѣ Смѣтова.

— Вотъ вамъ и союзнички!..

И всѣ все болѣе и болѣе нацупывали какую-то таинственную связь между Костроминымъ и краснымъ посольствомъ на улицѣ Гренелль и всячески проявляли свое благородство и значительность. Правые были особенно довольны: они всегда говорили, что интеллигенція наша

давно сгнила и разложилась и что они были правы, — это имъ нравилось больше всего — утверждая, что изъ строительства Новой Россіи ее нужно исключить: только властные люди, вѣрные исконнымъ завѣтамъ и традиціямъ, возстановятъ Великую Россію...

Но за толстыми стѣнами Костроминъ ничего этого не зналъ. Ему казалось, что его совсѣмъ забыли и онъ быть радъ этому. Онъ чувствовалъ себя среди какого-то океана на маленькомъ островкѣ своей камеры и ничего другого пока не хотѣлъ. Особенно любилъ онъ свои ночи. Тогда онъ становился у окна на табуретку и часами простаивалъ, глядя въ звѣздныя бездны неба и — въ свою душу, которая въ эти часы созерцанія представлялась ему столь же бездонной, столь же прекрасной, столь же вѣчной, какъ и это звѣздное небо. И какъ и въ этомъ чистомъ, исполненномъ безмятежнаго покоя, небѣ, все въ ней просвѣтлялось, умиротворялось и земля со всей ея кровавой суетой и глупостями казалась жалкой песчинкой, на которую смѣшно смотрѣть. И все больше разгоралось въ усталой душѣ религіозное чувство: когда душа человѣка поднимается къ звѣздамъ, Богъ совсѣмъ близко къ ней.

И вспоминался тогда ему, въ эти углубленные и чистыя минуты, индусъ, съ которымъ онъ, тогда еще молодой человѣкъ, познакомился въ Москвѣ. Индусъ приѣзжалъ въ Ясную Поляну поклониться могилѣ русскаго великана и попутно далъ въ Москвѣ нѣсколько конференцій на англійскомъ языкѣ о религіи Веданты. Костроминъ очень полюбился проповѣднику изъ далекой Индіи и на прощаніе индусъ подарилъ ему свое стихотвореніе, которое навсегда осталось въ мозгу и въ сердцѣ Костромина. И каждый вечеръ теперь, глядя въ звѣздныя бездны, онъ медлительно повторялъ величавыя строфы индуся, котораго онъ старательно перевелъ на русскій языкъ:

... *Бездна*

Безъ формы, имени, цвѣта.

Безъ прошлаго и будущаго, безъ времени,

Безъ пространства, безъ всего,

Гдѣ хранитѣ молзаніе
Даже голоса отрицанія,
Безъ слова, —
Оттуда

Тезетѣ рѣка пригизности
Въ видѣ свѣтлаго желанія
И волны ея гремятъ
Възною плъснью:

„Я есмь, Я есмь...“
Въ томѣ океанѣ,

Безбрежнаго желанія
Встаютѣ волны, зисломѣ безконечныя.
О беззисленныхъ формахъ ихъ,
И многообразіи силъ ихъ,
О ихъ покоѣ,
О ихъ движеніи

Кто можетѣ сказать?
Милліоны лунъ, милліоны
солницъ

Встаютѣ изъ того океана,
Успиваютѣ безконечность
И затопляютѣ небеса
Свѣтомъ сверкающимъ.
Изъ того океана

Встаютѣ живыя существа,
Беззисленные,
Наслажденіе и страданіе,
Бользнѣ, рожденіе и смерть!..
Онѣ — солнце міра,
А мы — дуги.
Нѣтъ! Онѣ и солнце,
И Онѣ же — дугъ...

Онѣ, арестантѣ, лучѣ Его. И Солнце всегда съ нимѣ.
Гдѣ бы онѣ ни былѣ, всегда будетѣ надѣ нимѣ по ночамѣ
этотѣ сверкающій кусочекѣ вселенной, въ которомѣ жи-
ветѣ Богѣ — о чемѣ же тревожиться? Вспоминался графѣ
Пьерѣ Безуховѣ, котораго съ его безсмертной душой фран-

цузы заперли въ какой-то дурацкій сарай, Сократъ и его послѣднія рѣчи воспоминались, передъ цикуттой, и мрачная, зловонная, обожженная Голгова, и изумительныя слова, которыхъ никогда раньше не слышала мѣръ: прости имъ, Отецъ, ибо не вѣдаютъ, что творять... И изъ всѣхъ чудесъ мѣры самымъ большимъ казалось ему теперь то, что люди не чувствуютъ думы звѣзднато неба, что они не понимаютъ своихъ пророковъ. А какъ легко, казалось, ихъ понять...

И вспоминалась среди звѣздъ она, та, съ которой столкнула его судьба на берегу голубого озера. Они промѣняли любовь за звонкія, пустыя и задорныя слова, они сами растоптали свое счастье... Теперь, среди звѣздъ, она была ему еще дороже. Пусть она только Красная Мессалина, но теперь все грѣшное, все земное отпало отъ нея и онъ чувствовалъ подъ звѣздными ризами ея — большое страданіе. Онъ понималъ теперь, что не зря приходила она къ нему недавно, что что-то большое приносила она ему и вотъ онъ, слѣпецъ и гордецъ, опять оттолкнулъ ее жестоко и — непоправимо. И, когда въ послѣдній разъ приходилъ къ нему съ этими своими пустышными дѣлами юркій, маленькій адвокатъ, онъ спросилъ его: можетъ ли онъ написать нѣсколько словъ госпожѣ Норвилло? Тотъ сказалъ, что это запрещено.

— Но, можетъ быть, вы могли бы эти нѣсколько словъ передать ей устно?

— Съ удовольствіемъ передать бы, но она тяжело больна. Она почему-то слишкомъ горячо приняла дѣло господина Армана къ сердцу, вся истерзалась и теперь, повидимому, умираетъ. Надежды спасти ее какъ будто нѣтъ...

Костроминъ затихъ и просвѣтлѣлъ еще болѣе. И теперь въ ночи, среди звѣздъ, въ свѣтлыхъ ризахъ она являлась къ нему и онъ говорилъ ей нѣжныя слова и просилъ прощенія. Ее онъ не винилъ болѣе ни въ чемъ. Бессиліе человѣческое передъ страшными играми Рока было слишкомъ ужъ очевидно. Вотъ онъ: изъ состраданія къ бѣдному, больному фантазеру онъ принялъ отъ него жалкую бумаженку и теперь онъ пойдетъ въ далекую, гибельную

страну на медленную и страшную смерть... А она — умирает здѣсь.

И все это такъ, какъ, повидимому, должно быть, все это для чего-то, ибо:

*Онъ — солнце міра,
А мы — дуги...
Нѣтъ! Онъ и солнце
И Онъ же — дугъ...*

Исполненный глубокаго міража, онъ уснулъ легкимъ сномъ. Его разбудило движеніе у двери. Вошелъ утрюмый сторожъ съ завтракомъ.

— А вапъ друтъ-то отдѣлался... — потирая поясницу, проговорилъ онъ тихо: разговаривать не полагалось. — Освободился и безъ помощи адвоката...

— Какъ? — не понялъ Костроминъ.

— Сегодня въ ночь померъ... Этотъ похитръ васъ: улизналъ-таки отъ господъ судей!..

XXII

Вся судебная процедура была завершена: оставалось только ждать очереди. Адвокатъ больше не явился и послѣдняя связь съ внѣшнимъ міромъ для Костромина была порвана. Первое время парижане интересовались всѣмъ, что происходило въ красномъ русскомъ посольствѣ, но новинка уже пріѣлась — человѣчество, какъ глупый ребенокъ или какъ обезьяна, любить новыя забавы — и о немъ совсѣмъ забыли, до очереднаго скандала, до очередной попытки стовориться по поводу разныхъ старыхъ счетовъ, друтъ друга обмануть. Костроминъ разъ спросилъ своего утрюмага охранителя, не слыхалъ ли онъ чего о ходѣ болѣзни посланницы Москвы, но тотъ только рукой махнулъ:

— А-а, ну ихъ всѣхъ ко псу подъ хвостъ!.. Только безпокойство одно... Раньше, когда заботниковъ этихъ не

водилось, жилось куда легче. А теперь погляди опять, какъ дороговизна-то растеть: терпѣнія нѣтъ.

— Значить, ничего о ней не слышно?

— Говорили какъ-то, что заболѣла очень, а потомъ и говорить перестали. Да я газетъ и не читаю совсѣмъ. Ну ихъ, безпокойство одно...

Старикъ привыкъ къ покою тюрьмы и ничего другого не желалъ, какъ только, чтобы его оставили въ покоѣ: онъ свое дѣло исполняетъ, жалованья даромъ не беретъ, а на остальное ему наплевать...

Насталъ, наконецъ, и день суда. Была уже весна и каштаны вдоль бульваровъ разрядились въ свои нарядныя свѣчки. Солнечно звенѣли голоса дѣтей. Празднично сверкала Сена. Только въ сумрачныхъ, исполненныхъ поддѣльнаго „величія“, залахъ суда не чувствовалось этого праздника земли. Тамъ озабоченно бѣгали люди, нарядившіеся въ какіе-то дикіе костюмы, важно возсѣдали за столами, съ неимовѣрной скукой повторяли вѣчно одни и тѣ же вопросы, и силились вѣрить въ нужность и пользу своего дѣла, въ которое вѣрить было нельзя...

Костроминъ покорно и равнодушно отвѣчалъ на всѣ эти казенные вопросы, которые ему задавали со всѣхъ сторонъ, но душою былъ далекъ отъ всего. Безъ всякаго интереса выслушалъ онъ напыщенно-громовую рѣчь прокурора, который, конечно, не забылъ упомянуть о „гостепріимствѣ“, о томъ, что подсудимый оказалъ весьма дурную услугу и своимъ соотечественникамъ, нашедшимъ пріютъ въ прекрасной Франціи, и проч. Потомъ горячо и умно затрещалъ маленькій, шустрый, огневой адвокатъ и ядовитыя шпильки его по адресу прокуратуры — это былъ никогда не приѣдавшійся поединокъ современныхъ гладіаторовъ, оружіемъ которыхъ было слово, — и, наконецъ, спросили и его, что онъ объ этомъ всемъ думаетъ.

— Господа... — вставъ, неожиданно улыбнулся онъ. — Передъ самымъ заключеніемъ меня и бѣднаго Армана въ тюрьму, я прочелъ какъ-то въ газетахъ любопытное сообщеніе изъ Южной Африки, изъ Родезіи. Англичане,

чтобы ознакомить черныхъ братьевъ нашихъ съ благами нашего культурнаго суда, рѣшили идѣ-то въ глубинѣ тропическихъ лѣсовъ устроить показательный процессъ надъ туземцами, изъ которыхъ трое обвинялись въ убійствѣ и людоедствѣ, а четвертый въ колдовствѣ. До того времени англійскіе комиссары безъ всякихъ церемоній казнили такихъ преступниковъ, но надо же было когда-нибудь ознакомить вѣрнопопавшихъ его великобританскаго величества съ благами цивилизаціи. И вотъ съ величайшими трудностями, частью на аэропланахъ, частью на допотопныхъ пирогахъ по Замбезе, судъ прибылъ въ ту деревню, гдѣ были совершены всѣ эти преступленія. Засѣданіе происходило на площади подъ большимъ баобабомъ. Члены суда надѣли, конечно, свои традиціонныя тоги и парики. Черные братья наши сочли все это за какое-то очень веселое представленіе: во время суда то-и-дѣло раздавались изъ ихъ среды взрывы самаго веселаго хохота. Хохотали даже обвиняемые: такъ дики казались имъ эти шуты въ парикахъ. Судъ, конечно, вынесъ смертный приговоръ: иначе не стоило летѣть на авіонахъ. Когда предсѣдатель, по старой англійской традиціи, надѣлъ черную шапочку, въ которой выносятся обыкновенно смертныя приговоры, обвиняемые отъ смѣха повалились на землю... Господа, разница между мной и черными людоедами и колдунами не очень велика: они передъ смертью, глядя на комедію, хохотали, а мнѣ — хочется плакать. Я сказалъ на слѣдствіи все и больше ничего прибавить не желаю...

Пожиманіе плечами, обмѣнъ взглядовъ презрительнаго сожалѣнія, одинъ постучалъ даже украдкой пальцемъ въ лобъ. И очень скоро вынесенъ былъ приговоръ:

— Ссылка въ каторжныя работы въ Кайенну на вѣчныя времена...

Приговоръ взволновалъ Костромина, — не потому, что страшна была Кайенна, нѣтъ, звѣзды видны и оттуда, — а потому, что судьба поставила его на порогъ неизвѣстнаго, которое волнуетъ всегда. И когда адвокатъ, нѣсколько смущенный, подошелъ къ нему, чтобы выразить свое сожалѣніе, Костроминъ встрѣтилъ его улыбкой.

Адвокатъ сказалъ, что въ процессѣ онъ находитъ нѣкоторыя нарушенія, которыя ему даютъ поводъ къ не то кассаціи, не то аппеляціи, но Костроминъ, не слушая, отстранилъ его:

— Благодарю васъ. Я не хочу ничего этого. А вы лучше скажите мнѣ, что съ госпожей Норвилло?

— Какъ это ни удивительно, но ее, повидимому, спасли... — отвѣчалъ адвокатъ. — Но она такъ еще слаба, что никого къ ней не пускаютъ. Она гдѣ-то въ санаторіи подъ Парижемъ. Ахъ, это такая прелестная женщина!.. Но — вдругъ засмѣялся онъ, — неграми вы ихъ здорово поддѣли... Ха-ха-ха... И дѣйствительно, устарѣвшее судопроизводство наше уже не отвѣчаетъ идеаламъ нашего времени. Пусть Москва и въ реформѣ суда по невѣжеству очень напутала, но все же эта попытка обновить совершенно обветшавшій юридическій аппаратъ современнаго государства заслуживаетъ всякаго сочувствія. Ну, не будемъ терять мужества... — пожалъ онъ руку Костромину, довольный, что всѣ этотъ благородный жестъ видятъ. — Можно просить о помилованіи президента. Я увѣренъ, что госпожа Норвилло, какъ только оправится, встанетъ на вашу защиту. Она горячо принимала все дѣло къ сердцу: еще бы, бѣдный Арманъ былъ изъ ихъ компаніи и вернуть заблудшую овцу въ лоно отче, или какъ это тамъ у нихъ называется, было въ высшей степени интересно для нея. Итакъ, будьте мужественны: ваши друзья не оставятъ васъ. И я всегда къ ихъ услугамъ. Я отлично понимаю, что вы невиновны. Мое почтеніе...

И вдругъ рѣшительнымъ шагомъ къ Костромину подошелъ Миша. Онъ былъ въ очень потертомъ офицерскомъ кителѣ, въ потонахъ, лѣвая рука — ему только что сдѣлали операцію — была на перевязкѣ и на груди свѣтились два Георгія и знакъ Ледяного Похода. И прежде чѣмъ ему успѣли помѣшадь, онъ крѣпко сжалъ руку Костромина.

— Я не вѣрю имъ... Это вздоръ... — сказалъ онъ рѣшительно, весь вспыхнувъ. — Я сдѣлаю все, чтобы по-

мочь вамъ. Князь просить меня пожать вамъ руку и за него: самъ онъ лежитъ въ гриппѣ...

Но жандармы уже торопились оттѣснить его...

Сопровождаемый взглядами любопытныхъ, въ которыхъ было тайное сочувствіе, Костроминъ подъ усиленнымъ конвоемъ былъ выведенъ изъ зданія суда. Въ толпѣ послышались возгласы въ честь совѣтовъ. Полиція бросилась на крикуновъ. Началась свалка. Нѣсколькихъ молодецъ дюжіе агенты повели куда-то. И Костроминъ почувствовалъ, войдя въ свою камеру, чувство большого облегченія: онъ очень понималъ теперь хмурато стража своего, который желалъ, чтобы всѣ оставили его въ покоѣ...

А когда стемнѣло и въ окнѣ, на кусочкѣ голубого, нѣжнаго атласа, проступили звѣзды, онъ стоялъ у окна и молился небу гимномъ индуса и среди звѣздъ улыбалась ему нѣжной, просвѣтленной улыбкой она, уже не Красная Мессалина, а снова Красная Мадонна, строгая и чистая поборница правды, какъ эта правда ея горячему сердцу представлялась...

XXIII

Изъ уваженія къ больному товарищу Москва не назначила замѣстителя заболѣвшей посланницѣ. Дѣлами посольства очень осторожно и очень умно управлялъ Розенблюмъ. Ослы, жаждавшіе поднять на спины своихъ друзей золота, чтобы нести его въ станъ вратовъ, въ станъ стараго, гибнущаго міра, весьма усердно посѣщали товарища Розенблюма и онъ усердно нагружалъ ихъ — обѣщаніями. Наличность въ посольствѣ была крупная, но онъ вполне правильно рассуждалъ, что наличность предпочтительнѣе въ своихъ рукахъ, чѣмъ въ цитаделяхъ вражескихъ. И потому отдѣлывался лишь самымъ необходимымъ, грошами: онъ не имѣетъ полномочій на расходование суммъ рабочихъ и крестьянъ. Вотъ скоро вернется на свой постъ полпредъ, тогда — о, тогда...

И у ословъ текли слюнки. Они знали щедрость

Москвы. Новые „boyards“ ея въ размахѣ нисколько не уступали прежнимъ. А подождать немного не трудно. И они старались и неустанно снабжали Розенблюма всякими выдумками, которыя тотъ подшивалъ въ соответственныя „дѣла“ для отправки въ Москву.

Къ больной Розенблюмъ ввелъ сестру, еврейку изъ Россіи, которая доносила ему о каждомъ словѣ полпреда. Розенблюмъ зналъ, что въ бреду она все порывалась „сказать имъ всю правду“, „крикнуть на весь міръ, что во всемъ виновата она“, она требовала, чтобъ въ ея распоряженіе были высланы скорѣе всѣ миноносцы... И онъ утверждался еще болѣе, что все это игра „осеннихъ скрипокъ“.

Красная Мадонна, ослабѣвшая, прозрачная, то-и-дѣло плачущая отъ слабости и радости возвращенія къ жизни и какого-то бездоннаго умиленія, — она звала это при друтихъ „нервами“ — блѣдной улыбкой встрѣтила доктора.

— Ну, что же, можно мнѣ, наконецъ, начать читать газеты?.. — сказала она. — Вы изводите меня этими вашими запрещеніями.

— Нѣтъ, нельзя... — строго блеснула тотъ очками. — Совсѣмъ не нужны вамъ газеты. Вамъ нужно солнце, чистый воздухъ, покой и укрѣпляющая діета. А зажигать міръ со всѣхъ четырехъ концовъ успеете и потомъ...

Ему, очень извѣстному врачу, сыну крестьянина, эта міровая революція казалась такимъ вздоромъ, что онъ никогда не говорилъ на эту тему серьезно.

— Ну, хорошо... — сказала она. — Тогда отвѣтите мнѣ только на одинъ вопросъ.

— Это зависитъ. Говорите.

— Чѣмъ кончился процессъ Армана?

— Какого Армана? — спросилъ врачъ.

— Ну, вотъ, котораго поймали на выдѣлкѣ фальшивыхъ денегъ. Революціонера...

— Понятія не имѣю. Ничего не слыхалъ. Почему васъ это такъ интересуетъ? — пристально посмотрѣлъ онъ на нее. — Изъ вашихъ?

— Если хотите...

— Ничего не слыхалъ. Если хотите, наведу справки.

— Спасибо. Пожалуйста..

И на вечернемъ обходѣ врачъ сообщилъ ей:

— Процессъ этотъ конченъ уже — мнѣ нашъ швейцаръ сказалъ: онъ отчаянный политикъ и знаетъ рѣшительно все. Одинъ изъ подсудимыхъ умеръ, а другого, конечно, закатали въ Кайенну. Что съ вами?!

— Кто, кто умеръ?.. — вся блѣдная, схватила она его за руку.

— Умеръ этотъ... какъ вы его называли... французъ...

— Арманъ?

— Арманъ. А другого сослали въ Кайенну... Но — твердо поднявъ онъ голосъ, — я вижу, что я сдѣлалъ глупость, и больше она не повторится. Больше вопросовъ вашихъ вы мнѣ не задавайте, ибо отвѣчать я не буду, пока вы не будете на ногахъ. Аминь. Довольно глупостей. У васъ времени будетъ впереди достаточно, чтобы заниматься всѣми этими вашими шутками. А теперь — basta. Дайте пульсъ. Скверно! — досадливо бросилъ онъ ей руку. — Вы — женщина, а я былъ болванъ. Помните: вы были на волосокъ отъ того міра, гдѣ, какъ будто, не бываетъ никакихъ уже революцій и гдѣ вамъ, слѣдовательно, дѣлать нечего. Такъ вотъ, если вы не хотите опыта повторить, то слушайте меня во всемъ. Понятно?

— Опыта повторить не хочу... — сказала она, и изъ прекрасныхъ глазъ покатались слезы. — Не хочу. Я хочу жить во что бы то ни стало! Я буду жить.

— Будете, если возьмете себя въ руки. Солнце, воздухъ, усиленное питаніе и — полный покой. А тамъ — на всѣ четыре стороны...

Но въ его суровое сердце кольнуло: ему не хотѣлось, чтобы она улетѣла на всѣ четыре стороны. Осенняя красота ея, страстность всей ея натуры, эта русская экзотическая прелесть, плѣнили его. Но онъ скорѣе откусилъ бы себѣ языкъ, чѣмъ сказалъ бы ей это. Разъ онъ сказалъ себѣ: наука и на этомъ конецъ всему, значить, такъ и быть должно. Но все же онъ, когда ей стало за-

мѣтно лучше, заходилъ къ ней при каждомъ обходѣ, приносилъ книги, которыя ея не интересовали — ее не интересовало ничто — и иногда вечеркомъ засиживался за разговоромъ съ ней. И онъ дивился: говорятъ, дикая, отсталая страна, но откуда же эта тонкость культуры въ нихъ? Наука определенно была въ опасности. А она ничего не замѣчала...

И вотъ, наконецъ, насталъ и день освобожденія. Самъ Розенблюмъ явился за ней въ блестящемъ и покойномъ посольскомъ автомобилѣ и повезъ ее на Гренелль. Ея приѣмная „утопала въ цвѣтахъ“. Всѣ корзины и букеты были украшены красными лентами. На особомъ столикѣ кучей лежали визитныя карточки и поздравительныя телеграммы: изъ Москвы, отъ самого совнаркома, отъ представителей французскаго правительства, которые были особенно захвачены ея личными чарами или зернистой икрой посольскихъ завтраковъ, отъ депутатовъ-соціалистовъ, отъ всякихъ товарищей и, конечно, отъ ждущихъ посвященія въ ослы. Она готова была повѣрить, что всѣ эти милые люди ее, дѣйствительно, такъ цѣнятъ, но рядомъ былъ Розенблюмъ:

— Посмотрите, сколько людей ждетъ отъ васъ великихъ и богатыхъ милостей... — сказалъ онъ. — Хворать такъ долго это большая буржуазная роскошь... Вамъ-то тамъ было недурно, а имъ, бѣднымъ, каково?..

И она, какъ того требовали врачи, первые дни никого не принимала. Она хотѣла не только жить, она хотѣла быть крѣпкой, какъ никогда. И, наконецъ, — была яркая весна — она выѣхала впервые покататься въ Булонскій лѣсъ, вернулась повеселѣвшей и окрѣпшей, хорошо пообедала, а на другой день выѣхала въ городъ по своимъ личнымъ дѣламъ. Сыщики неотвязно слѣдовали за ней. Розенблюмъ понималъ, что большая игра — какая, онъ совсѣмъ не подозрѣвалъ, — приближается. Она забросила всѣ свои дѣла и не открывала этого, не притворялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я еще очень слаба... — говорила она. — Помогайте мнѣ. И, пожалуйста, возобновите приѣмы,

кормите, кого надо — словомъ, ведите все. Голова у меня еще не совѣтъ моя...

— Понимаю, понимаю... — говорилъ онъ. — А это вотъ принесла почта. Сперва я подумалъ: адская машина, но что-то ужъ очень легко... Прикажете открыть?

И онъ поставилъ передъ ней небольшой и, въ самомъ дѣлѣ, странно легкій, запечатанный ящичекъ.

— Вскройте...

Розенблюмъ вскрылъ ящичекъ: тамъ были свѣжія росистыя розы, перевязанныя русскими національными цвѣтами. И на маленькомъ клочкѣ бумаги стояло крупнымъ, дѣтскимъ почеркомъ: отъ врага.

— Ого!.. — нюхая розы, засмѣялся Розенблюмъ. — Ну, и везетъ же вамъ...

— Дайте сюда... — нетерпѣливо сказала она и, взявъ у него цвѣты, отодвинула ихъ подальше.

Сердце сладко, сладко сжалось: ни отъ кого другого, какъ отъ него, цвѣты эти быть не могли! Неужели же онъ, наконецъ, понялъ все? Неужели же онъ раскаялся въ своихъ прежнихъ страшныхъ „нѣтъ“? Но это было совершенно невѣроятно: нельзя изъ-за страшныхъ стѣнъ тюрьмы переслать ей цвѣтовъ. Кто же этотъ невѣдомый другъ ея изъ, очевидно, вчерашнихъ враговъ? Она не знала — знала только одно: это какъ-то связывается съ нимъ. И это было радостно...

Всѣ ея дни и ночи проходили въ томъ, чтобы строить одинъ планъ за другимъ: какъ его спасти? И она, выждавъ, рѣшила отправиться къ прокурору республики: гдѣ онъ прежде всего? Можетъ быть все же ей разрѣшать повидать его хотя при свидѣтеляхъ, передать что-нибудь...

— Но вашъ протѣжъ, мадамъ, давно уже покинулъ Парижъ: онъ на дорогѣ въ Кайенну...

И опять ее пришибло: она думала, что онъ еще здѣсь и что освободить его можно будетъ легче всего именно по дорогѣ. Рѣшительныхъ людей среди комму-

нистической молодежи было сколько угодно. И вотъ этотъ планъ рушился...

Значить, нужно было скорѣе придумать другой...

XXIV

Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Та проклятая женская безпомощность, которую она скрывала всегда, какъ самый постыдный изъ пороковъ, мѣшала ей теперь на каждомъ шагу. Нужно было прежде всего то практическое безстыдство, которымъ былъ спокойно преисполненъ, наприимѣръ, Розенблумъ и котораго ей мучительно не хватило. И она, запершись у себя, часами сидѣла, подперши голову, у стола, съ карандашомъ въ рукѣ — карандашъ какъ-то странно помогалъ ей мыслить въ порядкѣ — и устанавливала основныя вѣхи своего плана. Если его, дѣйствительно, увезли, — надо еще очень и очень провѣрить, такъ ли это, не сбиваютъ ли ее со слѣда?.. — то ясно, что теперь освобожденіе можетъ совершиться только на мѣстѣ. А для этого, захвативъ порядочное количество денегъ и, можетъ быть, камней, — они, все равно, никому теперь не принадлежать, успокоила она себя — ѣхать прежде всего въ Америку. Но нужно ли входить по поводу этого въ сношенія съ Москвой? Если да, то начнется свойственная ихъ „аппарату“ невѣроятная канитель, — они, не усложняя дѣла до самыхъ крайнихъ предѣловъ, не умѣли приступить ни къ чему, — а если уѣхать самостоятельно, то прежде всего это значитъ полный, и навсегда, разрывъ съ Москвой, со всѣмъ прошлымъ, съ міровой революціей. На минуту стало страшно, но только на минуту: она давно уже отошла отъ нихъ душой. Сперва ей казалось стыднымъ быть „мышью, бѣгущей съ корабля“, но эта игра въ „капитаны на мостикѣ“ утомила ее: если вѣра въ дѣло потеряна, то чего же еще за него и хвататься? Конецъ и конецъ. И потому она рѣшила и второй шагъ: просто отбыть въ неизвѣстномъ направленіи, захвативъ необходимыя на дѣ-

ло средства. Опять что-то тутъ кольнуло. И она пересмотрѣла вопросъ: извѣстный, даровитый и оригинальный писатель, Андрей Андреевичъ Костроминъ, выбить революціей изъ сѣдла — имѣетъ ли она право, дѣйствуя средствами русскаго народа, вернуть жизни и Россіи — и себѣ, тепло украдкой шепнуло сердце — его, человѣка высокой культуры, полезнаго? Почему Розенблюмъ имѣетъ право получать изъ этихъ денегъ очень хорошее содержаніе, а Костроминъ не имѣетъ? Но это шлетеніе мыслей утомило ее: она такъ хочетъ и разговорамъ конецъ, а кто правъ, кто виноватъ тутъ, пусть судьба разберетъ потомъ.

Конечно, проще всего было бы взять мѣсто на одномъ изъ трансатлантиковъ и ѣхать кружнымъ путемъ, чрезъ Нью-Йоркъ, но она боялась этого: ей — какъ и почти всякому человѣку въ такихъ обстоятельствахъ — казалось, что глаза всего міра обращены на нее и будутъ отмѣчать каждый ея шагъ, и тогда все дѣло пропало.

Но какъ же иначе перебраться къ нему?

И вдругъ мелькнула сумасшедшая мысль: а аэропланъ? Перелетѣлъ же Линдбергъ. А что можно одному, то можно и другому. Надо скорѣе попробовать почту... Но опять-таки, какъ и гдѣ? Это надо выяснить, а пока нужно запастись документами...

Розенблюмъ кончилъ вечерній докладъ. Дѣла ихъ были вообще теперь не сложны: переговоры съ французскимъ правительствомъ объ уплатѣ старыхъ долговъ и новыхъ займахъ безнадежно оборвались и всѣ ея дѣла здѣсь сводились только къ отбитію ослиныхъ атакъ на ея нестораемый шкапъ и текущій счетъ въ нейтральномъ банкѣ. Они обѣщали многое, эти ослы, но давали товаръ весьма сомнительный, и Розенблюмъ обѣщаль тоже очень много, но давалъ пустяки и ей не совѣтовалъ „закидываться“, какъ на своемъ образномъ языкѣ говорил онъ. Впрочемъ, онъ, какъ и она, былъ больше занятъ своими личными дѣлами. Онъ часто видѣлся съ полковникомъ Стишинскимъ, много толковалъ съ нимъ о дѣлахъ, а по ночамъ веселился. Полковникъ сталъ, впрочемъ, генера-

ломъ. Онъ рѣшилъ, что и къ Кириллу незачѣмъ для этого обращаться: разъ Кириллъ производилъ всѣхъ своихъ сторонниковъ въ очередные чины, то полковникъ сообразилъ, что онъ имѣетъ право произвести себя въ генералы отнюдь не меньше Кирилла, и поставилъ на своихъ карточкахъ: *Général de l'Armée Impériale Russe*. А если кому угодно будетъ доказывать, что онъ не генералъ, пусть доказываетъ: ему отъ этого ни тепло, ни холодно.

— Такъ чотъ какія дѣла, товарищъ... — убирая бумаги, проговорилъ Розенблюмъ немножко покровительственно. — Скучно что-то у насъ стало...

Она пропустила эти его размышленія мимо ушей.

— А скажите, Розенблюмъ, можете вы оказать мнѣ одну важную товарищескую услугу? — проговорила она вдругъ.

— *Cela dépend**)... — сказалъ тотъ. — Въ чемъ дѣло, товарищъ?

— Мнѣ нужно съѣздить въ одно мѣсто совершенно секретно — можете достать мнѣ фальшивый паспортъ?

— Разумѣется. Отчего нѣтъ? Какой вамъ?

— Не знаю. Все равно.

— Ну, нѣтъ, совсѣмъ не все равно. Я совѣтовалъ бы вамъ взять что-нибудь попроще: сербскій, болгарскій, а то недурно чешскій... Что-нибудь эдакое: Хлѣбичекъ, Водичка, Поспѣшилъ, Наскочилъ, Проскочилъ, Настроилъ, Полежалъ — огромный выборъ...

— Ну, что же, прекрасно... — чуть улыбнулась она. — Пусть чешскій.

— Хорошо. Вамъ скоро надо?

— Поскорѣе.

— А надолго изволите отбыть?

— Конечно, нѣтъ... — смутилась она. — Но вы не задержите?

— Да нѣтъ. Ихъ у насъ сколько угодно — надо толь-

*) *Это зависитъ.*

ко глянецъ навести. Можно бы и изъ Праги выписать, но это возьметъ время. Сдѣлають все необходимое и тутъ.

— Ну, спасибо. И прошу васъ о моемъ отъѣздѣ никому не говорить.

— Не ребеночекъ, товарищъ. Хорошъ былъ бы я дипломатъ, если бы не умѣлъ держать языка за зубами... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи...

Утромъ, когда въ посольствѣ начались уже занятія, — то-есть, разговоры со всякими чающими передвиженія фондовъ въ обмѣнъ на всемірную революцію — одинъ изъ частныхъ шпииковъ Розенблюма таинственно отманилъ его въ сторону:

— Пожалуйста скорѣе въ вашу квартиру къ телефону...

— Отводъ? — тихо уронилъ тотъ.

— Да.

Розенблюмъ быстро прошелъ въ свои покои и схватился за отводный телефонъ, который давалъ ему возможность подслушивать всѣ разговоры красной посланницы. И сразу услыхалъ онъ знакомый грудной и красивый голосъ.

— Халло? Cook's office?*) Халло?..

— Халло!

— Скажите: на ближайшіе быстроходные пароходы въ Нью-Йоркъ билеты получить можно?

— Ни одного мѣста не осталось. Расписаны всѣ мѣста на три очередные парохода...

— Можетъ быть, будетъ возвратъ?

— Бываетъ иногда, но и на возможный возвратъ уже длинная очередь. Теперь самый разгаръ сезона.

— Но... какъ же быть?

— М-м-м... Да вы заѣзжайте на всякій случай завтра къ намъ, мы и посмотримъ.

— All right. До завтра. Good bye!..**)

*) Контора Кука.

**) Прекрасно. До свиданія.

— Good bye!..

Въ черно-кудрявой головѣ Розенблюма съ быстротой молніи установилась связь: отправка Костромина въ Кайенну и желаніе Красной Мадонны прокатиться на быстроходномъ пароходѣ въ Америку. Отсюда — надобность въ фальшивомъ паспортѣ. И — конечно, въ хорошемъ... займѣ у рабоче-крестьянской власти... Вотъ тутъ-то и подходитъ самый острый моментъ игры и звать нельзя. И ему съ фирмой разсчитаться пора: не очень стала надежна. Конечно, никакихъ громкихъ „перелетовъ“, а все дискретно, аккуратно, какъ это и подобаетъ порядочнымъ людямъ. А тогда съ полковникомъ... тѣфу, чортъ, съ женеромъ Стишинскимъ можно будетъ и щучку въ море запустить, чтобы не дремали караси...

XXV

Красная Мадонна приказала подать себѣ машину и понеслась въ Буржэ, гдѣ, какъ было извѣстно изъ газетъ, готовился къ полету въ Америку сильный французскій частный аэропланъ. Что тамъ у нея выйдетъ, она не представляла себѣ. Ей самой хотѣлось, чтобы все было сдѣлано скорѣе и потому ей казалось, что Костроминъ въ отчаяніи и что съ его страстнымъ характеромъ онъ можетъ надѣлать непоправимыхъ бѣдъ.

Ей указали, куда пройти. И у самой калитки въ высокомъ изъ колючей проволоки заборѣ она встрѣтила вдругъ молодого человѣка, лицо котораго показалось ей очень знакомымъ. И онъ, увидѣвъ ее, невольно остановился, смущенный.

Это былъ Миша. Послѣ операціи рука его снова стала дѣйствовать и онъ былъ на седьмомъ небѣ. Мечтой его было бросить Парижъ съ его проклятой политикой и умчаться куда-нибудь на тяжелую работу. Очень хотѣлось ему докончить свое техническое образованіе, — онъ былъ студентомъ-первокурсникомъ въ инженерномъ, когда гражданская война сорвала его съ мѣста — но объ этомъ

и думать было нечего: онъ едва зарабатывалъ на жизнь. Но онъ не унывалъ. Въ душѣ его произошелъ огромный сдвигъ, опредѣлить размѣры и значеніе котораго онъ не могъ. Только вчера онъ былъ у своего главнокомандующаго, шоффера и они договорились до вещей невозможныхъ.

— Вы совершенно зарапортовались... — сердито говорилъ князь. — Еще немного, и вы запишетесь въ возвращенцы...

— Да не пустятъ мерзавцы!. — воскликнулъ Миша. — Ничего я такъ не желалъ бы, какъ вернуться домой и, забросивъ всю эту поганую политику, работать гдѣ-нибудь въ глуши — хотя бы самую черную работу... Мы всѣ запутались... Большевики!... Но по совѣсти, — насъ никто не слышитъ — скажите, милый князь: подъ нашимъ знаменемъ кого было больше, настоящихъ бѣлыхъ или большевиковъ? Не большевикъ ли былъ вапъ полковникъ Стипинскій, который произвелъ теперь себя въ генералы и бросаетъ деньги на кутежи пригоршнями?.. И не большевики ли всѣ эти эмигранты, которые, купаясь въ золотѣ, равнодушно смотрятъ на страданія и гибель своихъ товарищей по несчастью?.. Ну?.. А съ другой стороны, если среди насъ было много большевиковъ, то, конечно, и съ той стороны были бѣлые, то-есть, люди чистые, строгіе, жертвующіе любимой идеѣ собой. Вы помните, какъ захватили мы тогда, благодаря Костроми-ну, ихъ комиссаршу? Скажите — но по совѣсти — не произвела ли она на васъ впечатлѣнія, что она тамъ, среди всѣхъ этихъ пьяницъ, разбойниковъ и убійцъ, только по ошибкѣ? Такъ, значить, дѣло не въ томъ, что человекъ думаетъ, а въ томъ, какая у него душа... А что онъ думаетъ, такъ... такъ у всякаго барона своя фантазія, какъ говорится... И помните драму бѣднаго Костромина тамъ, когда онъ узналъ, что красная комиссарша — когда-то близкій ему человекъ?.. И вотъ теперь — но это между нами — развѣ не видно было по процессу его, что она всячески старалась — можетъ быть, за Одессу — осво-

бодить его? Вѣдь онъ, что бы тамъ ни брехали газетчики, все-таки невиненъ...

— Совершенно увѣренъ... — сказалъ князь. — Просто запутался. Но... уклонъ вашъ все же опасенъ, Миша.

— Перестаньте, князь! Вы отъ себя прячетесь... — настойчиво воскликнулъ Миша. — И вы, бѣлый настоящий, ненавидите бѣлыхъ большевиковъ, вродѣ подлеца Стишинскаго. Негодай и крутить тутъ, вѣроятно, на деньги, украденныя тогда имъ у красной комиссарши... А она — человекъ съ сердцемъ...

Генераль подозрительно посмотрѣлъ на него:

— А ужъ не захватила ли она часомъ ваше сердце? — улыбнулся онъ. — Что-то очень часто вы возвращаетесь къ ней...

Миша вспыхнулъ. Онъ не думалъ этого. И вообще говорить о такихъ вещахъ генералу очень стыдно... Онъ уважалъ ее за ея благородное отношеніе къ его другу Костромину, это такъ, но... Но когда—это случалось слишкомъ часто — прекрасная большевичка вставала ночью въ его воображеніи, онъ прибѣгалъ, чтобы не думать о ней, къ своему излюбленному средству: таблицѣ умноженія. Что иногда изъ этой таблицы получалось, объ этомъ знали только темныя ночи...

И вотъ вдругъ красная комиссарша стояла передъ нимъ, вспоминая, гдѣ она его видѣла.

— Мое почтеніе... — сурово пробормоталъ онъ: она вѣдь все-таки большевичка, врагъ. — Вы не узнаете меня? Мы встрѣчались въ Одессѣ, когда вы были арестованы. Я былъ адъютантомъ главнокомандующаго...

— Ахъ, вотъ что... — улыбнулась она его смущенію. — Теперь помню. Что вы тутъ подѣлываете?

— Я при авіаціонномъ паркѣ служу... — отвѣчалъ онъ. — Мы снаряжаемъ одинъ мощный авіонъ — я вѣдь летчикъ по профессіи, — пояснилъ онъ, — для перелета черезъ океанъ. Я предложилъ свои услуги въ качествѣ помощника. Меня Дамарръ... ну, который летитъ... очень любить и, можетъ быть, я полечу съ нимъ...

— А... пассажировъ вы не берете?.. — вдругъ спросила она.

— Какихъ пассажировъ? — удивился онъ.

— Ну, вотъ хоть бы меня... — улыбнулась она. — Конечно, я заплатила бы...

Миша долго думалъ. И вдругъ рѣшительно поднялъ голову.

— Если вы отвѣтите мнѣ правду на одинъ мой вопросъ, то, можетъ быть... это было бы возможно...

— Спрашивайте... — чуть зарумянилась она.

— Вы спѣшите на вырубку... одного человѣка? — тихо уронилъ онъ.

— Да... — еще тише отвѣтила она.

Борясь съ волненіемъ, онъ молчалъ. И набрался силъ.

— Это надо обдумать... — сказалъ онъ. — Но я... безъ лишней скромности, хорошій летчикъ. Согласились ли бы вы летѣть со мной? Я готовъ для спасенія его итти на все. Рискъ большой... визы тамъ и все такое... но я готовъ... Вы согласились бы?

— Да...

Его опалило. „Какая женщина!.. — съ восторгомъ подумалъ онъ, глядя на нее восхищенными глазами. — А вѣдь какъ имъ насолить Костроминъ... Значитъ, можно же вотъ перешагнуть чрезъ всѣ эти выдумки... А генералъ: опасный уклонъ!..“

— Тогда... тогда я долженъ обдумать, какъ... похитить ихъ авіонъ... — сказалъ Миша. — И главное, какъ взять васъ... гдѣ... Могу я васъ видѣть сегодня вечеромъ? Но — вдругъ покраснѣлъ онъ — разумѣется, не у васъ... тамъ... Тамъ всѣ эти... вихрастые... Этого я не хочу...

Она засмѣялась.

— Черезъ океанъ съ большевичкой летѣть не боитесь, а вихрастыхъ испугались?.. — пошутила она.

Она чувствовала въѣмъ существомъ своимъ какое-то новое чувство освобожденія и была вся радость. Вѣдь еще недавно она такъ съ бѣлымъ офицеромъ разговаривать не могла бы.

— Нисколько не боюсь... — вдругъ вспыхнулъ онъ. —

И никогда не боялся. А... протию. Вы извините, что я говорю такъ прямо...

— Пожалуйста. Я тоже люблю говорить... прямо. Такъ дайте мнѣ вашъ адресъ и сегодня же вечеромъ я сама заѣду къ вамъ, чтобы узнать все... Вотъ запишите тутъ.

И она протянула ему свою книжечку. Это была съ ея стороны военная хитрость. Онъ большими, дѣтскими буквами написалъ свой адресъ. Она взглянула и сразу узнала: букетъ съ національной лентой прислалъ ей онъ, этотъ милый, краснѣющій мальчикъ. И она тепло посмотрѣла на него своими прелестными глазами.

— Вы, я вижу, очень цѣните... того человѣка?.. — сказала она.

— Очень. Замѣчательный человѣкъ. И онъ не виноватъ ни въ чемъ.

— Разумѣется. Виновата — я.

— А... — тихонько уронилъ онъ. — Вотъ какъ...

— Пока я не могу говорить объ этомъ. Но я должна поправить свою ошибку. И — отплатить за Одессу.

— Можете безгранично рассчитывать на меня... — протянулъ онъ ей руку.

И, когда она положила въ его сильную руку свою, онъ, по старой семейной привычкѣ, склонился къ ней и поцѣловалъ. На нее пахнуло чѣмъ-то старымъ, милымъ, полузабытымъ: ручку выучились цѣловать и комиссары, но это было не то. И — опять вспыхнулъ.

— Итакъ, до вечера...

— Я буду ждать...

Улыбнувшись ему изъ автомобиля, она приказала ѣхать въ бюро Кука: на всякій случай надо подготовить нѣсколько способовъ.

Миша, чтобы утишить непонятное волненіе въ душѣ, началъ, по своему обыкновенію, заниматься таблицей умноженія: дважды два — четыре, дважды три — пять, дважды... сколько тамъ было? Ну, все равно: дважды пять — шесть, дважды шесть — семь... А въ головѣ строились и падали грандіозные проэскты похищенія могучаго авіона и перелета черезъ океанъ.

— Ахъ, это вы телефонировали!.. — любезно осклабился служащій. — Вамъ везетъ. Вотъ какъ разъ одинъ господинъ охотно отложилъ бы свой отъѣздъ. Но онъ хочетъ, повидимому, отступного...

И онъ указалъ на какого-то чернаго, какъ жукъ и пестраго, какъ попутай, франта, который стоялъ въ сторонѣ.

— Могу я переговорить съ нимъ? — живо спросила она. — „Съ авіономъ можетъ вѣдь еще и не выдти“... — подумала она.

— Да, вамъ придется переговорить самой, мнѣ неудобно... — сказали тотъ. — Но если не столкнетесь, то на слѣдующій пароходъ есть отказъ, который въ моемъ распоряженіи...

— Я беру его... — сказала она. — И переговорю съ этимъ...

Жукъ галантно попросилъ тысячу долларовъ отступного. Она сейчасъ же согласилась. Въ головѣ быстро мелькнуло: „съ первымъ поѣду я, а со вторымъ — летчикъ. Одной мнѣ будетъ трудно справиться. А онъ поможетъ...“

Опять ее кольнуло это сознаніе женской слабости, — близость этого мальчика, и та укрѣпляла ее! — но объ этомъ думать было некогда. Она быстро покончила дѣло съ чернявымъ, потомъ съ Кукомъ и точно на крыльяхъ понеслась домой, въ посольство.

— Мнѣ нуженъ еще одинъ паспортъ, Розенблумъ... — вся сіяющая, сказала она живо секретарю посольства. — Но мужской...

Тотъ немножко опѣшилъ: что „осеннія скрипки“, это видно, но... развѣ въ игрѣ не Костроминъ? Это было странно.

— Хорошо. Тогда я приготовлю румынскій.

— А какъ скоро?

— Ну, черезъ часъ... если бы были готовы фотографіи...

— Я привезу ихъ... сегодня. Можетъ быть, завтра.

— Хорошо. Но... вы должны помнить, что у насъ скоро большіе платежи. Не посадите меня въ калошу.

Вы можете застрять гдѣ-нибудь и мнѣ тогда тутъ будетъ безъ денегъ не весело...

— Деньги у васъ будутъ!

— Прекрасно...

XXVI

Миша съ радостью согласился притти ей на помощь: конечно, такъ будетъ вѣрнѣе. А похищеніе авіона и перелетъ прежде всего подняли бы невѣроятный гвалтъ въ паршивыхъ газетахъ и ихъ дѣло лопнуло бы... Фотографіи у него на счастье оказались готовыя. Розенблюмъ не зналъ, кого онѣ изображаютъ, но выборъ своей посланницы одобрилъ:

— Мальчикъ симпатичный...

А онъ-то, простофія, думалъ, что въ игрѣ Костроминъ! Правда, онъ былъ очень хорошъ съ этой своей патрицианской красотой и душой *elegantiae arbitri**), но — что съ возу упало, то пропало. Молодецъ, посланница!

— Ну, also glückliche Reise!***) — заключилъ онъ, наляпывая фотографіи на паспортъ.

Утромъ она сама привезла Мишѣ паспортъ.

— Но когда у насъ будетъ дѣло кончено, вы разрѣшите остаться мнѣ въ Америкѣ? — спросилъ Миша и сердце его тихонько сжалось.

— Но... Какъ же я могу не разрѣшить вамъ чего-нибудь? Вы свободный человѣкъ... — засмѣялась она, брызгая счастьемъ. — Но зачѣмъ загадывать впередъ? Дѣло, во всякомъ случаѣ, предстоитъ намъ весьма нелегкое... Какъ еще все кончится...

И она затуманилась.

Она передала Мишѣ билетъ и деньги и простилась — до свиданія въ Нью-Йоркѣ: она тамъ выйдетъ встрѣтить его.

*) Знатокъ въ изящномъ.

**) Счастливаго пути...

— Но смотрите, одѣньтесь прилично, чтобы не бросаться въ глаза... — сказала она. — Если дѣло у насъ сорвется, то... то...

Она поблѣднѣла.

Миша проводилъ ее до такси и она, улыбнувшись ему еще разъ, уѣхала.

Розенблюмъ, неотрывно слѣдившій за ней и подслушивавшій по телефону всѣ ея разговоры, былъ на чеку: рѣшительный моментъ подходилъ.

Она взяла уже большую сумму въ долларахъ съ текущаго счета посольства и задумалась передъ широко раскрытымъ несгораемымъ, въ глубинѣ котораго искрились и сверкали крупные алмазы царскихъ драгоценностей. Брало все-таки сомнѣніе: имѣетъ ли она право тратить такъ, во всякомъ случаѣ, не свои деньги? Но если она оставитъ ихъ такъ, кому пойдетъ это все? На подкупъ всякихъ мерзавцевъ, которые будутъ водить Москву за носъ съ ихъ міровой революціей. Ни въ какомъ случаѣ „рабочимъ и крестьянамъ“ они уже не вернутся: это ясно, какъ день. А она употребитъ ихъ на спасеніе невиннаго человѣка, котораго погубила она. И она стала отбирать себѣ драгоценности...

Все было готово.

— А теперь прикажите подать машину... — сказала она. — На Восточный вокзалъ.

Она для отвода глазъ рѣшила ѣхать на Восточный, а оттуда уже перебраться на другой.

— А развѣ вы не ѣдете въ Америку? — спокойно сказала Розенблюмъ.

Она невольно смутилась.

— Почему вы это вздумали? Я сказала уже вамъ, что ѣду въ Берлинъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Меня немножко обижаетъ это ваше недовѣріе ко мнѣ, товарищъ... — сказалъ онъ. — Право, я не такъ глупъ, какъ вамъ показалось. Вы ѣдете въ Америку и, конечно, не вернетесь. Я даже догадываюсь немножко, зачѣмъ вы ѣдете. Мѣшать вамъ я, конечно, не буду, но согласитесь,

что... что и мнѣ тутъ большой надобности оставаться нѣтъ: дѣла, какъ вы знаете, у нашихъ не веселы. Такъ я думаю, что и мнѣ нужно немножко обезпечить себя...

— Такъ чего же вы хотите?.. — вся красная, спросила она.

— Немножко... пограбить награбленное... — усмѣхнулся онъ. — По завѣту великаго вождя...

Ей и противно было все это, и рада была она, что онъ не будетъ ставить препятствій ей. Онъ могъ бы взорвать все. И она молча кивнула на связку ключей отъ нестораемаго.

— Вы правы: я не вернусь... — сказала она. — И распорядитесь тутъ, какъ хотите: мнѣ безразлично все.

— Но... вы тамъ оставили что-нибудь?.. — спросилъ онъ.

Она вспыхнула.

— Можете удостовѣриться!

— Конечно, лучше удостовѣриться... — сказалъ онъ. — Дружба дружбой, а табачекъ врозь, какъ говорится...

Онъ, повозившись съ ключами, открыть шкапъ, бросилъ въ глубину его загорѣвшійся сразу взглядъ и хлопнулъ дверку.

— Спасибо. Теперь вы можете быть совершенно спокойны... — сказалъ онъ. — Прощайте и всего вамъ хорошаго. Вы были хорошимъ шефомъ и мнѣ немножко жаль, что вы пускаетесь въ... эти авантюры. Но всегда помните завѣтъ его величества Филиппа Македонскаго. Такъ на Восточный ѣхать вамъ незачѣмъ уже, не такъ ли? И прекрасно. Я ненавижу эту зряшную гоньбу по Парижу — концы-то тутъ какіе!..

Онъ самъ проводилъ ее — она была чрезвычайно взволнована — до автомобиля, усадилъ и еще разъ пожелалъ счастливаго пути и — удачи.

— Не забывайте же никогда осла Филиппа Македонскаго... — еще разъ повторилъ онъ на прощаніе. — Вы въ этомъ отношеніи, замѣтилъ я, немножко... застѣнчивы. Совершенно напрасно. Продается все. Весь вопросъ только въ томъ: сколько? Вотъ. И потому дѣйствуйте смѣло.

Но только не поступайте, какъ ваши компатріоты: если онъ колеблется, сколько дать, два или три франка, то онъ всегда даетъ, чтобы покончить непріятныя колебанія, пять. А вы, если колеблетесь, два или три, дайте два, ибо два все же лучше, чѣмъ ничего. Жизнь для всѣхъ теперь трудна...

Автомобиль сразу потонулъ въ парижскихъ водоворотахъ, а Розенблюмъ неторопливо побрелъ назадъ. Онъ провѣрялъ про себя свой планъ. Все было ясно. Первый шагъ состоялъ въ томъ, чтобы перекачать алмазный фондъ изъ совѣтскаго несгораемаго въ свой сейфъ: у него уже былъ и свой текущій счетъ въ нейтральномъ банкѣ, и свой сейфъ, ибо когда посланница поручала ему передавать осламъ золотой грузъ ихъ, онъ всегда львиную долю ихъ добычи откладывалъ про черный день себѣ.

Покончивъ, не торопясь, обстоятельно, съ этимъ дѣломъ, — добыча была весьма значительна, много больше, чѣмъ онъ ожидалъ — онъ выждалъ нѣсколько дней. За эти дни онъ не разъ ронялъ среди служащихъ и шпиковъ посольства фразы, вроде:

— А загостилась что-то наша посланница въ Берлинѣ... Нѣтъ, это съ ея стороны довольно легкомысленно. Надо будетъ запросить ихъ, куда они тамъ ее дѣли?..

И, наконецъ, запросилъ. И пришелъ отвѣтъ: они и въ глаза не видали товарища Норвилло. Онъ, стоя посреди стрекочущихъ на машинкахъ — они по-прежнему изводили тѣмъ бумаги — товарищей, выразительно засвисталъ и озабоченно скрылся къ себѣ. И вышелъ долгое время спустя съ — шифрованной телеграммой въ Москву. Въ ней стояло:

„Полпред сказав, что едет Берлин, тайнственно скрылась куда-то. Берлин только что сообщил, что ее там не видали. Сделайте распоряжение.“

Но не успѣла телеграмма уйти, онъ — онъ придавалъ себѣ очень озабоченный видъ — въ сопровожденіи нѣсколькихъ старшихъ служащихъ, въ качествѣ понятыхъ, вошелъ въ частные апартаменты посла и всѣ сразу ахнули: несгораемый шкапъ, въ которомъ хранился алмазный

фондъ, былъ широко открытъ и пусть, связка ключей отъ него валялась тутъ же на полу и всѣ бумаги въ рабочемъ столѣ полпреда были перевернуты вверхъ дномъ.

Онъ выразительно засвистѣлъ.

Все было ясно.

— Товарищи... — строго сказалъ онъ, глядя на нихъ сквозь очки. — Я полагаю, что все это должно храниться въ самой строгой тайнѣ. Если тайна будетъ разглашена, со стороны правительства послѣдуютъ самыя строгія репрессіи. Имѣйте это въ виду. Я сейчасъ посылаю дополнительную шифрованную телеграмму...

И, дѣйствительно, вскорѣ была передана на телеграфъ новая телеграмма: „Полпред скрылся, неизвестно куда, похитивъ весь алмазный фондъ. Произведу расследованія и по банкамъ и немедленно извѣщу. Прошу назначить временно управляющего посольствомъ. Срочные платежи. Я переобремененъ работой и чувствую себя переутомленнымъ.“

Изъ Москвы принеслась цѣлая комиссія. Она могла только развести руками. Розенблюмъ, ссылаясь на крайнее переутомленіе, заявилъ ей о своемъ уходѣ.

— Но въ такомъ случаѣ вамъ надо сейчасъ же возвратиться въ Москву...

— Зачѣмъ же въ Москву? Мнѣ надо серьезное лѣченіе.

— Но... смотрите: вы подвергнетесь большой отвѣтственности...

— Господа... — спокойно говорилъ Розенблюмъ. — Въ дѣлахъ я люблю серьезность. А вы прежде всего не серьезны. Разъ я нахожусь въ предѣлахъ недосягаемости... — виновать, перепутать... все это отъ переутомленія... я хотѣлъ сказать: внѣ предѣловъ досягаемости правительства, то о... какой же строгой отвѣтственности говорите вы? Разъ вы страшаете меня, такъ я долженъ заявить вамъ, что... Впрочемъ, зачѣмъ мы будемъ ссориться? Тутъ, въ Парижѣ, нѣкто генераль Стишинскій — онъ, кажется, былъ у насъ въ Ташкентѣ начальникомъ ГПУ — открываетъ весьма интересное банковое дѣло. Вамъ, представителямъ совѣт-

скаго правительства, было бы полезно побесѣдовать съ нимъ. Онъ со мной хорошъ и я готовъ помочь вамъ...

Разговоръ происходилъ въ дорогомъ отелѣ — Розенблюмъ былъ остороженъ и о тонкихъ дѣлахъ въ посольствѣ разговаривать не хотѣлъ — и москвичи заинтересовались. Одинъ изъ ревизіонной комиссіи, товарищъ Лацисъ, родственникъ знаменитаго латыша Лациса, такъ увлекся идеей банка и вообще замыслами генерала Стишинскаго, что скоропостижно захворалъ и тоже остался въ Парижѣ... для лѣченія.

XXVII

Арестантскій пароходъ, Martinière, на которомъ везли Костромина, тяжелый тихоходъ, весь пропитанный отвратительными запахами, изъ всѣхъ силъ боролся съ бурей. Жаркій ураганъ свистѣлъ въ снастяхъ вотъ уже третьи сутки. Волны, сѣро-зеленые холмы съ бѣлыми, шипящими гребнями, съ дьявольскимъ упорствомъ ратами шли на противное суденышко, осквернявшее, казалось, собою весь океанъ, подымали его вверхъ, бросали внизъ и снова подымали. Но пароходъ пускалъ клубы отвратительнаго чернаго дыма, трещалъ, стоналъ, какъ старикъ, и все ползъ и ползъ впередъ, за эти мутные горизонты...

Въ арестантскомъ отдѣленіи былъ адъ. Несмотря на открытые иллюминаторы въ трюмѣ стояла нестерпимая, густая вонь, отъ которой перехватывало дыханіе, вонь жаркихъ и немыхъ тѣлъ человѣческихъ, вонь рвоты, — большинство арестантовъ валялось въ морской болѣзни и никто не прибиралъ за ними, — вонь масла, угля, старой грязи. Жаръ нестерпимый мучилъ всѣхъ. Пробовали проситься на палубу, гдѣ хотя дышать было можно, но, какъ всегда, услышали въ отвѣтъ грубую брань и лязгъ оружія. Эта брань, эти побои, этотъ звукъ цѣпей, эта нестерпимая вонь, которая, казалось, пропитала все его легкія, все это безсмысленное издѣвательство, тяготили Костромина, какъ дикій кошмаръ. Чувство полной зависимости отъ чужой воли давило теперъ, какъ скала. Онъ пересталъ на-

ходить утѣшеніе въ своихъ молитвенныхъ настроеніяхъ, въ устремленіяхъ къ звѣздамъ. Онъ ярко чувствовалъ теперь то, что Толстой, описывая звѣрства французовъ въ Москвѣ, въ 1812 году, называлъ „оно“. Костроминъ разгадалъ, что скрывается подъ этимъ жуткимъ словомъ. Это всего-на-всего была только — глупость, царствующая въ лишь человѣка въ мірѣ, глупость безмѣрная, все удушающая. И теперь, вмѣсто покорности этому „оно“, въ измученной душѣ его росъ — бунтъ. Онъ часто этими жаркими ночами ловилъ себя на мысляхъ, какъ было бы хорошо, если бы ссыльные, — ихъ было много, — стоворившись, бросились на своихъ мучителей, вышвырнули бы ихъ за бортъ, акуламъ на покормъ и, завладѣвъ пароходомъ, направили бы его не въ страшную Гвіану, гдѣ ихъ ждала уже смерть, медленная, мучительная, бессмысленная, а на свободу, гдѣ каждый могъ бы попытаться снова стать на ноги, начать новую жизнь... Онъ понялъ, что тѣ высокія, молитвенныя настроенія, тѣ звѣздныя пѣсни — только красивые взлеты крылатой души надъ землей, что человѣкъ не только дитя звѣздъ, но и земли, что онъ только человѣкъ, а не Богъ. Да, и въ поганенькомъ сараѣ можно иногда ощутить себя державно-свободнымъ, это совершенно вѣрно, но точно такъ же совершенно вѣрно, что для этого ощущенія безбрежной свободы духа своего совѣтъ не надо запираить людей ни въ сарай, ни въ этотъ гнусный, зловонный пароходъ-тюрьму... Но вокругъ него были робкіе рабы, которые за каждый глотокъ вонючаго воздуха или теплой, противной воды готовы были размозжить одинъ другому черепъ своими кандалами, но отъ одного окрика часового шарахались въ сторону, какъ овцы.

Въ немъ бродилъ бунтъ, какъ и въ другихъ. Но дѣлать было нечего: караулъ былъ вооруженъ самыми чудесными винтовками, а у нихъ были только — цѣпи. Мало того: въ арестантскую проведены были трубы изъ машины — малѣйшая попытка къ бунту и ихъ всѣхъ сварятъ живьемъ въ раскаленномъ пару... И они наяву и даже во снѣ скрежетали зубами, и глаза ихъ горѣли зеленымъ огнемъ, какъ у звѣрей. А онъ въ мукѣ додумывалъ до страшнаго конца

свои страшныя думы. Ихъ терзають безпощадно, это жалкое, трусливое, глупое стадо. Но кто же терзаетъ ихъ? Да такіе же жалкіе, трусливые и глупые люди, такое же вонючее стадо, которое одинаково и въ арестантскомъ колпакѣ, и во фракѣ. Предъ нимъ — творцы міровой глупости и ея страшныя жертвы. Такъ что же поможетъ тутъ возстаніе и истребленіе конвойныхъ?!

А пароходъ, тяжело переваливаясь съ боку на бокъ, скрипѣлъ, стоналъ, какъ старикъ и — съ волны на волну — ползъ куда-то со своимъ страшнымъ и бессмысленнымъ грузомъ обреченныхъ на мучительную и медленную смерть къ чужимъ берегамъ, какъ будто ихъ нельзя было безъ издѣвательства передуть дома. И сознаніе этого безцѣльнаго издѣвательства угрожающе росло и зажигало души зелеными огнями. Въ жаркомъ, зловонномъ воздухѣ иногда проносилось безобразной кавалькадой растрепанныхъ вѣдмъ безуміе. И вотъ разъ, когда качка и духота, и тѣснота особенно мучили обреченныхъ Глупости, одинъ изъ нихъ, рыжій, бывшій матросъ съ сильнымъ, растатуированнымъ тѣломъ, вдругъ съ изступленнымъ визгомъ ринулся на караульныхъ, опрокинулъ ихъ и выскочилъ на палубу. На него съ криками бросился конвой и пароходное начальство, но бѣшеная качка мѣшала имъ въ преслѣдованіи. А тотъ, съ изступленнымъ лицомъ, явно не сознавая, что и зачѣмъ онъ дѣлаетъ, бросился въ одну изъ запасныхъ шлюпокъ, схватилъ въ дюжія руки багоръ, вонзилъ желѣзный конецъ его въ грудь одного изъ конвойныхъ и тотъ, весь въ крови, повалился на палубу, мертвый. Но тутъ же стукнулъ выстрѣлъ винтовки и арестанты видѣли, какъ мимо иллюминатора пролетѣла въ бушующія волны какая-то изломанная кукла съ рыжей головой...

А пароходъ стоналъ, скрипѣлъ, валился съ боку на бокъ и везъ этихъ измученныхъ людей, — среди нихъ былъ даже одинъ паралитикъ, — неизвѣстно зачѣмъ, въ жаркую, гиблущую страну, гдѣ были только тяжкая неволя, страданія и смерть...

Потомъ жаркіе порывы бури стали стихать и океанъ сталъ успокаиваться. Снова качались въ иллюминато-

рахъ яркія, серебряныя звѣзды. И, глядя на нихъ изъ зловоннаго жара трюма, Костроминъ представлялъ себѣ вселенную, какъ только недавно представлялъ онъ ее себѣ изъ окна тюрьмы. Но теперь картина, вопреки его волѣ, получалась другая: онъ видѣлъ безпорядокъ, онъ видѣлъ безсмыслицу, онъ совершенно не ощущалъ себя лучомъ вѣчнаго солнца, онъ не хотѣлъ жить. Міръ это звѣздная бездна, а среди звѣздъ стоитъ тронъ Глупости и бродятъ пестрые обманы, которые терзаютъ людей. И обманомъ, и жесткимъ, большимъ, казалась ему и молитва индуса, которою онъ столько лѣтъ молился въ высокія, поэтическія минуты созерцанія. Обманъ все, кромѣ — личнаго счастья. Пусть мудрецы говорятъ, что оно тоже обманъ, но пока оно счастье, оно не обманъ. Оно становится обманомъ, когда проходитъ. И онъ звалъ счастье. И счастье это воплощалось въ той милой, строгой, пламенной Красной Мадоннѣ, которую онъ зналъ въ молодости и которую видѣлъ недавно, уже захватанной жизнью, но все же плѣнительной въ яркомъ расцвѣтѣ своей осенней красоты... Зачѣмъ былъ онъ тогда, когда приходила она къ нему, — вѣдь пришла же она, значить, что-то тянуло ее къ нему!.. — такъ нелѣпо нетерпимъ и грубъ?! Можетъ быть, стоило ему только отвѣтить на нѣмой призывъ ея, — теперь онъ чувствовалъ его — какъ всѣ злые призраки, ихъ раздѣляюще, разсѣялись бы и на перевалѣ жизни ихъ осѣнило бы грустное, какъ осень, но и яркое, какъ осень, и несомнѣнное счастье...

И онъ грезилъ о ней жаркіе сны, онъ звалъ ее, а въ раскрытые иллюминаторы качались прекрасныя созвѣздія. И въ мечтѣ о ней — уже мечта одна о ней была теперь счастье — онъ забывался и не видѣлъ и не чувствовалъ ни этой вони, ни грязи, ни тѣсноты, ни безобразныхъ, изуродованныхъ жизнью людей, тѣхъ людей, которыхъ индусъ называлъ лучами вѣчнаго Солнца... И когда онъ, проснувшись отъ грезы, приходилъ въ себя и видѣлъ страшную дѣйствительность, которая никогда уже, до могилы, не кончится, онъ, пряча лицо отъ сосѣдей, плакалъ и сердце его рвали мучительные, острые огни. Онъ

былъ живъ, но онъ былъ похороненъ. И онъ удивлялся иногда, какъ могъ онъ тогда такъ безразлично относиться къ той участи, которая ему всеѣми этими чиновниками на его глазахъ готовилась... А, если бы теперь начать все сызнова, онъ боролся бы, какъ волкъ, попавшій въ сѣти охотника!..

А вокругъ него слышался разнообразный храпъ, стоны, ругательства, стояла густая вонь и въ раскрытые иллюминаторы качались далекія, ко всему равнодушныя звѣзды...

На разсвѣтъ на верху послышалась какая-то особенная суета, которая безъ словъ сказала каторжанамъ, что въ ихъ жизни готовится что-то новое. И вдругъ одинъ изъ нихъ отъ иллюминатора крикнулъ:

— Земля!..

И всѣ, давя одинъ другого, ругаясь и отбиваясь локтями, бросились къ иллюминаторамъ: навстрѣчу имъ изъ-за моря медленно ползъ низкій, однообразный, точно испуганно прижавшійся къ водѣ, берегъ...

XXVIII*)

Костроминъ слыхалъ о Кайеннѣ и раньше. Но то, что тутъ онъ сразу же увидѣлъ наметаннымъ писательскимъ глазомъ своимъ, превосходило все, что онъ объ этой странѣ ужасовъ зналъ... Вся французская Гвіана — а она по пространству равна трети Франціи — представляла изъ себя одну гигантскую чрезвычайку. Тамъ, вдали, въ палатѣ, въ журналахъ красно говорилось о задачахъ колонизаціи, о внесеніи культуры въ дикую глушь далекой колоніи, но тутъ надъ этимъ даже не смѣялись: тутъ просто мучили людей. Всего прошло чрезъ эту каторгу больше пятидесяти тысячъ человѣкъ, но отъ нихъ не осталось тутъ и слѣда. Даже могиль, и тѣхъ не было.

*) *Описаніе каторги составлено по книгѣ г. Albert Londres „Au bagne“.*

Одинъ журналистъ мѣтко сказалъ, что Кайенна это машина à faire le vide. Еще ярче звали каторжане тѣ страшные острова „Спасенія“, которые находятся верстахъ въ пятидесяти отъ Кайенны и на которыхъ мучили особенно тяжкихъ преступниковъ, вродѣ измѣнниковъ отечеству. Они звали эти крошечные островки, вокругъ которыхъ вѣчно шумитъ бурное море и къ которымъ не имѣетъ права приставать ни одно судно, „сухой гильотиной“. Именно тамъ, на самомъ маленькомъ изъ острововъ, который зовутъ то Rocher Noir, то Чертовымъ островомъ, сидѣлъ въ свое время знаменитый Дрейфусъ...

Самая каторга помѣщалась теперь не въ Кайеннѣ, а въ Санъ Лоранъ, на берегу рѣки Марони, которая отграничиваетъ французскую Гвиану отъ голландской. Это небольшой городокъ, въ которомъ сосредоточено все управленіе каторгой, есть нѣсколько магазиновъ и госпиталь безъ лѣкарствъ. Мѣстами мелькаютъ въ глазахъ вывѣски: „здѣсь покупаютъ золото“ — золотые прииски, placers, находки въ глубинѣ страны... Въ городкѣ кишитъ всякое отребье рода человѣческаго: ссыльно-поселенцы, — то-есть, отбывшіе каторгу арестанты — негры, китайцы и — прокаженные. Прокаженнымъ отведенъ особый островъ на рѣкѣ, Санъ Луи, но у нихъ есть лодки — днемъ они затапливаютъ ихъ — и по ночамъ, какъ это извѣстно всему начальству, они тайно приѣзжаютъ въ городъ, въ кабаки и пьянствуютъ въ нихъ до утра. Расплачиваются они курами, которыхъ разводятъ на своемъ островкѣ, а то и франками: это они перевозятъ бѣглецовъ каторги ночью чрезъ Марони въ „Голландію“, получая за это франковъ пять съ человѣка.

Каторжане чистятъ заросли, медлительно ведутъ дорогу черезъ всю Гвиану, работаютъ на золотыхъ приискахъ и кое-какъ живы. Настоящая каторга, по выраженію ихъ, начинается только послѣ... освобожденія. Если подсудимый приговоренъ, напримѣръ, къ пяти годамъ каторги, то послѣ отбытія наказанія онъ долженъ провести въ Гвианѣ еще пять лѣтъ. Это называется doublage. А если онъ осужденъ болѣе, чѣмъ на семь лѣтъ, то онъ оста-

ется въ проклятой странѣ навсегда. Ему отворяють клѣтку и — предоставляютъ его на волю Божию. Зарабатываютъ эти несчастные плетеніемъ корзинокъ, рѣзбой по кокосовому орѣху, ловлей бабочекъ, которыя тутъ продаются по пяти-семи франковъ за штуку и болѣе всего воровствомъ, ибо сбыть продукты своего нищенскаго труда некому и некуда. Ловить бабочекъ законъ, однако, запрещаетъ: такъ ссыльный можетъ скопить себѣ денегъ для побѣга... Питаются они, чѣмъ Богъ послалъ, а спать, какъ новые Діогены, въ пустыхъ бочкахъ или просто вдоль троттуаровъ. А когда кто-нибудь изъ администраціи задумаетъ позднимъ вечеромъ утѣшиться музыкой на піанино, тѣ, что спать у него подъ окнами, кричатъ:

— Эй, вы тамъ!.. Не мѣшайте же спать!

Бываютъ случаи самоубійства отъ голода. Но еще чаще ссыльные нарочно совершаютъ какое-либо преступленіе, чтобы ихъ опять взяли на казенныя харчи, а то жуютъ сѣмена пенакоко, отъ которыхъ человекъ слѣпнетъ, и идутъ въ госпиталь. Лихорадка мучаетъ ихъ страшно. Много тутъ чахоточныхъ. Часто ссыльный, чтобы получить мѣсто въ госпиталѣ и отдохнуть, собираетъ въ облатку мокроту чахоточнаго, кладетъ это въ ротъ и идетъ къ врачу на изслѣдованіе. Тотъ изслѣдуетъ мокроту и — кладетъ несчастнаго въ больницу.

Между каторжанами часто случаются убійства. Но убійцу каторга не выдастъ начальству ни въ какомъ случаѣ. Многіе бѣгутъ и — возвращаются: вокругъ дикая пустыня, болота, бездорожье, голодъ. И всѣ торопятся умереть. Покойниковъ на островахъ Спасенія бросаютъ въ море. Раньше передъ этимъ изъ приличія звонили въ колоколъ. Акулы — ими кишить это всегда безпокойное море — такъ привыкли, что за звономъ слѣдуетъ трупъ, что, какъ только раздавался звукъ колокола по покойнику, онѣ цѣлыми стаями подплывали къ берегу и носились во всѣхъ направленіяхъ, поджидая добычи. Но съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи взяли верхъ свободные мыслители, колокольный звонъ по мертвымъ отмѣнили и тѣмъ внесли

въ жизнь акулъ безпорядокъ. Конечно, — французы вѣрны себѣ всегда — каторжане сложили по этому поводу пѣсенку:

Déjà les vieux requins sont là:
Ils ont senti le corps de l'homme.
L'un croque un bras comme une pomme,
L'autre le tronc et — tralala!
C'est au plus vif, au plus adroit.
Adieu, bagnard! Vive le droit!*)

Многіе не выносятъ тяжести плѣна и сходятъ съ ума. Вотъ одинъ, совсѣмъ голый, ходитъ всегда на четверенькахъ и пѣть только изъ помойнаго ведра, а когда его помой пытаются у него отнять, онъ рычитъ, какъ звѣрь и, выставивъ впередъ когти, бросается на обидчика. Вотъ арабъ Амаръ, у котораго есть страшный врагъ — солнце. Каждое утро Амаръ бросается въ него камнями и плюетъ на него. Вотъ третій: онъ недавно женился на Жаннѣ д'Аркъ, а теперь вдругъ превратился въ лошадь. Тотъ требуетъ, чтобы ему дали на шесть мѣсяцевъ красивую женщину въ зеленой комнатѣ, и онъ ручается, что его будущая супруга непременно родитъ змѣю съ головой ястреба и собачьими ногами. Того страшно любили во Франціи красивыя женщины и чѣмъ больше мель онъ улицы, тѣмъ больше онѣ его любили — „вотъ за это и попалъ я на острова!“

Вотъ сумасшедшій и среди надзирателей. Это солдатъ великой войны, отравленный нѣмецкими газами. Онъ сидитъ всегда запершись въ своей караулкѣ въ заросляхъ, приходитъ въ страшное возбужденіе при всякомъ шумѣ и сейчасъ же начинаетъ, не глядя, что тамъ, пальбу „на шумокъ“.

*) Акулы уже собрались погулявъ трупъ: одна откусываетъ руку, другая туловище — добыча за той, которая быстрее и ловчее... Прощай, каторжникъ, и да здравствуетъ законъ!

Культурныхъ людей среди каторжанъ мало и перемолвиться словомъ человѣческимъ Костромину было не съ кѣмъ. Да и остальные всѣ быстро падали и въ моральномъ, и въ умственномъ отношеніи. Всѣ бесѣды каторжанъ между собой заключались въ томъ, какъ бы поѣсть, какъ бы бѣжать, какъ бы напакостить начальству или другъ другу. Развратъ въ этомъ мірѣ отверженныхъ процвѣтаетъ и виновные часто попадаютъ даже подъ судъ, тутъ, въ каторгѣ, и несутъ соотвѣтствующее наказаніе...

О внутреннемъ мірѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ говорила Костромину ихъ татуировка. Нѣкоторые были покрыты рисунками съ головы до ногъ. Одинъ давалъ себѣ сдѣлать, такимъ образомъ, очки, другой ходилъ въ вытатуированой на лицѣ маскѣ, третій на голой головѣ изображалъ модную прическу. Этотъ пишетъ у себя по груди: „дитя горя“, другой: „нѣтъ мнѣ удачи...“, третій пускаетъ какое-нибудь безстыдство, четвертый изображаетъ свою странную кличку: „Непокорное коровье сердце“. И вотъ у одного причудливо выписано: „я видѣлъ, я повѣрилъ, я заплакалъ“. Бывшій кюре въ постоянной лихорадкѣ, которая быстро съѣдаетъ его, выгравировалъ у себя на шеѣ только одно слово: Аминь. Вотъ гордецъ, который хвалится, что онъ „побѣжденъ, но не покоренъ“, а вотъ другой, который бросаетъ всѣмъ вызовъ: „*ni Dieu, ni maître*“. И первый попавшійся стражникъ бьетъ гордеца палкой, а если ему угодно, можетъ подъ первымъ попавшимся предлогомъ въ заросляхъ застрѣлить его... Любятъ писать они не только на своемъ собственномъ тѣлѣ, но и всюду, гдѣ только это возможно: „Руссенгъ заявляетъ губернатору, что онъ — г....“. А въ другомъ мѣстѣ еще энергичнѣе: „лицомъ къ солнцу. Руссенгъ плюетъ на все человѣчество“. И поэтому Руссенгъ не выходитъ изъ темнаго карцера...

На работѣ, подъ палящимъ солнцемъ или проливнымъ дождемъ, — здѣсь дожди льютъ почти непрерывно — подъ ужасающими тропическими грозами, подъ укусами москитовъ, которые могутъ довести человѣка до изступленія, Костромину, съ тяжелой киркой въ непривыч-

ныхъ рукахъ, было еще выносимо, хотя часто голова его кружилась отъ изнеможенія и онъ готовъ былъ упасть на эту жирную землю, чтобы уже не вставать, или нарочно броситься въ заросли, чтобы пуля конвойнаго на мѣстѣ сразу покончила съ этимъ кошмаромъ. Настоящее мученіе для него начиналось съ пяти вечера, когда всю эту грязную и страшную, сквернословящую орду запирали по пятидесяти человѣкъ въ ихъ ночныя клѣтки. Его всегда, даже на волѣ, тѣснила и страшила толпа, — какова она ни была бы, — онъ не выносилъ тѣснаго вагона, народныхъ собраній, манифестацій и не любилъ даже театра. Но тутъ, гдѣ люди были сжаты, какъ сардины въ коробкѣ, люди грязные, люди страшные, люди во всѣхъ смыслахъ зловонные и люди ему, человѣку иного міра, враждебные, тутъ эти ночи превращались для него въ настоящую пытку. И конца ей не было видно: онъ былъ осужденъ, какъ говорятъ тутъ, à perpète.

— Говорятъ, Господь Богъ въ неизреченномъ милосердіи своемъ приготовилъ для насъ, бѣдныхъ грѣшниковъ, адъ въ загробной жизни, — сказалъ ему какъ-то разъ бывший кюре съ надписью: Аминь. — Онъ напрасно трудился. Онъ могъ просто поручить организацію ада нашей французской администраціи. Мы ужъ постарались бы для Него. И надъ входомъ, конечно, написали бы не „оставь всякую надежду, входящій“, какъ написалъ Дантэ, а „Свобода, Равенство и Братство“, какъ это и добавляетъ казенному зданію, принадлежащему Республикѣ...

Костроминъ ничего не отвѣтилъ. Онъ лежалъ ничкомъ на нарахъ и старался не дышать: чья-то вонючая нога съ отвратительно искривленными грязными пальцами все лѣзла ему въ лицо...

— Да, да... — продолжалъ кюрэ, высматривая въ своемъ халатѣ вшей. — Мы не пофорсить не можемъ. Меня вызывали къ губернатору въ Кайенну. Имъ на что-то тамъ понадобился образованный человѣкъ — кажется, гувернеромъ къ дѣтямъ какого-то торговца... И я видѣлъ и улицу Араго, и улицу Луи Блана, и площадь Республики... Образованность показать это прежде всего...

Взрывъ яростныхъ голосовъ покрылъ слова каторжнаго философа: то игравшіе въ карты каторжане схватились за ножи.

Ножи имѣтъ имъ запрещено, но они ихъ имѣютъ. Запрещено имъ имѣтъ и деньги, но они имѣютъ и деньги: они прячутъ ихъ въ небольшую коробочку, а коробочку проглатываютъ. А когда нужно разсчитываться, идутъ, куда слѣдуетъ, вынимаютъ изъ кишекъ свою несгораемую кассу и — расплачиваются: привычка дѣлаетъ чудеса...

Драчуновъ розняли. Погалдѣли, успокоились, стали зѣвать. И одинъ за другимъ вперемѣшку валились на грязныя нары и храпѣ на всѣ лады, и стоны, и ругательства, и слезы тайныя заполняли душную, смрадную ночь до утра. Ихъ будили въ пять часовъ и Костроминъ всегда съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ этого часа освобожденія отъ ночныхъ кошмаровъ. И всѣ тянулись въ заросли на совершенно никому не нужную работу по осушенію этихъ проклятыхъ Богомъ болотъ: такъ было рѣшено въ парламентѣ для блага цивилизаціи, для славы Франціи...

А стоило все это французскому народу только десятка два-три миллионовъ въ годъ...

XXIX

На борту гигантскаго парохода прекрасная и богатая чешка сразу обратила на себя всеобщее вниманіе. Дамы завистливо отглядывали ея красивую, изящную фигуру, а мужчины издали и вблизи всѣми способами выражали ей свое восхищеніе и готовность на всякія услуги. Но она, повидимому, ни въ чемъ не нуждалась и, пользуясь прекрасной солнечной погодой, цѣлые часы проводила на палубѣ, глядя въ море, и на лицѣ ея была тихая, теплая дума. Она часто спохватывалась: все трудное еще впереди. Но было и то уже хорошо, что развязалась она навсегда съ той тревожной, переполненной всякой грязью и ложью, жизнью, что она, сжегши корабли, ѣдетъ на вы-

ручку къ самому дорогому ей челоѣку и, хотя по книгамъ и разговорамъ она знала, какъ трудно ея предпріятіе, въ сердцѣ ея жила твердая увѣренность, что она побѣдитъ всѣ препятствія и вырветъ его изъ когтей смерти, какъ сдѣлалъ это онъ въ Одессѣ... Но иногда ночью все представлялось ей въ другомъ видѣ, она ужасалась и даже плакала...

— Посмотрите, какой гигантъ идетъ намъ навстрѣчу... — сказалъ ей высокій, не первой уже молодости господинъ съ золотыми зубами и обвисшей кожей на некрасивомъ, но славномъ, добродушномъ лицѣ. — Не хотите ли бинокль?

— Благодарю васъ... — улыбнулась она, принимая бинокль.

Она съ перваго дня уже замѣтила этого скучающаго американца, который слонялся по пароходу туда и сюда и не зналъ, къ чему пристать и ей не было непріятно, что онъ такъ просто, безъ фасоновъ заговорилъ съ ней.

— Вы тоже въ Нью-Йоркъ? — сказала она, разглядывая огромнаго трехтрубнаго нѣмца, который ярко и весело бѣлѣлъ на солнцѣ.

— Вѣроятно... — сказалъ онъ.

— То-есть, что вѣроятно?... — засмѣялась она, съ удивленіемъ разглядывая чудака.

— Вѣроятно, что въ Нью-Йоркъ... — сказалъ онъ. — Потому что пароходъ идетъ, какъ это ни скучно, все-таки въ Нью-Йоркъ. Но, вѣроятно, я тамъ не останусь... Не терплю я этого противнаго города...

— А потомъ куда?

— Не знаю. Подскажите...

Разговорились. Оказалось, что это былъ одинъ изъ тѣхъ американскихъ милліонеровъ по наслѣдству, который путемъ не зналъ, ни сколько у него денегъ, ни что съ ними дѣлать, ни чѣмъ заполнить эти ужасные двадцать четыре часа въ сутки. Онъ нѣсколько разъ объѣхалъ уже земной шаръ, стрѣлялъ съ президентомъ французской республики фазановъ въ Фонтэнбло, лазилъ на пирамиды, равнодушно угадывалъ, какъ дѣлаютъ свои поразитель-

ные фокусы индусскіе факиры, смотрѣлъ на купающихся красивыхъ самоанокъ подъ пальмами далекаго острова, лазилъ черезъ Кордильеры, стрѣлялъ бѣлыхъ медвѣдей за полярнымъ кругомъ, содержалъ красавицу-пѣвицу и подарилъ ей великолѣпный дворецъ въ Ниццѣ, надумалъ было строить свой собственный цеппелинъ, но скоро надоѣла возня и разговоры. Ну, а теперь еще что можно сдѣлать? Онъ не зналъ. И это разрывало его зѣвающую душу на части.

— Въ Москву погостить съѣздили бы... — смѣясь, подсказала она: это нелѣпое американское дитя сразу ей понравилось.

— Былъ... — скучливо поморщился онъ.

— Ну, и что же? — заинтересовалась она. — Я думаю, это такъ интересно посмотрѣть на рожденіе новой жизни...

— Никакого рожденія я тамъ не видѣлъ... — сказалъ онъ недовольно. — Но клопы грызли меня немилосердно... И потомъ непріятно вѣдь, когда васъ считаютъ за дурака, и думаютъ, что очень ловко водятъ васъ за носъ...

— То-есть? — посмотрѣла она на него.

— То-есть, вамъ показываютъ то, что имъ хочется, и не пускаютъ никуда, куда хочется вамъ... Это политика дѣтей или дикарей. А со мной эта игра была нелѣпа и потому, что я полурусскій, если хотите...

— Вотъ какъ!.. — воскликнула она. — Вотъ не сказала бы...

— Нѣтъ, по крови я чистый англо-саксъ... — сказалъ онъ. — Но мой отецъ всю жизнь проработалъ въ Восточной Сибири, гдѣ у него были огромныя рыбныя концессіи, говорилъ по-русски, какъ русскій, любилъ все русское, а я, хотя и кончилъ Кембриджъ, все же успѣлъ до войны побывать въ Россіи и видѣть многое. А они хотѣли меня за носъ водить, эти идиоты...

— Вы и по-русски говорите? — спросила она. — Говорятъ, это очень трудный языкъ...

— Говорилъ немножко, но забылъ. Вы знаете, что мы, англичане, непромокаемы какъ-то къ другимъ язы-

камъ. Вѣроятно, потому, что насъ вездѣ стараются понять и съ нашимъ языкомъ. Избаловались. Но вѣдь разъ вы славянка, вы должны хоть немножко понимать по-русски, не такъ ли?

— О, очень мало... Скажите что-нибудь, а я посмотрю...

И длинное дитя освѣтило ее всѣми своими золотыми зубами и съ улыбкой проговорило:

*Голубушка, какъ хороша!.. Ну, что за шейка,
Что за глазки,
Не надо рассказывать про это сказки...*

Она такъ расхохоталась, что на нихъ всѣ оглянулись.

— Но, я вижу, вы поняли? — засіялъ онъ зубами.

— Немножко... — смѣялась она. — Теперь я могу признаться вамъ: я замужемъ за чехомъ, но по рожденію я русская...

— А-а!.. — просіялъ онъ. — Я немножко подозрѣвалъ это...

— Почему?

— А потому, что у русскихъ женщинъ изъ культурнаго круга есть извѣстная печать, которой нѣтъ у другихъ женщинъ... эдакая эманация какой-то особенно нѣжной женственности и прелести...

— О!.. О!.. О!.. — съ притворнымъ ужасомъ воскликнула она. — Мы не знакомы еще и часа, а вы уже отпускаете такіе комплименты... Shocking!..*) Но говорите со мною по-русски, хорошо? А то смотрите, какъ всѣ подслушиваютъ насъ... Должно быть, ведемъ мы себя не вполне прилично...

— А очень нужно!.. — сказалъ онъ. — Пусть смотрятъ. Но по-русски я забылъ. Но попробуемъ.

Они заболтали по-русски. Мистеръ Стивенсъ часто бпадалъ въ затрудненія, прищелкивалъ длинными паль-

*) Скандалъ.

цами, вставляя англійскія слова, но все же дѣло потихоньку впередъ подвигалось.

— Нѣтъ, я рѣшительно усталъ... — сказала она. — Давайте говорить по-англійски. А по-русски будемъ упражняться понемножку: сегодня полчаса, завтра три четверти, потомъ часъ, потомъ полтора...

— Но позвольте, мы вѣдь будемъ ѣхать съ вами не вѣчность... — сказала она. — На полутора-часахъ, вѣроятно, упражненія придется кончить... Нью-Йоркъ не такъ ужъ далеко.

— Но я останусь въ Нью-Йоркѣ и буду ходить къ вамъ на уроки...

— Но я не остаюсь въ Нью-Йоркѣ...

— А куда же вы дальше? — наострилъ онъ уши.

— О, далеко... Разъ мы на эту тему заговорили, то, можетъ быть, вы можете дать мнѣ нѣсколько хорошихъ совѣтовъ...

— Не знаю. Это очень трудно. Я, сказать по правдѣ, въ жизни довольно безпомощенъ... Но спрашивайте.

— Вотъ. Первое, что мнѣ нужно, это найти въ Нью-Йоркѣ и зафрахтовать очень быстроходное судно для... небольшого путешествія...

— Вы хотите вести контрабанду спиртными напитками? — съ любопытствомъ наострилъ онъ уши. — Это очень доходное дѣло. Милліоны наживаютъ. Въ Нью-Йоркѣ мы сходимъ съ вами поужинать въ одинъ клубъ. Тамъ найдете всякіе напитки, какіе только хотите. И я познакомлю васъ съ однимъ изъ директоровъ. Онъ мой пріятель и можетъ дать вамъ на этотъ счетъ цѣнные указанія. Это очень забавное дѣло. Я одно время думалъ было и самъ попробовать, но... но я что-то облѣнился... Я угадалъ?

— Нѣтъ. Ввозить къ вамъ виски я не думаю... — сказала она. — И вообще я хочу вести у васъ самый лойальный образъ жизни. Мнѣ нужно судно для поѣздки... ну, скажемъ, въ мексиканскія воды... или чуточку подалее... Но чтобы прежде всего это былъ хорошій хо-

докъ. За комфортомъ я не гонюсь, но быстрота хода — первое дѣло.

Но тутъ завылъ гонгъ, возвѣщая начало завтрака.

— Хотите завтракать со мной? — сказала она. — И вы будете помогать мнѣ тѣмъ временемъ вашими со-
вѣтами...

— All right...*)

XXX

За завтракомъ они совсѣмъ подружились. Страш-
ный „капиталистъ“, одинъ изъ тѣхъ, противъ которыхъ
она съ молодыхъ лѣтъ ополчилась, былъ безобиднѣйшимъ
существомъ, которое не знало, — искренно, отъ всей ду-
ши не знало, — что съ собой и жизнью дѣлать, жизнью
этой искренно тяготилось и изнемогало отъ скуки.

— Когда я былъ еще совсѣмъ мальчишкой, въ Амери-
кѣ, у насъ была въ модѣ оперетка „Бѣдный Ионаанъ“...
— рассказывалъ онъ. — И вотъ былъ изображенъ въ ней
эдакій же, какъ и я, миллионеръ, который отъ тоски го-
товъ былъ повѣситься. И, наконецъ, онъ догадался бро-
сить свой палаццо на Fifth авеню — тогда на 5 авеню
были еще палаццо, а не торговые конторы, какъ теперь...
— и безъ гроша въ карманѣ уйти въ бѣлый свѣтъ. Онъ
скоро оказался матросомъ на какомъ-то суднѣ, познако-
мился съ настоящимъ трудомъ, съ настоящимъ аппети-
томъ, съ настоящей нуждой, поздоровѣлъ, загорѣлъ и
вдругъ постигъ всю прелесть жизни. И даже влюбился,
наконецъ. И кончается тѣмъ, что онъ пляшетъ на сценѣ
джигъ и подпѣваетъ:

Безконечныя страданья я окончилъ навсегда.

Къ гурту грезъ и мектанья.

Я здоровъ, какъ никогда...

ну, и все, что тамъ полагается...

— Такъ вотъ вы и попробовали бы это по его при-
мѣру...

*) Прекрасно.

— Можете себѣ представить: пробоваль, но рѣшительно никакого веселья не получилось. Ходилъ я во время войны волонтеромъ, дрался во Фландріи противъ нѣмцевъ, которыхъ я скорѣе люблю, шлялся трапомъ на далекомъ Западѣ, получаль ругательства и зуботычины, мерзъ, работаль, голодалъ, но — не нашель во всемъ этомъ рѣшительно никакого удовольствія. Даже джитъ à la longue*) скученъ: ну, разъ джигъ, ну, два джигъ, ну, три джигъ, а потомъ и надоѣсть... А вотъ что-нибудь такое бы выдумать, чтобы духъ захватывало!... Но гдѣ же вы теперь найдете такую штуку? Ну, на парашютѣ съ воздушнаго шара броситься, Ламаншъ переплыть, побѣдить въ шахматы Алехина или Казабланку, какъ ихъ еще тамъ... — ну, какой же во всемъ этомъ интересъ?.. Но, однако, мы забыли о дѣлѣ... — спохватился онъ. — Если вамъ нуженъ хорошій ходокъ, то лучше всего мы попросимъ у брата Джо его „Амфитриду“ — по быстротѣ съ ней никто равняться не можетъ. Весь вопросъ только въ томъ, гдѣ найти брата?

— А гдѣ же его надо искать?

— Въ томъ-то и дѣло, что неизвѣстно: можетъ быть, банкъ въ Монте-Карло взрываетъ, а можетъ, стрѣляетъ въ Атласъ львовъ. Все можетъ быть. Но я думаю, на слѣдъ его мы въ Нью-Йоркѣ все же нападемъ. А въ крайнемъ случаѣ я возьму судно и безъ разрѣшенія: мы съ нимъ пріятеля. Но, конечно, вы должны будете обязательно включить меня въ число экипажа — хотя метръ д'отелемъ. Съ этимъ дѣломъ я могу справиться хорошо. А вечеромъ, иногда, вы разрѣшите мнѣ въ награду взять у васъ урокъ русскаго языка или я буду читать вамъ оды Горация — приличные, конечно... Я не люблю неприличія, что бы ни говорили объ американцахъ, забавляющихся въ Парижѣ. Такъ идетъ на счетъ „Амфитриды“?..

— Н-не знаю... — задумалась она. — Дѣло въ томъ, что... что въ такомъ случаѣ мнѣ придется рассказать

*) *вз концъ концовъ.*

вамъ все о томъ дѣлѣ, по которому я ѣду въ... мексиканскія воды. А мы съ вами едва знакомы...

— Понимаю. Но въ Нью-Йоркѣ я фитура довольно извѣстная и обо мнѣ вы можете навести тамъ чрезъ вашего чешскаго посланника самыя точныя свѣдѣнія. Впрочемъ, если хотите, я и самъ дамъ ихъ вамъ, то-есть, скажу, что скажутъ вамъ другіе. Вамъ скажутъ, что Альфредъ Стивенсъ большой, конечно, шелопаи, но что онъ совершенно несомнѣнно добрый малый, на котораго его друзья могутъ положиться во всемъ и всегда...

— Аминь... — засмѣялась она. — Охотно вѣрю. Но дѣло въ томъ, что въ жизни бываютъ иногда... щекотливыя дѣла... и...

— Но, Боже мой, вы меня рѣшительно интригуете!.. — воскликнулъ онъ, оживляясь. — Я страшно люблю щекотливыя дѣла, — только бы щекотало по-настоящему. Вѣдь не даромъ же я былъ трапомъ и мечталъ о томъ, чтобы ввозить въ штаты фин-шампань, только потому, что дядя Самъ въ припадкѣ благочестія вдругъ выдумалъ запретить мнѣ пить. По моему, вопросъ рѣшается очень просто: не хочешь, не пей, а другимъ не мѣшай.. Не такъ ли?

— Раньше я думала, что не такъ, но теперь начинаю думать, что, пожалуй, это и такъ... — сказала она съ сіяющими глазами: ей ея трудное дѣло уже казалось наполовину сдѣланнымъ.

Все еще не рѣшаясь договаривать до конца, она перевела разговоръ на другое. Но ему не терпѣлось. Она засмѣялась.

— Ну, что, напримѣръ, если бы я сказала вамъ, что я большевичка и что я ѣду поднимать въ Мексикѣ или Бразиліи революцію?..

— Я не повѣрилъ бы вамъ... — сказалъ онъ. — Я видѣлъ ихъ. Они все же... неотесаны... Даже Чичеринъ, человѣкъ изъ приличнаго, говорятъ, общества, и тотъ все же немножко эдакъ... позапаршивѣлъ. Нѣтъ, вы не большевичка.

— Ну, а если бы все-таки... Дали бы вы мнѣ тогда вашу „Амфитриду“?

— Но съ величайшимъ удовольствіемъ!.. — воскликнулъ онъ. — Хотя эти южно-американскія революціи всѣ очень похожи на оперетку, но тѣмъ не менѣе, я никогда еще не видалъ революцій, а это можно, вѣроятно, поставить и занимательно... Результатъ мнѣ безразличенъ. Будетъ ли президентомъ генераль донъ-Гомецъ д'Арозарена или его противникъ, генераль донъ-Наваха да Сервантесъ да-Кастильяносъ, мнѣ, конечно, все равно, но по-скакать, пострѣлять, вродѣ Тома Микса — отчего же? Пожалуйста... Но — вы не говорите правды. Вы — не большевичка и свергать мексиканскихъ генераловъ вы не будете. И хорошо сдѣлаете: чортъ съ ними!..

И только вечеромъ, въ тихіе сумерки, когда они послѣ обѣда ходили взадъ и впередъ по палубѣ, она рѣшила рискнуть. Вѣдь, все равно, рано или поздно немного людямъ открывать карты придется: кто же пойдетъ вслѣпую?.. И она, взявъ своего новаго друга подъ руку, сказала тихо:

— Я хочу вамъ рассказать одну русскую сказку. Хотите? Но рассказывать ее надо по-русски: по-англійски у меня, пожалуй, ничего не выйдетъ...

— Рассказывайте по-русски... — сказалъ онъ. — Если я что не пойму, я буду переспрашивать.

По сердечности ея тона и по ея теплотѣ онъ понялъ, что онъ сейчасъ узнаетъ ея тайну.

— Ну, вотъ... — сказала она. — Жила-была въ Россіи маленькая дѣвочка. Росла она въ богатствѣ, но съ самыхъ раннихъ лѣтъ замѣтила она, — она жила въ бѣдной русской деревнѣ — что не всѣмъ на свѣтѣ солнце улыбается одинаково и ее это чрезвычайно огорчило. И она задумала еще ребенкомъ ни много, ни мало, какъ несправедливость эту исправить: какъ видите, въ маленькомъ сердечкѣ ея мужества было достаточно. А, можетъ быть, и наивности — какъ хотите. Еще институткой она всячески — безъ малѣйшаго усилія льнула къ простымъ и бѣднымъ людямъ и въ мірѣ довольныхъ и богатыхъ, хотя это были все ея самые близкіе, родные люди,

она чувствовала себя точно сиротой. Училась она хорошо: ей хотѣлось скорѣе стать на свои ноги, чтобы помогать тѣмъ, кого она любила, тѣмъ, кто жили вокругъ въ жалкихъ избенкахъ подъ соломенными крышами и уже совсѣмъ молоденькой студенткой вступила она въ ряды революціонной партіи, которая, какъ тогда ей казалось, тоже искренно хотѣла помочь всѣмъ обездоленнымъ и угнетеннымъ. И вотъ, когда, въ университетѣ, на чужбинѣ, судьба столкнула ее съ человѣкомъ, который... который тоже какъ будто хотѣлъ сдѣлать жизнь свободной, и справедливой, и прекрасной, но у котораго... у котораго былъ къ этой задачѣ какой-то свой, ее раздражавшій, подходъ. Да, да, по существу они были согласны, но въ путяхъ къ одной и той же цѣли безнадежно расходились: ему казалось, что она только мѣшаетъ его дѣлу, а ей казалось, что мѣшаетъ онъ. Оба тогда были они очень молоды и не понимали, что жалко то дѣло, которому можетъ помѣшать одинъ студентъ или одна студентка. И вотъ, сердясь одинъ на другого, они все же никакъ не могли одинъ отъ другого оторваться: онъ издѣвался надъ нею, тонко, язвительно, а она рвала и метала, а оставшись одна, плакала: она полюбила своего врага. И... — передохнула она, — и... не въ силахъ сказать послѣдняго слова — впрочемъ, можетъ быть, слово это по совѣсти могла сказать только она... можетъ быть, у него ничего и не было... Хотя... Нѣтъ, у него, дѣйствительно, не было ничего. Иначе онъ не оставилъ бы ее съ такой легкостью... Но онъ оставилъ. И пути ихъ совсѣмъ разошлись... Прошло нѣсколько лѣтъ... — помолчавъ, продолжала она. — И вотъ грянула война. Она была въ это время въ Германіи. Поведеніе ея товарищей по революціи чрезвычайно поразило ее: какъ только ударили въ барабанъ, они вдругъ забыли старые идеалы и стали проповѣдывать войну. Она затаила это въ себѣ. Она никому ничего не говорила. Но это былъ первый надломъ ея вѣры... Старое, сгнившее правительство привело страну къ неслыханнымъ пораженіямъ. Вспыхнула революція, началась гражданская война и вотъ вдругъ она попадаетъ

въ плѣнь къ бѣлымъ, къ противникамъ революціи. Ей грозила висѣлица, она была на порогѣ смерти, но вдругъ изъ мутныхъ волнъ смуты вынырнулъ онъ, котораго она нѣкогда такъ любила, по которомъ сердце тосковало иногда и теперь, и — отъ смерти ее спасъ. Потомъ — странная судьба человѣческая! — буря революціи выкинула ее на самый верхъ общественной пирамиды, — пирамида получилась, увь, опять!.. — а онъ, онъ оказался вдругъ въ смертельной опасности... въ ссылкѣ... въ Кайеннѣ. Не думаете ли вы, что русская дѣвочка должна была оставить все и бѣжать ему, врагу, на помощь?

— Well...*) — сказалъ американецъ. — Я думаю, что если она поступила бы иначе, то... то это было бы нехорошо...

— Ну, вотъ... — глубоко вздохнула она. — Для этого-то и нужно ей быстроходное судно: въ Кайеннѣ томится ея близкій — всю жизнь близкій — человѣкъ и врагъ и она хочетъ во что бы то ни стало его спасти... Но, понятно, всѣмъ русскимъ сказокъ рассказывать не слѣдуетъ...

Онъ нетерпѣливо тряхнулъ головой, какъ бы желая сказать, что не надо мѣшать дѣлу праздными замѣчаніями.

— Но... — оживившись, сказалъ онъ. — Вы говорили, что русская дѣвочка стала... персоной. Не такъ ли? Значить, то, что вы большевичка, правда?

— Да. Я была министромъ въ революціонномъ правительствѣ, а потомъ посломъ въ Парижѣ. Мое имя — Норвилло. Но это — тайна.

Онъ остановился и во всѣ глаза смотрѣлъ въ это прекрасное, бѣлое въ рѣзкомъ свѣтѣ электричества, лицо.

— By Jove!..**) — едва выговорилъ онъ. — Вотъ почему все время спрашивалъ я себя, гдѣ я видалъ ваше лицо. Теперь понятно: въ газетахъ... Но я никакъ не представлялъ себѣ, что бываютъ такіа большевички. Теперь, познакомившись съ вами, я — vell — я готовъ ока-

*) Такъ...

**) Клянусь...

затѣ на наше правительство давленіе, чтобы оно скорѣе признало васъ...

— Спасибо. Но... мнѣ это уже все равно: я ушла отъ нихъ.

— Почему?

— Потому что потеряла въ нихъ и въ революцію всякую вѣру.

— Но... вамъ вѣдь грозятъ за это большія непріятности, если бы они, скажемъ, изловили васъ?..

— Они не изловятъ.

— А если?

— Тогда, конечно, смерть: прощать они не умѣютъ. И они не вѣрятъ, что какъ человѣкъ можетъ свободно повѣрить, такъ можетъ вѣру и потерять... Но я сказала вамъ все, а теперь скажите вы по совѣсти, прямо: можете ли вы помочь... одной русской дѣвчкѣ выручить ея... врага?

— А за что онъ туда попалъ?

— Онъ попалъ туда по обвиненію въ поддѣлкѣ французскихъ денегъ.

— А это не вѣрно? Вы не думайте, что это можетъ играть для меня какую-либо роль — поддѣлываль, такъ поддѣлываль, до меня это не касается. Я поддѣлывать не буду, а онъ какъ хочетъ. Но просто я хочу ясно видѣть все.

— Я увѣрена, что онъ обвиненъ напрасно... Онъ въ послѣднее время страшно нуждался. Но не хотѣлъ принять отъ меня помощи. И предпочелъ лучше идти на вѣрную смерть, чѣмъ имѣть со мной какое бы то ни было дѣло...

— Что за проклятый парень!.. — пробормоталъ американецъ. — Я... гм... я не заставилъ бы просить себя долго...

— Но вы все не отвѣчаете на мой вопросъ... — остановилась она. — Или это значитъ, что вы избѣгаете сказать мнѣ: нѣтъ?

— Нѣтъ, наоборотъ. Я думаю, что лишнее вамъ го-

ворить: да. It's very funny. It's a mighty joke*). Можете положиться на меня во всемъ. Деньги у васъ есть?

— Есть.

— А не хватитъ, можете брать у меня сколько понадобится. Подождите, я прикажу дать телеграмму на „Амфитриду“, чтобы тамъ все было готово къ отвалу.

Онъ исчезъ куда-то на короткое время и сейчасъ же вернулся.

— Вы воскресили меня... — оживленно сказалъ онъ. — What a mighty joke!... А я еще хотѣлъ возить виски! Какая глупость! Вотъ это такъ дѣло!.. Пойдемте на радости выпьемъ шампанскаго. Я, по правдѣ сказать, не люблю его, но такъ полагается. Не такъ ли? Мы выпьемъ за чудесную русскую дѣвочку, за успѣхъ ея предпріятія и за большевиковъ... И, конечно, за мои дальнѣйшіе успѣхи въ русскомъ языкѣ. Еще немного и я самъ буду рассказывать вамъ американскія сказки объ американскомъ мальчикѣ. Но эти сказки куда хуже...

Она засмѣялась.

— Вы напомнили мнѣ сейчасъ моего стараго друга, Тома Сойера...

— Замѣчательный мужчина!.. — засмѣялся онъ. — Не правда ли? Когда мы съ братомъ были помоложе, онъ считался у насъ какъ разъ Томомъ Сойеромъ, а я Хэккъ Финномъ... Мы выпьемъ и за нихъ. Идемъ же...

XXXI

Утромъ, за завтракомъ, лакей Стивенса подалъ ему телеграмму, только что принятую изъ Нью-Йорка: „Амфитрида“ готова къ отплытію, а мистеръ Джо только что выѣхалъ изъ Монте Карло въ Римъ побесѣдовать съ Муссолини.

— О чемъ? — удивилась она.

*) Это огень забавно. Здоровая выдумка.

— Но... вообще... — отвѣчалъ Стивенсъ. — Почему же нѣтъ? Муссолини интересный малый.

— Я помню его, когда всѣ мы были еще молоды... — сказала она. — Я встрѣчалась съ нимъ тогда въ Швейцаріи. Онъ былъ чернорабочимъ, очень нуждался и былъ готовъ на самую отчаянную революцію. А теперь...

— Я завидую такимъ людямъ... — сказалъ Стивенсъ. — Сперва отчаянная революція, потомъ отчаянная контръ-революція — сколько въ нихъ жизни! Этимъ вотъ скучать некогда...

Но и самъ онъ уже не скучалъ. Его точно живой водой вспырынули: mighty joke восхищалъ его.

— Одно только жалко: Джо, брата, съ нами нѣтъ. Онъ страшно любить такія штуки. Я, — смущенно улыбнулся онъ — я теперь готовъ сознаться вамъ, что мы съ нимъ три раза возили контрабанду въ Штаты. Въ послѣдній разъ насъ чуть даже не сгребли. Но мы передъ разсвѣтомъ выпустили ѣдкіе газы съ „Амфитриды“ и тѣ, проклиная насъ, и чихая, и плача, возвратились ни съ чѣмъ...

— Да зачѣмъ же вы это дѣлали? — засмѣялась она.

— Такъ. Низачѣмъ. Просто, чтобы embêter le gouvernement...*) Я терпѣть не могу этихъ важничающихъ джентельменовъ. Они все думаютъ, что разъ ихъ партія сумѣла истратить на взятки при выборахъ на десять милліоновъ больше, то они какіе-то ужъ олимпійцы. Есть чѣмъ форсить!.. И я не люблю бонзъ вообще. Томъ Сойеръ, который крутитъ за хвостъ мертвую кошку надъ головой или крысу, мнѣ несравненно больше симпатиченъ, чѣмъ эти важничающіе джентельмены въ цилиндрахъ. Вся сила ихъ только въ томъ, что паства ихъ не знаетъ исторіи...

— А если бы знала, то тогда что?

— А тогда она хохотала бы надъ ними... Все, что они придумываютъ, уже сотни разъ было придумано. И ничего такого особеннаго изъ этого не вышло. Иногда мнѣ

*) Насолить правительству.

хочется попасть въ нашъ Бѣлый Домъ по выборамъ, чтобы разсказать это все имъ въ глаза, но, боюсь, овчинка не стоитъ выдѣлки. Нѣтъ, это все вздоръ, а вотъ если бы залучить въ наше дѣло Джо, тогда бы дѣло пошло еще веселѣе...

— Но онъ, Богъ знаетъ, гдѣ, вашъ Джо...

— О, это рѣшительно ничего не значитъ... — вдругъ оживился мистеръ Стивенсъ. — Знаете, что я придумалъ? — посмотрѣлъ онъ на нее сіяющими глазами. — Давайте-ка, я его вызову къ намъ на помощь...

— Но мнѣ такъ не хотѣлось бы терять времени.

— Да мы и не будемъ терять его. Онъ пріѣдетъ прямо въ Гвіану на французскомъ крейсерѣ.

— Почему на крейсерѣ?

— Ни почему. Почему же ему не пріѣхать на крейсерѣ?

— Но... вы меня удивляете. Развѣ крейсера строятся для прогулокъ частныхъ лицъ?

— А что же стоитъ Джо перестать быть частнымъ лицомъ?

— Но... вы рѣшительно поражаете меня! Крейсера, конечно, ему не дадутъ.

— Пари?

— Идетъ... На что?

— A discrétion...

Она смѣшалась немножко.

— Такъ какъ я имѣю дѣло съ джентельменомъ, я согласна и à discrétion...

Мистеръ Стивенсъ сталъ смотрѣть по верхушкамъ мачтъ.

— Завтра будетъ, кажется, хорошая погода... — сказалъ онъ.

Она засмѣялась.

— Простите... — протянула она ему руку. — Это у меня такъ сорвалось, отъ неожиданности. Идетъ à discrétion просто, безъ джентельмена...

Они потрясли руки.

— Но что думаютъ о насъ пассажиры? Вотъ, скажутъ, флиртуютъ...

А пусть говорятъ, что хотятъ. Но — засмѣялся онъ, — если бы они только узнали, съ кѣмъ флиртуетъ этотъ шлопай Стивенсъ! Ха-ха-ха... Но довольно пустяковъ: будемъ заниматься дѣломъ... — сказалъ онъ, вытягивая книжку и начиная чертить въ ней что-то.

— Что вы пишете?

— Составляю телеграмму брату. Вотъ такъ, думаю, будетъ хорошо... — сказалъ онъ и прочелъ. — „Немедленно выѣзжай въ Кайенну. Срочное дѣло по золотымъ приискамъ. Не теряй ни минуты. Колоссальное дѣло. Потребуй у Пуанкарэ, чтобы далъ крейсеръ. Альфредъ.“

— Но если онъ, въ самомъ дѣлѣ, пріѣдетъ на крейсеръ, а никакихъ золотыхъ приисковъ тамъ не окажется? — съ недоумѣніемъ сказала она.

— Онъ будетъ страшно хохотать, конечно. А что касается французскаго правительства, то ему можно сказать, что по серьезному изслѣдованію оказалось... ну, мало ли что можно сказать?... Но вы примите въ расчетъ, какое впечатлѣніе произведетъ на администрацію появленіе Джо на крейсерѣ!..

— Но куда же вы ему телеграфируете?

— А чрезъ нашего посла въ Римѣ. Его тамъ найдутъ. Его всѣ знаютъ. И знаете, что я еще придумалъ? Я возьму съ собой двухъ моихъ пріятельницъ изъ кино. Вы о нихъ, конечно, слышали. Одна — Тиціана д'Асти, а другая — Вероника Стэлла. Обѣ прехорошенькія и любую голову свертятъ въ полчаса. Вашъ знакомый прекрасно сказалъ объ ослахъ Филиппа Македонскаго, но если вмѣстѣ съ осломъ пустить еще этихъ двухъ, могу васъ увѣрить, никакая крѣпость не устоитъ. А тамъ вѣдь все французы... Вы ничего противъ не имѣете?

— Разумѣется, ничего. Моя цѣль вамъ извѣстна, а тамъ дѣлайте, какъ хотите...

— Тогда я телеграфирую имъ въ Холливудъ. Имъ надо дать нѣсколько часовъ собраться. Да и контрактъ

изорвать тоже нѣкоторое время нужно — хоть пять минутъ.

— А ихъ отпустить?

— А вы думаете, онѣ будутъ спрашивать? Ха-ха-ха...

— Но если неустойка?

— Наплевать имъ на неустойку. Да и не посмѣютъ взыскивать: онѣ слишкомъ въ модѣ. Ну, погуляютъ съ мѣсяцъ — велика важность!.. Можетъ, сюжетъ такой для кинодрамы привезутъ, что пальчики всѣ оближутъ. Я телеграфирую.

— Какъ хотите...

Мистеръ Стивенсъ былъ на седьмомъ небѣ. Она, видя его чрезвычайное увлеченіе дѣломъ, стала опасаться: въ самомъ дѣлѣ, не кончилось бы все какой дикой шуткой. Но онъ обидѣлся.

— Не беспокойтесь... — сказалъ онъ. — Все будетъ въ полномъ порядкѣ. Серьезность дѣла я вполне понимаю и... цѣню вашъ порывъ. Это бываетъ не часто. Но зачѣмъ же нещремѣнно дѣлать изъ всего трагедію? Это ваша русская манера немножко. Дѣло мы сдѣлаемъ, но и нахочемся въ волю. Воображаю рожи всѣхъ этихъ мосе, когда „Амфитрида“, увозя плѣнника, задымитъ за горизонтъ!..

На утро ему подали телеграмму изъ Рима: „чрезвычайно заинтересованъ золотыми прінсками. Выѣзжаю Парижъ. Джо“.

— Ну, что? — захохоталъ Стивенсъ. — Считайте, что пари проиграно. Вы не знаете Джо. Если бы онъ захотѣлъ, онъ пріѣхалъ бы на самомъ Пуанкарэ, вотъ это какой Томъ Соьеръ!

— Чѣмъ же должна я расплатиться съ вами?

— Ну, это не къ спѣху. Я еще подумаю. Со мною никогда не держите пари: я ни одного въ жизни еще не проигралъ. А какія были!.. Джо вамъ расскажетъ...

И скоро въ туманной дали зубчатымъ маревомъ встали изъ воды чудовищные небоскребы Нью-Йорка...

— Well, я нашелъ пари: вы должны остановиться у меня.

Она опустила голову. Раньше это ее нисколько не стѣснило бы. И было бы любопытно посмотрѣть американскаго милліонера въ домашней обстановкѣ. Но теперь внутреннее чувство подсказало ей, что такъ лучше не дѣлать.

— Хорошо... — сказала она. — Но я все же не лишена права просить?

— Просите.

— Я прошу васъ, чтобы вы выбрали что-нибудь другое.

Онъ засмѣялся.

— Это съ дамами всегда такъ бываетъ. У нихъ à discrétion называется то, что имъ нравится. Хорошо, я согласенъ. Но гдѣ же вы тогда остановитесь?

— Укажите мнѣ какой-нибудь скромный отель.

— Я спрошу у капитана. Самъ я не знаю никакихъ скромныхъ отелей...

XXXII.

Джо получилъ срочную съ борта трансатлантическаго гиганта тотчасъ послѣ его бесѣды съ Муссолини. Онъ надумывалъ — было съѣздить повидаться съ Гинденбургъ, но телеграмма разомъ перевернула всѣ его планы и онъ рѣшилъ немедленно выѣхать въ Гвіану. Надо было поэтому заинтересовать французское правительство въ скорѣйшемъ доставленіи Джо въ Гвіану. И онъ сразу понялъ намекъ брата о крейсерахъ. Джо, меньшій изъ братьевъ, былъ меньше и ростомъ, и меньше было у него золотыхъ зубовъ во рту, но за то было больше практической сметки. Такъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось, какъ казалось это, впрочемъ, и старшему брату. Маленькіе глазки его свѣтились тонкимъ, неподражаемымъ американскимъ юморомъ: онъ въ жизни все видѣлъ прежде всего со смѣшной стороны...

И вотъ Джо прилетѣлъ въ Парижъ. Рывая на мѣшающіе автомобили и на этихъ проклятыхъ прохожихъ, онъ уже несется на своемъ Ройсѣ къ себѣ на квартиру. Прохожихъ онъ совершенно не выноситъ, такъ какъ, главнымъ образомъ, изъ-за нихъ — все подъ колеса ока-янные, damned souls, подвертываются — страховыя общества давно перестали принимать отъ него страховку отъ несчастныхъ случаевъ. Поэтому у Джо была съ собой въ карманѣ чековая книжка: какъ кого задавить, такъ сейчасъ же, тутъ же, на мостовой, и выписываетъ соответствующій чекъ — чтобы не возиться со всѣми этими протоколами, адвокатами, судами. Онъ считалъ этотъ способъ самымъ простымъ и выгоднымъ...

— Чоррртъ васъ подери... — рычалъ онъ сквозь зубы. — Носить же вотъ васъ чортъ... Только мѣшаютъ проклятые... Ай!..

И онъ полнымъ ходомъ далъ въ бокъ паршивенькому Форду такъ, что тотъ, звеня стеклами и треща разбитыми боками, отлетѣлъ на нѣсколько метровъ и опрокинулся на-бокъ. Не прошло и минуты, какъ озабоченный Джо уже хлопоталъ надъ извлеченіемъ жертвы изъ подъ обломковъ разбитаго такси.

— Живы? — бросилъ старый шофферъ съ аккуратненькой бородкой по-русски своему пассажиру, молодому, съ иголочки одѣтому человѣку съ чемоданами.

— Какъ будто живъ... — вытирая съ лица кровь, отвѣчалъ тотъ, приходя въ себя.

— Чоррртъ! Вы русскіе? — по-русски спросилъ Джо.

— Да...

— Ну, идемте въ ближайшее кафе — мы должны расчитаться.

Но полицейскій уже вытянулъ свою книжечку. Джо нетерпѣливо далъ нужныя свѣдѣнія, сказалъ, что виновать онъ, — ему нужно было сегодня же видѣть Пуанкаре, онъ спѣшилъ, — но что онъ все дѣло сейчасъ же уладить и нечего всякія глупости записывать. Но полицейскій записалъ все же все, что полагается.

— Идемте, идемте... — торопил пострадавших Джо. — Да пустите же, господа... — нетерпѣливо бросил онъ ссудившейся толпѣ. — Удивительный городъ: упадетъ ли лошадь, раздавитъ ли кого автомобиль, обязательно сбѣжится полгорода. Пустите...

Въ огромномъ, сверкающемъ кафе — дѣло случилось на большихъ бульварахъ — Джо помогъ раненому обмыться, все наладилъ и повелъ обоихъ къ уже занятому столу за красивымъ трельяжемъ.

— Позвольте познакомиться... — сказалъ онъ. — Джо Стивенсъ изъ Нью-Йорка. Мой отецъ всю жизнь проработалъ въ Россіи — оттого и говорю я немножко по-русски. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Князь Лутохинъ... — съ улыбкой проговорилъ старикъ.

— То-есть... позвольте... знаменитый генералъ Лутохинъ?!

— Да. Если хотите, меня немножко знали.

— А теперь?

— А теперь шофферъ, котораго вы лишили его автомобиля. А это мой молодой другъ, Миша Соймоновъ, извѣстный русскій летчикъ. Онъ сегодня выѣзжаетъ какъ разъ въ Нью-Йоркъ: мы ѣхали на вокзалъ. Миша, да ты приди въ себя, какого чорта? Что ты глазами-то все водишь?

Миша не только водилъ глазами, но и головой все встряхивалъ, точно отгонялъ назойливую муху. Въ головѣ его стоялъ туманъ.

— Итакъ, князь, я желаю покончить съ вами дѣло, миромъ, на мѣстѣ, — терпѣть не могу судовъ, адвокатовъ и всякой такой чепухи. Сколько мнѣ дать вамъ?

Князь развелъ руками.

— Но... право, я не знаю... За такси я заплатилъ...

— Это совершенно неправильный подходъ къ дѣлу... — сказалъ рѣшительно Джо. — Вы, русскіе, не практичны. Важно не то, что я вамъ напортилъ, а важно, кто я. А я Джо Стивенсъ — слыхали когда-нибудь?

— Не только слыхаль, конечно, но имѣлъ честь и

быть знакомымъ съ вашимъ почтеннымъ батюшкой... Замѣчательный былъ человѣкъ! Рѣдкостный самородокъ. Вы немного похожи на него...

— Говорять... — вытягивая чековую книжку, сказалъ Джо. — Но сперва покончимъ съ дѣлами...

Онъ выписалъ чекъ на 100.000 франковъ и протянулъ князю.

— Хорошо?

— Нѣтъ. Я не могу принять этого. За автомобиль я далъ всего пять тысячъ въ разсрочку.

— Это до меня не касается. И, извините, князь, я не люблю длинныхъ разговоровъ о пустякахъ. Это моя обычная такса. Кромѣ Форда я долженъ заплатить и за... безпокойство...

У князя намокли глаза. Онъ очень нуждался. Бѣда была въ его годы тягостна. Отдохнуть было бы такъ хорошо. И въ лицѣ, голосѣ, всѣхъ манерахъ знаменитаго миллионера было столько добродушія, что онъ сдался.

— Хорошо, я принимаю, но если обстоятельства измѣнятся, я возвращу вамъ лишнее. Боюсь только, что они не измѣнятся...

— А тогда сочтемся въ царствѣ небесномъ... — сказалъ Джо. — Я вообще люблю нѣкоторыя свои дѣла откладывать до загробной жизни. Что?.. А теперь давайте считаться съ вами... — обратился онъ къ Мишѣ, который все встряхивалъ головой.

— Оставьте, пожалуйста... — сказалъ Миша, покраснѣвъ. — Никакого ущерба мнѣ вы не причинили, а войти въ оцѣнку всякой царапины было бы просто нелѣпо... Я отказываюсь. А вотъ скверно то, что я, благодаря всему этому, потерялъ свой поѣздъ и пароходъ, это вотъ труба...

— Извините. Уѣдете на слѣдующемъ. Дайте мнѣ вашъ адресъ: я доставлю вамъ сегодня же билетъ. До Нью-Йорка?

— Да. Но подождите... — поднялъ Миша руку. — Что такое?

За трельяжемъ вдругъ раздался веселый смѣхъ и рус-

скіе голоса. Миша осторожно посмотрѣлъ туда: тамъ за столикомъ сидѣлъ писатель Смѣтовъ съ его вѣчно пьянымъ лицомъ, Розенблюмъ, корректный до конца ногтей, и генераль Стипинскій, главный директоръ новаго банка на бульварѣ Итальянцевъ.

— Красная Мессалина!.. — пьяно говорилъ Смѣтовъ. — Разъ мнѣ запретили привозить ее къ позорному столбу въ газетѣ, я выпущу о ней книгу подъ псевдонимомъ — такъ эта сударыня отъ меня не отвертится...

— Но какая женщина, какая женщина все же!.. — воскликнулъ генераль. — Когда я выслѣдилъ и арестовалъ ее въ Одессѣ, она, какъ какая-то новая Клеопатра... помните сцену съ Антоніемъ? Ну вотъ... Въмѣсто всякихъ аргументовъ, выходитъ ко мнѣ вся — голая... Ахъ, что за женщина!..

Миша, весь блѣдный, съ перекошеннымъ лицомъ, быстро всталъ, разомъ очутился на той сторонѣ трельяжа и по воздуху вдругъ хлестнула звонкая пощечина:

— Ты лжешь, негодяй!.. — крикнулъ Миша. — И сегодня же я жду секундантовъ. А если ихъ не будетъ, завтра снова я найду тебя въ публичномъ мѣстѣ и снова оскверню руку о твою морду, мерзавецъ!..

Публика уже окружила ихъ тѣснымъ кольцомъ. Генераль держался за красную и вспухшую щеку. Миша весь дрожалъ и все встряхивалъ головой. И откуда-то вынырнулъ уже полицейскій со своей книжечкой и среди дикаго гвалта уже строчилъ что-то.

— Будьте осторожны, Миша... — шепнулъ генераль. — Не надо впутывать женщины...

Миша все встряхивалъ головой. Розенблюмъ, внимательно взглянувъ въ возбужденное лицо его, — онъ узналъ Мишу по фотографіи подложнаго паспорта — что-то зашепталъ агенту. Тотъ внимательно выслушалъ и строго обратился къ Мишѣ:

— Я долженъ удостовѣрить вашу личность. Прошу васъ слѣдовать за мной.

— Я предъявилъ вамъ свою карту. Чего же вамъ еще?

— А вотъ въ комиссаріатѣ мы посмотримъ, нѣтъ ли у васъ еще и другихъ картъ...

Миша пожалъ плечами. Поѣздка въ Америку откладывалась на неопредѣленное время, повидимому. Грязная исторія. И что подумаетъ она? Князь въ утолкъ, охраняя чемоданы своего молодого друга, что-то рассказывалъ вполголоса Джо. Тотъ кивалъ головой: понимаю, хорошо, сдѣлаю...

— Слѣдуйте за мной... — строго сказалъ Мишѣ агентъ.

— Сейчасъ... — отвѣчалъ тотъ и снова обратился къ пристыженному женералу: — Адресъ мой я тебѣ далъ. Жду секундантовъ. Иначе будешь опять бить, какъ собаку, на глазахъ всѣхъ...

И онъ, высоко поднявъ голову, послѣдовалъ за полицейскимъ. Князь съ чемоданами погрузился въ автомобиль Джо — на немъ не было и царапинки — и они послѣдовали за Мишей въ комиссаріатъ.

XXXIII

Кому-кому, а Джо Стивенсу ходъ былъ открытъ повсюду.

Онъ толково и ясно изложилъ толстенькому Пуанкарэ свое дѣло: онъ былъ въ Гвіанѣ, въ глубинѣ, въ горахъ, на охотѣ и отъ индѣйцевъ слышалъ, что по долинамъ лѣсныхъ рѣчушекъ тамъ можно найти не мало золота. Онъ тутъ же, на мѣстѣ, все провѣрилъ: самородки удивительные... Онъ поручилъ брату все дальнѣйшее дѣло, а самъ выѣхалъ въ Европу: ему нужно было перетоворить по одному важному дѣлу съ Муссолини. Онъ былъ въ Римѣ, какъ его настигла эта вотъ телеграмма — не угодно ли взглянуть, господинъ президентъ? — и онъ долженъ немедленно выѣхать въ Гвіану, чтобы встрѣтиться тамъ съ уже выѣхавшей комиссіей.

— Такъ чѣмъ же могу я, собственно, содѣйствовать вамъ?.. — любезно освѣдомился крутленькій, сѣденькій

Пуанкарэ съ его носомъ картошкой. — Поѣзжайте, произведите розыски — французское правительство всячески пойдетъ вамъ навстрѣчу...

— Я просилъ бы васъ, господинъ президентъ, приказать морскому министерству, что ли, запросить скорѣе по всѣмъ портамъ, нѣтъ ли у кого продажной быстроходной яхты? Я не могу терять и дня.

— Ну, зачѣмъ же бросать деньги на вѣтеръ? — поморщился практичный Пуанкарэ. — Я лучше запрошу ихъ, не могутъ ли они дать въ ваше распоряженіе миноносецъ или что тамъ еще у нихъ бываетъ... Подождите минуточку... — взялся онъ за трубку телефона. — Халло? Морское министерство?.. А, это вы, Didio? Ça va toujours? Merci, sahin saha...*) Вотъ что, другъ мой...

И онъ кратко и толково изложилъ дѣло. Въ трубку что-то затарахтѣло.

— Такъ... Такъ... Хорошо. Да зачѣмъ же? Вы сообщите рѣшеніе министра прямо господину Стивенсу. Ну, его адресъ всѣмъ извѣстенъ: Champs Elysées... Такъ вотъ такъ... Мерси... — кивнулъ онъ головой, положилъ трубку и обратился къ Джо. — Didio говоритъ, что можно дать вамъ быстроходный крейсеръ. Дѣло государственной важности. Вечеромъ министръ дастъ вамъ окончательный отвѣтъ... Съ Богомъ, поѣзжайте. И — большое спасибо...

— Еще маленькое дѣло, господинъ президентъ... — сказалъ Джо. — Немножко щекотливое, но... Боже мой, выбираться какъ-нибудь надо съ... вашей милой помощью. Получивъ эту вотъ телеграмму отъ брата, я рѣшилъ послать къ нему съ первымъ же пароходомъ съ важнымъ сообщеніемъ моего помощника, секретаря, господина Мишу Соймонова. Онъ очень извѣстный русскій военный летчикъ, много разъ награжденный за храбрость, трижды раненый. Но вы знаете, какъ обстоитъ дѣло съ этими несчастными русскими визами. Молодой человѣкъ попро-

*) *Какъ здоровье? Ничего, понемножку...*

боваль пробиться легально, но у него ничего не вышло, конечно. Тогда онъ, чтобы не поставить меня въ неприятное положеніе опозданіемъ, добыть гдѣ-то себѣ фальшивый паспортъ, что-ли, и полиція его на этомъ поймала. Онъ въ ужасномъ отчаяніи, а я въ еще большемъ: вѣдь ради нашего дѣла влопался молодой, прекрасной фамиліи человѣкъ. Такъ вотъ, можетъ быть, вы, господинъ президентъ, отнесетесь снисходительно къ моему секретарю и освободите его отъ всей этой... каши? Ему грозятъ большія неприятности...

Пуанкарэ снова взялся за трубку: халло? И начался разговоръ.

— Ну, и это дѣло улажено, дорогой мой. Радъ быть вамъ полезнымъ. Счастливаго пути. Я не сомнѣваюсь, что морской министръ сдѣлаетъ для васъ все. Въ крайнемъ случаѣ, если не будетъ, какъ они говорятъ, крейсера, всегда можно дать большой миноносецъ... Счастливаго пути *et bonne chance!*..*)

Строго рвякая на этихъ идиотовъ-прохожихъ, которые такъ вотъ и лѣзли подъ колеса, Джо съ генераломъ выручили Мишу, а такъ какъ до вечера дѣлать было нечего, то рѣшили вмѣстѣ пообѣдать въ русскомъ ресторанѣ: Джо очень высоко цѣнилъ русскую кухню.

— Но вы зачѣмъ, собственно, ѣдете въ Нью-Йоркъ? — спросилъ онъ вдругъ Мишу. — Можетъ быть, вы проводите меня до Гвіаны? А оттуда проѣдемъ въ Нью-Йоркъ. Вы потеряете немного времени: меня повезутъ на быстросходномъ суднѣ. Что вы такъ на меня смотрите?

— Но... дѣло въ томъ, что я тоже ѣду, собственно, въ Гвіану... — сказалъ Миша.

— *Damn me**)*, какое совпаденіе!.. — воскликнулъ Джо. — Тогда непременно поѣдемъ вмѣстѣ... Вы... не по золотому дѣлу случайно?

— Н-нѣтъ... — смутился Миша. — Но... я не имѣю пока права говорить, зачѣмъ я туда ѣду...

*) *Всякаго успѣха.*

**) *Чортъ возьми.*

— Не говорите... — сказалъ Джо. — Я тоже не знаю, зачѣмъ я туда ѣду, но разъ въ дѣлѣ замѣшанъ братъ, то навѣрное будетъ что-нибудь очень интересное. О, это такая голова!.. Настоящій Томъ Сойеръ... Вдемъ объѣдать...

Объѣдъ удался на славу. Небольшой, но прекрасно сложенный русскій оркестръ на диво исполнялъ по заказу Джо русскія пѣсни. И, когда скрипки заплѣли Стеньки Разина челны, Джо пришелъ въ полный восторгъ: онъ пріятнымъ баскомъ подтягивалъ имъ, дѣлалъ строгое, какъ у Стеньки Разина, лицо и бѣлый пластронъ его сіялъ полнымъ душевнымъ удовольствіемъ.

— А теперь ко мнѣ... — сказалъ онъ, вставая. — Надо посмотреть, что есть у насъ отъ министра.

Дома на столѣ его уже ждалъ величественный конвертъ съ заголовкомъ. Джо нетерпѣливо распечаталъ его. Тамъ стояло:

„Monsieur, по распоряженію господина морского министра, крейсера „Эрнестъ Ренанъ“, стоящему въ Шербургѣ, вмѣнено въ обязанность незамедлительно доставить васъ къ берегамъ Гвіаны. Прилагаемый запечатанный пакетъ благоволите вручить собственноручно командиру крейсера.“

А дальше шли росчерки и печати.

— All right... — удовлетворенно сказалъ Джо. — А теперь надо справиться о поѣздахъ въ Шербургъ...

— Хорошо... — сказалъ Миша. — А я поѣду пока къ этому негодю, чтобы узнать о дуэли: если мы выѣдемъ завтра, то утромъ на зарѣ мы успѣемъ еще драться.

— Отложите на потомъ. Когда вернемся... — сказалъ Джо.

— Ни за что!.. — рѣшительно отрѣзалъ Миша.

— All right. А тогда я поѣду сейчасъ съ вами. Скажи тамъ, чтобы подали машину... — сказалъ онъ своему рослому негру.

— Yes, sir...

На этотъ разъ, чтобы чего не вышло, Джо передалъ

руль своему шоферу, тоже негру, и они подлетѣли къ шикарнѣйшей квартирѣ генерала на авеню Опера.

— Но monsieur le général только что отбылъ въ Мадридъ... — сказали имъ полный достоинства лакей. — И едва ли скоро вернется...

Миша тутъ же начертилъ на листкѣ изъ своей книжки:

„Я не нашелъ у себя отвѣта на вызовъ. Я долженъ по неотложному дѣлу выѣхать въ Америку. Какъ только возвращусь, я самъ пришлю къ тебѣ секундантовъ, а если ты будешь вертѣться, то снова набью мерзавцу морду. — М. Соймоновъ.“

Когда они отѣхали, очень дрессированный лакей понесъ записку хозяину въ кабинетъ. Генераль прочелъ ее и равнодушно бросилъ въ корзину подъ столъ...

XXXIV

Выбравшись изъ залитата солнцемъ Шербурга на раздолье рябившаго подъ свѣжимъ, веселымъ вѣтеркомъ океана, крейсеръ, пуская густые клубы дыма, понесся въ солнечную даль, къ знойнымъ берегамъ далекой Гвіаны. Джо чудесно проводилъ свое время то за whisky and soda, то за soda and whisky, въ зависимости отъ расположенія. Миша волновался. Во-первыхъ, саднило въ душѣ, какъ заноза, сознаніе, что онъ не добился своего въ столкновеніи съ этимъ подлымъ мерзавцемъ, котораго онъ раскусилъ еще въ Одессѣ, съ полковникомъ-генералемъ, съ другой стороны, волновала близкая встрѣча съ Красной Мадонной и въ-третьихъ, онъ былъ радъ способствовать освобожденію Костромина. А тамъ... но когда онъ думалъ о томъ, что будетъ потомъ, когда Костроминъ снова встрѣтится съ ней, ему становилось такъ тоскливо, что онъ сейчасъ же уходилъ съ головой въ таблицу умноженія... Онъ зналъ, что „Амфитрида“ уже вышла туда, что на ней ѣдетъ братъ этого оригинала-американца, но онъ видѣлъ, что Джо какъ будто совершенно не подозрева-

еть, зачѣмъ они туда ѣдутъ и все говорить о какомъ-то золотѣ.

— Да, да... — говоритъ щеголеватый командиръ крейсера, сидя вечеркомъ съ Джо въ качалкахъ за soda and whisky. — Удивительный народъ, вы, американцы! Наши чинуши сколько лѣтъ тамъ сидятъ, нѣкоторые до сѣдыхъ волосъ дожили и золотые пріиски наши тамъ едва дышутъ, кажется, а вы не успѣли сунуться туда, и вдругъ открываете, можетъ быть, новое Эльдорадо. Правду, знать, говорятъ, что мы плохіе колонизаторы и плохіе хозяева... Какая предпріимчивость, какой духъ инициативы!.. Я положительно счастливъ, что мнѣ выпала честь выступить въ помощь вамъ въ такомъ грандіозномъ дѣлѣ... Вы тамъ долго пробудете?

— А это какъ покажетъ дѣло... — важно сказалъ Джо, пуская дымъ сигары въ розовый воздухъ заката. — А вашъ крейсеръ тамъ останется или вы имѣете и другое порученіе куда?

— Высадивъ васъ благополучно на берегъ, мы чрезъ Панаму должны пройти въ китайскія воды...

— А-а... Понимаю. Правительство хочетъ имѣть тамъ свой глазокъ?

— Глазокъ тамъ, конечно, есть и безъ насъ, но... показаться никогда не мѣшаетъ...

А тѣмъ временемъ съ сѣвера торопилась туда же сѣренькая красавица „Амфитрида“. Когда мистеръ Стиченсъ впервые показалъ ее своей спутницѣ, та удивилась:

— А я почему-то думала, что всѣ такія яхты бываютъ бѣлыя...

— Да она и была, конечно, бѣлая, но мы перекрасили ее для контрабанды... — сказалъ тотъ. — Для такихъ предпріятій надо имѣть скромную наружность. А теперь вотъ и пригодилось. Я положительно скажу брату, чтобы онъ, ее такъ, и оставилъ: кто знаетъ, можетъ быть, опять придется за какое-нибудь деликатное дѣло взяться. А вотъ посмотрите: видите эти царапаны? Это слѣды пулъ, которыми насъ осыпали пулеметы береговой стражи. Мы нарочно оставили ихъ, на память...

Изъ солнечнаго Холливуда съ курьерскимъ къ отвалу прилетѣли обѣ пріятельницы мистера Стивенса: и Тиціана д'Асти, маленькая, вся золотистая, съ огромными глазищами, настоящій чертенокъ и томная, какъ одалиска, съ сумрачными глазами, Вероника Стэлла, которая цѣлые дни курила въ гамакахъ и едва улыбалась на проказы своей бѣшеной подруги. Тиціана то лѣзла въ машинное отдѣленіе, чтобъ выучиться, какъ надо вести яхту, то, какъ мальчишка-школьникъ, карячилась въ снастяхъ, то стояла у руля съ рулевыми, то какъ муха липла къ толстому капитану яхты, Кэнфильду, который изъ дыма своей трубки смѣялся на міръ своими медвѣжьими глазками и никогда ничего, кромѣ самаго необходимаго, не говорилъ.

— Въ нашемъ ремеслѣ все знать надо... — повторяла она. — Кто знаетъ, можетъ, мнѣ завтра выпадетъ роль какого-нибудь пирата... На абордажъ!.. — кричала она и съ хохотомъ летѣла вверхъ по вантамъ. — Что же вы, Альфредъ? Ловите! Вотъ тюлень!.. Капитанъ, на абордажъ!.. Ура!..

И, повиснувъ на какой-нибудь веревкѣ, она качалась надъ палубой, вытянувъ свои точенныя, хорошенькія ножки, о которыхъ вздыхалъ весь Холливудъ...

Иногда оживала и Вероника и тогда дурачествамъ не было конца: была бѣготня за Стивенсомъ съ ведромъ воды по всей яхтѣ, были танцы соло, были холливудскіе анекдоты, были мечты о томъ, какъ они тамъ, въ Гвіанѣ, разыграютъ свои роли...

— Вы должны закружить головы всѣмъ офицерамъ... — повторялъ имъ Стивенсъ. — А остальное — мое дѣло. Ты, Вероника, съ твоей меланхоліей, бери на возвышенность, а ты просто кружи ихъ всѣхъ такъ, чтобы у нихъ въ глазахъ рябило...

— Ахъ, отстань съ твоими проповѣдями!.. — нетерпѣливо отмахивалась Тиціана. — Безъ него своего дѣла не знаютъ!.. Спроси-ка этого русскаго великаго князя, который у насъ тамъ болтается, чрезъ сколько минутъ послѣ первой встрѣчи онъ объяснялся мнѣ въ любви? А онъ, говорятъ, одинъ изъ кандидатовъ. Захочу, такъ сейчасъ

въ русскія императрицы тарарахну. Будь я трижды повѣшена, какъ говорятъ наши молодцы, если ты не напшипешься тогда у меня, мой милый!.. — погрозила она пальчикомъ Стивенсу. — Я на твои Штаты не очень посмотрю... Пожалуйста, пожалуйста, не гримасничай на мой стиль, Вероника! Если я что въ жизни ненавижу, такъ это всѣ эти ваши бонтоныя кривлянья...

Маленькое общество, какъ хорошо пригнанные кирпичи, легко принимало всякія сочетанія и тихая, взаимная симпатія, какъ цементъ, связывала всѣхъ. Красная Мадонна изъ всѣхъ силъ старалась не портить имъ ихъ поѣздки-праздника, но этотъ вѣчный шумъ и гомонъ ее все же утомлялъ. Она понимала, что она ѣдетъ навстрѣчу своей послѣдней судьбѣ. А что если и на этотъ разъ безумецъ снова презрительно уронить свое проклятое „нѣтъ“? Что тогда будетъ съ ней?.. И душа ея замирала.

— Какая вы счастливая!.. — сказала ей разъ въ сумерки Вероника, когда бравый матросъ подъ надзоромъ Стивенса училъ Тиціану сигнализировать флагами. — Я такъ завидую вамъ...

— Почему? — спросила Красная Мадонна.

— Потому что вы... любите по-настоящему...

Та вспыхнула.

— Простите, что я такъ неосторожно коснулась этого деликатнаго пункта... — сказала та, слѣдя за дымкомъ своей сигаретки. — Конечно, Стивенсъ въ подробности съ нами не пускался, но... развѣ трудно догадаться? И я не знаю, что отдала бы, только бы быть на вашемъ мѣстѣ.

— Но развѣ вамъ... съ вашей замѣчательной красотой...

По прекрасному лицу Вероники прошло облако.

— Вы, повидимому, мало знакомы съ той обстановкой, въ которой мы должны... работать... — сказала она. — Намъ платятъ бѣшеные гонорары, насъ балуютъ, какъ богинь, все это такъ, но если вы думаете, что это дается даромъ, то вы очень ошибаетесь. Если вы хотите достигнуть своей цѣли, то-есть, заблестѣть звѣздой по экранамъ всего міра, то вамъ прежде всего надо быть каждый день,

каждый часъ готовой на все. Такъ какая же тутъ любовь въ этомъ... свинюшникѣ? И... и многія хотѣли бы назадъ, но... всякое положеніе обязываетъ и пути отступленія для большинства отрѣзаны.

— Чѣмъ?

— Ядомъ славы, этими миллионами, этой поганой шумихой и... тѣмъ незримымъ багажемъ, который мы всѣ, бѣлые рабыни, за собой тащимъ. Вы думаете, что все это озорство Тиціаны искренно? Напрасно. Тутъ половина, а то и больше роль. Это наиграно. У насъ все ложь. Даже имена, и тѣ фальшивыя. А по ночамъ навѣрное реветъ и она частенько... Что, удивлены?.. И еще больше удивлю я васъ, если хотите... Обыкновенно наши звѣзды порядочныя балаболки, часто малограмотныя даже, но есть и такія, которыя читаютъ и даже думаютъ. И недавно одна изъ нихъ — о ней кричитъ весь міръ, но я не назову ея имени — какъ-то въ разговорѣ со мной на эту вотъ самую тему, сказала мнѣ: „вотъ теперь все еще кричать о правахъ женщины, о свободѣ ея, о всякой такой чепухѣ, но вотъ у насъ и права, какъ у царицъ, и свобода, и доллары, и все, а ты знаешь, чего бы я хотѣла? Я хотѣла бы жить на небольшой фермочкѣ съ однимъ настоящимъ, хорошимъ мужемъ и чтобы вокругъ меня ползали и шумѣли, и цѣплялись за юбки эдакіе розовые карапузы...“ И потомъ... весь вечеръ ревѣла, какъ королева... А потомъ пріѣхалъ за ней мэнэджеръ, эдакая жирная, развратная свинья, и повезъ ее къ себѣ... на ночь.

И она содрогнулась бѣлыми плечами подъ дорожнымъ мѣхомъ. Красная Мадонна, еще недавняя проповѣдница свободной любви, во всѣ глаза смотрѣла на странную красавицу. Сперва яхта показалась ей какимъ-то особымъ, веселымъ міркомъ, въ которомъ надо только дурить и смѣяться, и вдругъ въ золотисто-сѣрыхъ сумеркахъ ей послышался стонъ замученной человѣческой души...

— И одно скажу вамъ... — тихо, низкимъ голосомъ продолжала Вероника, взявъ ее за руку своей длинной, красивой, въ перстняхъ, рукой. — Одно скажу вамъ: если намъ удастся выручить вашего друга, то... то берите его,

держите его, спрячьтесь съ нимъ на необитаемомъ островѣ, гдѣ хотите, но... поймите, что это такое счастье...

Взорвался веселый хохотъ маленькой Типіаны: ей надоѣло крутить пестрые флаги и такъ, и эдакъ, она отшвырнула ихъ со смѣхомъ прочь, неожиданно поцѣловала юнгу за удовольствіе и, повиснувъ на рукѣ Стивенса, вдругъ завыла:

— Стивенсъ, вы милый, хорошій, какихъ я мало еще и знаю... и даже совсѣмъ не знаю... но скажите: почему все же все такъ скучно?.. Клянусь бородой праотца Адама, иногда я готова повѣситься! Кстати: какъ вы думаете, была у него борода или онъ тоже, какъ и вы, брился?..

И она кисла весь вечеръ, наряжая бабочка съ огромными, огневыми глазами, болѣе прекрасными, чѣмъ выступившія въ небѣ звѣзды... И когда Стивенсъ проводилъ ихъ обѣихъ спать, онъ на минуту вернулся къ замечтавшейся на палубѣ Красной Мадоннѣ.

— Я все хотѣлъ сказать вамъ... чтобы вы о нихъ не думали ничего... дурного... — сказалъ онъ серьезно. — Мнѣ это было бы непріятно... У насъ отношенія только товарищескія. И вообще я никогда... такъ не дѣлалъ... ну, какъ это принято: разъ увидать красивую женщину, то она должна быть непременно твоей... Можетъ быть, это воспитаніе. Моя мать была изъ очень строгой среды пуританъ и насъ такъ вела... Я знаю, что вы тамъ проповѣдывали разное эдакое... но я всегда... не понималъ этого... Мнѣ казалось это какимъ-то недоразумѣніемъ. Это дѣлаетъ меня всегда very uncomfortable... Васъ все это, можетъ быть, немножко удивить, но... если бы вы поговорили какъ-нибудь откровенно съ Вероникой, вы поняли бы, почему это такъ...

— Она говорила со мной вполне откровенно...

— А тогда вы должны понять. Пусть хоть тутъ, у меня, отдохнуть онѣ немножко... Вы знаете, я холодѣю, когда я думаю о... нихъ.

Милліонеръ сразу освѣтился для нея совершенно новымъ свѣтомъ. Она протянула ему руку...

— Но скажите... — помолчавъ, тихо сказала она. —

Почему бы вамъ не... жениться хоть на Тиціанѣ?.. Она такъ обаятельна...

— О!.. — тихонько засмѣялся онъ. — Во-первыхъ, какой же я, вообще говоря, мужъ? Весь нашъ клубъ со смѣху помретъ, когда узнаютъ, что я женился.

— А пусть его помираетъ...

— Конечно. Но... и не одно это. Вы понимаете, что все же немножко... трудно... принять все это ихъ... приданое...

Она опустила голову. Ей было больно. А что, если скажетъ это ей тотъ?..

— Надо простить... — тихо сказала она. — Мы все не святые.

— Да, да, конечно... — вздохнулъ онъ. — Но... впрочемъ, вздоръ все это. Я уже облысѣлъ. Пойдутъ развѣ за мои милліоны, а самъ я — ну, какой же я женихъ?! И вы говорите: Тиціана. Тиціана еще совсѣмъ бакфишъ. Я, наоборотъ, скорѣе думалъ бы о Вероникѣ. Но — все это вздоръ. Что кончено, то кончено... Вы что, сейчасъ пойдете спать, — вдругъ переимѣнилъ онъ разговоръ, — или посидите немножко?

— Я посижу. Я мало сплю теперь. Должно быть, отъ жары...

— А я пойду... Спокойной ночи...

XXXV

Гдѣ-то въ глубинѣ яхты глухо и мѣрно, какъ сердце, стучали моторы. Подъ острымъ носомъ бархатно бурлила вода. Большая, широкая волна утихающаго послѣ недавней короткой, но бѣшеной встряски океана плавно колыхала прекрасное судно и казалось, что звѣзды огромными роями мѣрно качаются туда и сюда надъ острыми мачтами. Красная Мадонна лежала въ креслѣ и не отрывала глазъ отъ этихъ мѣрно качающихся звѣздъ, и вдругъ вспомнила: а я вѣдь не видала звѣздъ по-настоящему съ... даже не помню, съ какихъ поръ... И вспомнила:

она проводила послѣднее лѣто въ родовомъ гнѣздѣ, въ деревнѣ. Она знала, что осенью первый вылетѣть въ вольный міръ и была пьяна предстоящей свободой, предстоящимъ огромнымъ и, какъ ей тогда казалось, святымъ дѣломъ революціи. Но было ей и грустно покидать этотъ мирный уголокъ, въ которомъ она увидѣла свѣтъ, — точно сердце чужло тогда, что не все, не все впереди радость. И вспомнилась ей блаженно-теплая, лѣтняя ночь. Она лежитъ на мягкой, душистой копнѣ и смотритъ въ этотъ бездонный міръ и все, что было въ ней тогда свѣтлаго и хорошаго, просится наружу — въ словахъ, въ дѣлахъ, въ слезахъ восторга и умиленія. Ей уже сказали разные мыслители, снабжавшіе молодежь засаленными брошюрками, что Бога никакого нѣтъ, что человекъ „очень просто“ произошелъ отъ обезьяны и она горячо увѣровала въ эти откровенія потому, главнымъ образомъ, что открывали ей ихъ люди, всегда готовые къ тюремѣ и эшафоту. Тогда она не понимала совсѣмъ, что ни тюрьма, ни эшафотъ не доказываютъ рѣшительно ничего. Она вѣрила имъ. Но въ ту ночь, на копнѣ, утопая взоромъ въ искристой вселенной, она рѣшительно не вѣрила засаленнымъ брошюркамъ. Она хотѣла забыть ихъ. Она хотѣла быть одна съ глазу на глазъ съ Тѣмъ, который дышалъ ей тогда въ душу всей этой лѣтней ночью, и запахомъ свѣжаго сѣна, и лепетомъ звѣздъ, и серебряной дремой точно заколдованнаго стараго парка... Въ тѣ звѣздныя минуты она всей душой понимала, что правда вся тутъ вотъ, на свѣжей копнѣ, въ пахучей ночной тиши, подъ звѣздами, что лучшаго на землѣ нѣтъ, да и не надо лучшаго, что все остальное обманы и погибель... Но...

Но пришелъ день и ураганъ засаленныхъ брошюрочекъ, газетъ, рѣчей, рефератовъ, заговоровъ, тайнственныхъ поѣздокъ, тайныхъ типографій, динамитныхъ бомбъ, лжи, интригъ, преступленій навсегда заслонили отъ нея звѣзды. И нужны были катастрофы, личныя и міровыя, чтобы она вотъ вернулась къ звѣздамъ — въ чужой странѣ, въ далекомъ океанѣ, среди чужихъ людей...

Самое поразительное, въ томъ, что было, заключа-

лось въ томъ, что она, вслѣдъ за всѣми этими маленькими мыслителями потрепанныхъ брошюрокъ, видѣла прежде всего, а иногда и исключительно, тѣ страданія, которыя происходятъ отъ несправедливаго распредѣленія матеріальныхъ благъ между людьми. Ей и всѣмъ имъ казалось, что стоитъ только „уравнять“ въ этомъ отношеніи всѣхъ, такъ на землѣ наступитъ царствіе небесное. Но вотъ страшная катастрофа, поднятая ради этого, пронеслась надъ гигантской страной и прежде всего никакого уравненія не получилось: бѣдняки остались бѣдняками, — она вспомнила страшныхъ безпризорныхъ, дикихъ дѣтей, которыя теперь кочуютъ по Россіи въ поискахъ за коркой хлѣба... — и богачи — богачами. Только владыки смѣнились. Не жила ли она, представительница рабочихъ и крестьянъ, въ томъ самомъ старомъ дворцѣ, въ которомъ раньше блистали представители царскаго правительства? Такъ не все ли равно обездоленнымъ, кого содержать, ее или тѣхъ? Кричали они противъ войны, о гибельности ея для пролетаріевъ, но вотъ теперь по всей Россіи спѣшно воздвигаются заводы для выдѣлки удушливыхъ газовъ, снарядовъ, боевыхъ аэроплановъ. И тайную дипломатію завели они, и опасныя интриги международныя, и постоянное бряцаніе оружіемъ въ поганыхъ газетахъ, мянущихъ говорить отъ имени страны, и такъ же переполнены тюрьмы и ссылка инакомыслящими, и тѣ же казни, и та же — и даже хуже — проституція, и тотъ же карьеризмъ, и тѣ же лживыя и громкія слова о благѣ народномъ... Все осталось по-старому, только стало еще хуже, грубѣе, безобразнѣе...

И вотъ теперь, въ ночи, вокругъ нея, рядомъ, спятъ, а, можетъ быть, и не спятъ очень богатые, повидимому и счастливые люди, но бѣдная Вероника стонетъ подъ бременемъ богатства и мечтаетъ о розовыхъ малышахъ въ простой хижинѣ — вѣроятно, о себѣ говорила это она... И дурить бѣдная, маленькая, большеюкаая Тиціана — можетъ быть, оттого, чтобы не видѣть того, на чемъ построена ея жизнь... И мнилось Красной Мадоннѣ подъ звѣздами далекой страны, что страданіе и есть самая сущ-

ность жизни, необходимый фонъ для — радости... Она съ удивленіемъ слухала эти новыя мысли свои и удивлялась.

Звѣзды продолжали свѣтлыми роями качаться вкругъ острыхъ мачтъ, тишь вокругъ стояла бездонная и среди ночи отогрѣвалось къ жизни усталое и запутавшееся сердце человѣческое все больше и больше...

Конечно, — продолжала она думать, — смѣшно считать страданія бѣдности главнымъ бичемъ человѣчества. Это не значитъ, конечно, что пусть такъ, какъ есть, все и остается, нѣтъ. Но никакъ нельзя ставить это во главу угла. Вотъ теперь она: если она опять услышитъ отъ него это его жестокое „нѣтъ“, то въ холодномъ одиночествѣ кончающейся жизни никакія богатства не утѣшатъ ее, а если услышитъ она то, чего ждала отъ него всю жизнь, то... то она готова съ нимъ на трудъ, на лишенія, на все... На рукахъ у нея были большія деньги. Онѣ теперь ничьи. Возвратить ихъ некому. Пользоваться ими нельзя — развѣ только для его спасенія, да и то скрѣпя сердце. Она ихъ — каково рѣшеніе судьбы ни было бы — должна будетъ отдать на какое-нибудь общее дѣло... И это она сдѣлаетъ безъ малѣйшаго усилія. Но — вдругъ нестрымъ, огневымъ вихремъ взметнулось въ ней — все это потомъ, все это на послѣднемъ мѣстѣ, а на первомъ одно: то слово, которое онъ ей скажетъ...

И теперь, когда надъ ея головой качались серебряныя и золотыя кадильницы созвѣздій, ей казалось, что это слово не будетъ больше страшное „нѣтъ“... Но она боялась обольщать себя и душа ея сжималась въ предчувствіи страшнаго рѣшенія Рока...

XXXVI

Палящій, душный, — точно всю землю накрыла какая-то жаркая перина — влажный, полный лихорадки день пылалъ надъ болотистыми зарослями Гвіаны. Истомленные, почти голые, покрытые татуировкой каторжане вяло уничтожали лѣсъ. Надсмотрщики изрѣдка грубо по-

крикивали на нихъ. Раздраженіе и злоба были во всѣхъ сердцахъ: бесполезность этой муки рѣзала глаза...

Уже исхудавшій, съ огромными глазами, Костроминъ съ тяжелой киркой въ мозолистыхъ рукахъ вяло — не было силъ — врубался на ряду съ другими въ полныя лихорадки заросли. Трещали цикады. Вдали, на серебряной глади Марони, застыла какая-то сѣренькая яхта, пришедшая сюда дня три тому назадъ...

— Какой-то сумасшедшій американецъ... — рассказывалъ усатый старшой своему худощавому, съ нехорошими глазами, помощнику. — Говорятъ, съ утра до ночи поить наше начальство шампанскимъ...

— А по кой чортъ принесло ихъ сюда? Неужели нельзя было найти мѣста пить болѣе интереснаго?..

— Болтаютъ что-то о какихъ-то новыхъ золотыхъ приискахъ тутъ. Они, вишь, поджидаютъ главнаго начальника ихъ изъ Европы, который, будто, на крейсерѣ сюда ѣдетъ. А тогда начнутъ, будто, и работы...

— Арестантами? — спросилъ безучастно помощникъ.

— Не знаю... Во всякомъ случаѣ, ссыльно-поселенцы могутъ подзаработать, если дѣло наладится. Но только убѣгутъ американцы отъ лихорадки одной: не страна, а погибель!.. Н-но, ты, тамъ... развѣсилъ уши-то! — зло крикнулъ старшой на арестантовъ, которые, прислушиваясь, едва подымали кирки. — Васъ выгнали сюда работать... А то у меня знаете...

И тяжело поднималась въ слабыхъ рукахъ, и тяжело впивалась въ черную, всегда влажную землю, въ путаницѣ длинныхъ корней, кирка и Костроминъ все думалъ и думалъ свои печальные думы о жизни и страшныхъ загадкахъ ея...

Когда со страшнаго, вонючата судна были они спущены на берегъ, его охватило чувство радости: иногда и перемена тюрьмы — радость. Не было вокругъ этихъ точно проплеванныхъ, точно зараженныхъ страданіемъ стѣнъ, не было этой давки, этого остервенѣнія всѣхъ противъ всѣхъ, а была солнечная, жаркая ширь вольнаго океана и низкіе, зеленые берега. А ночью звѣзды опять

проступили и опять повѣяли въ его душу, задавленную видѣмъ этого царства отверженныхъ, своими свѣтлыми правдами. Да, счастливымъ можно быть сильному душой чело-вѣку и въ тюрьмѣ, но это никакъ не значитъ, что ликъ земли надо покрывать тюрьмами. Нѣтъ, чело-вѣкъ ро-жденъ быть свободнымъ. Сотрѣпилъ, ошибся? Тюрьма тутъ ничего не исправляетъ, ничему не помогаетъ — тюрьма это прежде всего актъ жалкой мести. Русскіе великаны, Достоевскій и въ особенности Толстой, правы: все это — безмыслица и ненужная жестокость. Надо не карать преступника, а предупреждать преступленіе. А если общество не въ силахъ иногда сдѣлать это, то оно должно смотрѣть на преступленіе, какъ на несчастье, какъ на расплату за несовершенства общества и — тер-пѣть его. Все это звучитъ дико для ушей современнаго культурнаго чело-вѣчества, но все-таки тутъ правда... ко-торая никогда, можетъ, въ жизнь не воплотится, но кото-рая все же остается правдой...

И сколько среди всѣхъ этихъ погибающихъ душой и тѣломъ людей такихъ, жизнь которыхъ сломана и со-всѣмъ зря — какъ его вотъ жизнь... — которые несутъ кару за грѣхъ несовершенный!.. И опять жесткій вы-водъ: жизнью править случай, — или Рокъ, — жизнью править Глупость и нѣтъ чело-вѣку отъ нея спасенія. И какъ, какъ могутъ люди свободно дышать и даже веселить-ся, если они знаютъ, что на свѣтѣ существуютъ вотъ та-кія мѣста отчаянія и ужаса?! Нѣтъ, самое страшное на землѣ это — чело-вѣкъ. Это онъ и раньше иногда думалъ, а теперь эта правда слѣпила... Онъ — погубитель радо-сти земли...

Точно въ расплавленномъ этимъ жестокимъ солнцемъ мозгу его мысль бродила наудачу, безъ связи, непріятными изломами своими рана и безъ того усталую душу. Въ не-стерпимомъ сверканіи раскаленнаго и тяжелаго воздуха всплывалъ, мутя душу тяжелой тоской, ея образъ и въ сердцѣ, точно въ кошмарѣ, мѣшалась любовь и ненависть. Красная Мадонна молодости кончила красною посланни-цей, которая живетъ во дворцѣ и что-то тамъ такое изъ

себя изображаетъ, не понимая, какъ прежде всего она во всемъ этомъ своемъ бутафорскомъ величїи смѣшна... Но она тогда все же пришла къ нему... Зачѣмъ? И зачѣмъ онъ своей рѣзкостью оттолкнулъ ее?.. Ахъ, если бы вотъ вдругъ онъ проснулся и увидалъ, что все это былъ только страшный сонъ, что ничего этого нѣтъ, что, стоитъ ему захотѣть и онъ пойдетъ къ ней, и все скажетъ, и на закатѣ дней ихъ оживетъ та старая, милая, золотая сказка, которую они разбили, неизвѣстно зачѣмъ!..

И тяжело поднималась и опускалась въ безсильныхъ рукахъ кирка, и увязала въ путаницѣ цѣпкихъ корней, и охватывало душу безсильное раздраженіе, и горячій, соленый потъ попадалъ въ глаза и въ ротъ, и палила внутренности нестерпимая жажда, утолять которую бесполезно, потому что послѣ утоленія она палить еще сильнѣе...

Справа слышались недовольные голоса. Засуетились. А-а, дѣло обычное: одинъ изъ арестантовъ, вырвавъ кирку, ткнулся носомъ въ мокрую, полную губельной лихорадки, землю. Этотъ — освободился... И часто такъ освобождаются люди изъ узъ, на нихъ людьми же наложенныхъ... И къ вечеру всѣ о немъ забудутъ...

— Н-но, обрадовались!... — зло, по собачьи, хрипло крикнулъ старшой. — Становись по своимъ мѣстамъ! Нечего глаза-то пялить...

И двое арестантовъ, схвативши за ноги и за плечи погибшаго, потащили его прочь. Голова его жалко моталась, но спокойно стало вдругъ грубое, истомленное лицо въ курчавой бородкѣ.

— А если, въ самомъ дѣлѣ, у американцевъ наладится тутъ что серьезное, — вытирая обильный потъ съ лица, сказалъ старшой, — я перейду на службу къ нимъ. Что ни твни тутъ эту проклятую лямку, толковъ никакихъ нѣтъ. Развѣ это жизнь?..

— Ну, вездѣ сласть-то одинакова... — отвѣчалъ помощникъ. — Вся суть въ томъ, чтобы поймать случай. А гдѣ онъ тебя найдетъ, кто скажетъ напередъ? Я на золотѣ тоже работалъ, да немного вотъ выработалъ. И го-

лодали, и холодали, и болѣли, а въ результатѣ та же картина. А другимъ везетъ...

И онъ какъ-то презрительно сплюнулъ въ сторону, какъ бы желая показать этимъ, что онъ выше всѣхъ превратностей судьбы и вездѣ, при всякихъ обстоятельствахъ, найдетъся...

И тяжело поднимается и опускается кирка, и пахнетъ сырой землей, и въ мерцаніи жаркаго, тяжкаго воздуха стоитъ и зоветъ за собой въ раздольную жизнь милый образъ...

XXXVII

Рѣзко затрещала якорная цѣпь крейсера, тяжело бухнулъ якорь въ сонную, теплую воду океана и, салютуя флагу, рѣзко треснулъ пушечный выстрѣлъ. Въ портъ войти было нельзя: его затягивало иломъ и онъ былъ опасенъ. Джо съ огромнымъ удовольствіемъ увидѣлъ свою сѣренькую „Амфитриду“, дремлющую на блестящей глади океана, и обратился къ командиру:

— Я чрезвычайно благодаренъ вамъ, капитанъ, за прекрасное путешествіе. А теперь позвольте — взялся онъ за чековую книжку — съ вами расплатиться...

— Но... — поднялъ брови щеголеватый морякъ. — Вы меня удивляете: за плату своихъ крейсеровъ французское правительство никому не уступаетъ. Это была любезность со стороны французскаго морского министра по отношенію къ видному представителю великой заокеанской республики...

— Прекрасно. Но за любезность — любезность... — сказалъ Джо съ улыбкой. — Во-первыхъ, я полагаю, что я въ правѣ сдѣлать небольшой подарокъ вашимъ молодцамъ-матросамъ. Не такъ ли? Это доставитъ мнѣ живѣйшее удовольствіе, въ которомъ вы, конечно, не откажете мнѣ. А во-вторыхъ, вотъ этотъ второй чекъ я прошу васъ передать господину морскому министру отъ меня въ пользу... ну, скажемъ, старыхъ моряковъ-инвалидовъ, которымъ

надо же какъ-нибудь доживать свой вѣкъ. Не согласитесь ли вы, капитанъ, съ тѣмъ, что деньги для того и созданы, чтобы ихъ расходовать?..

— Не знаю... — улыбнулся морякъ. — Но я буду счастливъ передать вашъ подарокъ моимъ матросамъ, а пожертвованіе господину министру. Цифра его оглушаетъ. Это очень необычно...

— Не будемъ говорить объ этомъ. Значить, дѣло покончено. А теперь прошу васъ о маленькомъ совѣтѣ: долженъ ли я сперва сдѣлать визитъ мѣстнымъ властямъ или, можетъ быть, можно съѣздить сперва на яхту на нѣскольکو минутъ? Я такъ давно не видалъ брата и горю нетерпѣніемъ узнать, какъ обстоитъ дѣло съ золотомъ...

— Но... и съ берега, и съ яхты уже идутъ къ намъ катера... — сказала командиръ. — Ваше нетерпѣніе предупредили...

Миша — онъ загорѣлъ во время короткаго пути, какъ настоящій морской волкъ — не отрывая глазъ, смотрѣлъ на сѣреную яхту и въ умѣ его уже началось обычное: дважды два — четыре, дважды два — пять, дважды два — шесть... Была радость, что вотъ онъ сейчасъ ее увидитъ и было большое страданіе, что онъ не сегодня-завтра отдастъ ее другому. Но... дважды два — семь, дважды два — восемь...

Бѣленькій моторъ съ яхты бойко летѣлъ къ крейсеру. И вдругъ оттуда послышался веселый голосъ:

— Well... Three cheers for Joe!..*) Хипъ-хипъ-хипъ!

— Ура!...

— Хипъ-хипъ-хипъ!

— Ура!...

— Хипъ-хипъ-хипъ!

— Ура!...

— А, Джо! Что за молодчинище парень!.. — восторженно сказалъ мистеръ Стивенсъ Красной Мадоннѣ. — Вы сейчасъ увидите... Но пари ваше, какъ видите, вы проиграли. Надо будетъ платить...

*) *Ура въ честь Джо.*

Онъ былъ очень веселъ. Онъ пропустилъ дамъ по спущенному трапу первыми, поднялся самъ и, не утерпѣвъ, бросился на шею Джо. А затѣмъ начались веселыя представленія... Командиръ крейсера немножко былъ удивленъ: странная компанія золотоискателей!

— Какъ дѣло съ золотомъ, однако? — спохватившись, строго спросилъ Джо.

— Превосходно... — сказалъ братъ. — Завтра же начинаемъ...

Миша склонился къ рукѣ Красной Мадонны. Она ласково представила его красавицамъ изъ Холливуда и онъ строго, съ достоинствомъ, поцѣловалъ хорошенькія ручки. Американки были восхищены: *it's very fine from the young Russian gentleman**). И онъ освѣтили его самыми очаровательными улыбками... И онъ не могъ не дрогнуть внутренне передъ удивительными глазами Тицианы.

— Я не поняла изъ вашей телеграммы рѣшительно ничего... — сказала Красная Мадонна. — Что у васъ тамъ случилось? Почему не пріѣхали вы на пароходъ, какъ было условлено?..

Миша побагровѣлъ.

— Но... такъ вышло. Во-первыхъ, въ день отъѣзда было столкновеніе автомобилей, въ которомъ я немножко пострадалъ, а во-вторыхъ...

— Ну, что же во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, у меня вышло столкновеніе съ однимъ... нехорошимъ человѣкомъ.

— Съ кѣмъ именно? Но послушайте: что это изъ васъ слова точно клещами надо тащить?.. Въ чемъ дѣло? Я, все равно, спрошу мистера Стивенсъ...

— Съ этимъ... Ну, съ начальникомъ одесской развѣдки...

Она долго, пристально смотрѣла на него.

— Изъ-за чего?

**) Это очень мило со стороны молодого русскаго джентельмена.*

— Этого я не скажу... — рѣшительно сказалъ Миша, опять покраснѣвъ. — Не могу же я вамъ говорить непременно все! У меня есть свои тайны...

— Мистеръ Стивенсъ, изъ-за чего вышло у мистера Соймонова столкновение въ Парижѣ?..

— Well... — нѣсколько смѣшался тотъ, которому князь долженъ былъ дѣло объяснить. — Я не знаю хорошо, не понимаю... Что-то тамъ такое вообще... эдакое... Я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Политическіе споры и всякое такое...

И ее вдругъ осянило. Она взяла Мишу подъ руку и отвела въ сторону.

— Столкновение произошло изъ-за меня?.. Такъ?

— Ну, допустимъ. Такъ въ чемъ же дѣло? — строго сказалъ онъ: женщина это, конечно, женщина, но она не должна, однако, забывать, что и мужчина — мужчина.

— Дѣло въ томъ, что я хочу знать все.

— А если вы тѣмъ ставите въ неловкое положеніе другихъ?

— Это предразсудокъ. Я знаю, что вы ничто дурного сдѣлать не могли, а тотъ не могъ сдѣлать ничего, кромѣ дурного.

— Онъ — негодяй.

— Онъ нехорошо говорилъ обо... мнѣ?

— Допустимъ... — густо покраснѣлъ Миша.

— И вы заступились за... большевичку?..

— Нѣтъ, не за большевичку, — опять покраснѣлъ Миша, — а за... женщину...

— Миша, если я не цѣлую васъ передъ всѣми, то только потому, что не хочу смущать васъ. Я счастлива знать, что у меня такой другъ. И тѣмъ, что вы пріѣхали. Пойдемте къ нимъ — посмотрите, какъ очаровательно улыбается вамъ Тициана...

— Какіе у нея глаза!.. — сказалъ Миша и головой тряхнулъ, какъ тогда, послѣ крушенія автомобиля. — Я никогда не видалъ такихъ...

Красная Мадонна тихонько разсмѣялась.

А къ трапу подошелъ уже подъ французскимъ фла-

гомъ моторъ губернатора. Высокій, красивый старикъ съ бѣлыми, пушистыми усами бодро поднялся на палубу.

— Знаю, знаю, что нарушаю всѣ правила этикета... — весело заговорилъ онъ. — Знаю, что вы должны были инѣ сдѣлать визитъ первыми. Но на этотъ разъ я рѣшилъ сдѣлать исключеніе и уронить престижъ власти: я долженъ привѣтствовать первымъ такого важнаго гостя. Мистеръ Стивенсъ, отъ вашего милаго брата я о васъ знаю уже все. Я успѣлъ полюбить моихъ милыхъ золото-промышленниковъ... И я пріѣхалъ поздравить васъ съ благополучнымъ прибытіемъ и просить всѣхъ васъ сегодня отобѣдать у меня. Если же вамъ, господинъ Стивенсъ, захотѣлось бы и остановиться у меня, я былъ бы счастливъ оказать вамъ гостепріимство... Капитанъ, господа офицеры, прошу васъ раздѣлить съ нами нашу скромную трапезу...

И сразу на ша-диво отмытой палубѣ зашумѣлъ точно веселый праздникъ. Братъ Стивенсъ улучилъ удобную минутку и Альфредъ повѣдалъ Джо въ двухъ словахъ объ истинной цѣли поѣздки. Тотъ высоко поднялъ брови.

— Но онъ навѣрное невиненъ? — тихо уронилъ Джо.

— Навѣрное.

— What a mighty joke, my old fellow!..*) — воскликнулъ Джо. — Я въ восторгѣ. Но, конечно, надо будетъ и съ золотомъ что-нибудь придумать...

— Разумѣется. Но тебѣ все же нельзя останавливаться у губернатора. Надо выдумать предлогъ.

— All right!

И оба, сіяя, присоединились къ веселому обществу. Офицеры бѣлыми кружками уже отцѣпили красавицъ. Губернаторъ эдакимъ пышнымъ павлиномъ прохаживался около нихъ и сыпалъ самыми утонченными комплиментами. За все время его царствованія въ Гвіанѣ не проводилъ онъ еще такихъ веселыхъ и пріятныхъ дней. Если принять во вниманіе, что маленькое общество Кайенны давно всѣмъ пріѣлось, что никакихъ развлеченій тутъ не было, что да-

*) Вотъ это такъ штука, старина!

же почти изъ Франціи приходила сюда только разъ въ мѣсяцъ, станетъ понятнымъ, какимъ праздникомъ былъ для всѣхъ приходъ „Амфитриды“.

Джо съ братомъ съѣздили на „Амфитриду“, — Джо непременно хотѣлъ привѣтствовать товарищей своихъ скитаній — а когда оба вернулись на бортъ крейсера, губернаторъ всталъ:

— Итакъ, прошу васъ всѣхъ, господа...

Разомъ въ теплую, напоенную солнцемъ воду были спущены шлюпки, застучали моторы и, разводя веселую волну, понеслись къ усыпанному любопытными берегу... Всѣ правительственныя учрежденія, и въ томъ числѣ квартира губернатора, помѣщались въ монастырѣ, который правительство отняло у іезуитовъ. Миша занималъ Тиціану. Она смотрѣла на него восторженными, огромными глазами: what a fine boy!..*)

XXXVIII

На другое утро на яхтѣ — чтобы не было поблизости нескромныхъ ушей — было собрано совѣщаніе. Изъ постороннихъ на него былъ допущенъ только капитанъ яхты, мистеръ Кэнфильдъ: братья Стивенсъ рѣшили, что отъ него настоящей цѣли путешествія скрывать нельзя. Если она будетъ ему не по вкусу, онъ временно можетъ судно оставить. Но онъ задымилъ своей трубкой и сказалъ просто:

— Ну, почему же? Я былъ бы очень... нелѣпъ, если бы отклонилъ честь помочь несчастному. Жизнь иногда нуждается въ небольшихъ поправочкахъ съ нашей стороны...

Джо крѣпко пожалъ ему руку.

— Я въ этомъ не сомнѣвался, другъ мой... — сказалъ онъ. — Если я поднялъ вопросъ объ этомъ, то только изъ соображеній корректности. Итакъ, господа...

*) Какой славный юноша!

И было рѣшено: прежде всего, чтобы не возбудить подозрѣній власти, не обнаруживать никакой торопливости. Во-вторыхъ, надо было подвинуться ближе къ торговѣ. Удобный предлогъ былъ: море тутъ всегда спокойно и яхтѣ будетъ удобнѣе на рѣкѣ, около С. Лоранъ. Затѣмъ братья Стивенсъ своими обѣдами, а дамы своими чарами должны расположить къ себѣ всѣхъ выдающихся начальниковъ страны. А затѣмъ — надо повидать во что бы то ни стало Костромина и получить отъ него согласіе на побѣгъ.

— Да, да, это прежде всего... — потушилась, поблѣднѣвъ, Красная Мадонна. — Это прежде всего. Онъ человѣкъ... нерядовой, у него на все свои взгляды и онъ, можетъ быть, не захочетъ, чтобы столько людей шли изъ-за него на все же рискованное дѣло...

— Прекрасно... — сказалъ Стивенсъ. — Но... но тутъ начинается самое главное. Долларами мы уравниемъ ему путь на яхту, яхта безъ всякаго труда скроется отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что крейсеръ завтра уходитъ въ китайскія воды. Но какъ же будетъ дѣло съ золотомъ, чортъ бы его совсѣмъ побралъ? Мы погорячились: не надо было мнѣ такъ торопиться и впутывать въ дѣло ихъ правительство съ ихъ крейсеромъ. Впрочемъ, по совѣсти сказать, я за проѣздъ на военномъ суднѣ заплатилъ довольно прилично. Тутъ мы вполне квиты. Но все же надо какъ-то *garder les apparences*. Такъ вотъ я думаю, что было бы хорошо назначить теперь же мистера Мишу начальникомъ предварительной развѣдки. Пусть онъ, какъ самый молодой, поидетъ съ партіей туземцевъ въ глубь страны и посмотритъ, какъ тамъ обстоятъ дѣла...

— Но я не имѣю ни малѣйшаго представленія, какъ я приступаютъ къ золоту... — сказалъ Миша.

— И я тоже... — засмѣялся мистеръ Стивенсъ. — Но я не думаю, чтобы это было такъ важно. Вы можете взять съ собой лопаты, покопаться въ песокъ наудачу, промыть его, показать, что тамъ ничего нѣтъ и проч. А если мѣстные жители будутъ говорить, что мы все дѣлаемъ не такъ, то можно сказать, что у насъ только такъ

и дѣлается, а что ихъ методы отстали. Такого компли-
мента не выдерживаетъ никто...

— Но, Джо, въ наше дѣло вмѣшалась сама судьба...
— сказала Альфредъ Стивенсъ. — Я въ первый же день
нашего пребыванія здѣсь совершенно случайно узналъ,
что въ голландской Гвианѣ открыты, дѣйствительно, бо-
гатые россыпи золота. Мы можемъ сказать, что тузем-
цы ошиблись, что они указали намъ мѣста не на фран-
цузской территоріи, а на голландской, что насъ преду-
предили и проч. А горечь разочарованія для француз-
скихъ властей мы смятчимъ нашими обѣдами и чарами
нашихъ дамъ. Морское же министерство, повторяю, на
насъ въ претензіи никакъ быть не можетъ, разъ ты это
предусмотрѣлъ и уже устранилъ...

— Но когда потомъ все откроется, все же будетъ не-
многожко неловко... — сказала Вероника.

— Почему? — сказалъ Джо. — Разъ онъ невиненъ?
Пусть формально у нихъ онъ виноватъ, но мы-то знаемъ,
что онъ невиненъ. А кромѣ того, все же имъ трудно бу-
детъ установить, что увезли его мы. Это можетъ быть
простымъ совпаденіемъ, его исчезновеніе и нашъ отъ-
ѣздъ... Мы можемъ на время оставить тутъ кого-нибудь
изъ насъ, пока нашъ уполномоченный не убѣдится, что
золото ушло къ голландцамъ...

И на другой же день, въ отвѣтъ на губернаторскій
обѣдъ, на палубѣ „Амфитриды“ — она вошла уже въ рѣку
и бросила якорь между С. Лоранъ съ одной стороны и гол-
ландской деревней Альбина съ другой — былъ данъ такой
ширь, что французы и дыханіе затаили: какое велико-
лѣтіе, какой размахъ, какое мастерство въ умѣніи жить!..
Дамы имѣли колоссальный успѣхъ. Особенно былъ захва-
ченъ красавицами молоденькій командиръ миноносца-
станціонера, лейтенантъ de Resteigne. Онъ былъ слиш-
комъ молодъ, чтобы принять участіе въ великой войнѣ
народовъ и жалѣлъ объ этомъ чрезвычайно. Во снѣ онъ
былъ всегда Наполеономъ. А часто и наяву. Тогда онъ
нахлобучивалъ фуражку на глаза и, скрестивъ руки, ша-
галъ по палубѣ взадъ и впередъ, замышляя великія дѣла.

Республику онъ, уроженецъ Вандей, ненавидѣль и думалъ, что судьба нарочно сберегла его въ великой войнѣ для того, чтобы онъ опрокинулъ всѣхъ этихъ адвокатовъ, взялъ власть въ свои желѣзные руки и снова повелъ бы Францію по полямъ славныхъ побѣдъ: Муссолини, наприимѣръ, нестерпимо зазнается и оборвать его было бы только очень хорошо...

— Поухаживайте же за губернаторомъ... — тихонько шепнулъ Джо Тицианъ.

— Хорошо, хорошо... — сказала Тициана. — А потомъ, Миша, мы будемъ съ вами состязаться, кто скорѣе влѣзетъ опять по вантамъ до марса. Только бы всѣ эти скучные господа убрались поскорѣе...

И она обдала губернатора своимъ чарующимъ взоромъ.

— Ахъ, какъ у васъ тутъ тепло и хорошо, губернаторъ!.. — сказала она. — Кажется, никогда не уѣхала бы я отъ васъ...

Тотъ широкимъ жестомъ расправилъ свои бѣлые усы.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?.. Посмотрите, какъ сладко смотреть на васъ нашъ маленькій Наполеонъ, командиръ миноносца, — хотите, онъ васъ похититъ?

— Но онъ не захочетъ...

— А тогда похищу я!

— И я буду губернаторшей? Правда?.. Вотъ восторгъ!...

И щелкали пробки шампанскаго.

— Скажите, губернаторъ мой... — обольщала старика Тициана. — А вы покажете намъ вашихъ сыльныхъ и Чортовъ островъ, и все тамъ такое?..

— Отчего же, отчего же?.. Приказывайте — мой долгъ только повиноваться...

— А въ самомъ дѣлѣ... — вмѣшался Джо. — Мнѣ думается, что слѣдовало бы намъ повидать ихъ и обсудить вопросъ о примѣнимости ихъ труда въ разработкѣ золота. Туземцы, какъ рабочая сила, мнѣ не представляются очень ужъ заманчивыми. А подъ надежной охраной работать могли бы и каторжные.

— Я самъ не уполномоченъ пойти на это, но всегда можно снестиcь съ правительствомъ...

— Такъ я завтра же напишу объ этомъ Пуанкарэ... — сказалъ Джо небрежно. — Пусть они пока тамъ обсуждаютъ это дѣло. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, заниматься всѣмъ этимъ часто здоровымъ людямъ всякими пустяками. А у насъ они будутъ полезны государству...

Губернаторъ наклонилъ голову. Приѣхалъ на крейсера, съ Пуанкарэ на дружеской ногѣ — въ самомъ дѣлѣ, за нимъ надо поухаживать. Можетъ быть, можно будетъ чрезъ него похлопотать о переводѣ куда-нибудь: осточертѣла уже ему эта чортова турецкая баня Гвіань...

— Такъ завтра-послѣзавтра, если утѣшно, мы продолдемъ посмотрѣть нашихъ каторжанъ... — сказалъ онъ.

— Хоть послѣзавтра... — согласились всѣ. — А завтра давайте устроимъ пикникъ на берегу, повеселимся немного...

Красная Мадонна вся сжалась: рѣшительный моментъ свиданія съ нимъ надвигался. Вся ея судьба повисла на волоскѣ. И горѣли въ душѣ пожары любви, и пѣла надежда сладкія пѣсни, и туманилась голова отъ предстоящаго, можетъ быть, счастья. Но... если онъ опять и опять уронить это свое проклятое „нѣтъ“?..

Но объ этомъ она и думать не хотѣла...

XXXIX

Все общество, шумя и смѣясь, вышло съ катеровъ на страшный берегъ ссылки въ Санъ Лоранъ. У самой воды стоялъ какой-то страшно оборванный, волосатый скелетъ и, неустанно подбирая на берегу камни, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ на изможденномъ лицѣ бросалъ ихъ въ воду — безъ конца, безъ устали, точно важное дѣло какое дѣлалъ. На приѣхавшихъ онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

— Что онъ это дѣлаетъ?.. — спросила губернатора вдругъ почему-то присмирѣвшая Тиціана. — И какой онъ... страшный...

— Онъ сумасшедшій... — отвѣчалъ тотъ. — Спросите его...

— Ой, нѣтъ, боюсь... — передернула та плечами.

— Зачѣмъ бросите вы въ воду камни? — спросила участливо Красная Мадонна.

— Какъ зачѣмъ?... — обернулъ тотъ къ ней свое опаленное лицо. — Тамъ, за водой, Франція. Я постепенно накидаю въ воду камней столько, чтобы получился каменный, вполне безопасный моль до самой Франціи, а зачѣмъ и уйду домой. А за мной уйдутъ и всѣ... Довольно помучили насъ въ этой проклятой странѣ...

И онъ снова набралъ нѣсколько камней и съ упорствомъ, стараясь попадать въ одно мѣсто, сталъ бросать ихъ въ темную воду Маронн...

Еще одна-двѣ встрѣчи, и шутки и смѣхъ замолкли: стало страшно. Не того страшно, что вотъ эти замученные и озлобленные люди бросятся на нихъ и ихъ истребятъ, а страшно того, что все это на землѣ можетъ быть. Тамъ, вдали, въ пышныхъ породахъ, все это преступленіе законовъ божескихъ и человѣческихъ было тщательно скрыто подъ торжественной комедіей суда, подъ топами, смѣшными париками и всякимъ вздоромъ отжившаго міра, тамъ это было отправленіе общественной справедливости, здѣсь — преступленіемъ надъ бѣднымъ, слабымъ человѣкомъ, актомъ омерзительной мести, чѣмъ-то такимъ, чего сердце человѣческое не должно допускать никакой цѣной...

И Красная Мадонна едва шла. Было мучительно, что вотъ сейчасъ она увидитъ его въ этомъ страшномъ обликѣ отверженнаго, но мучительно было и то, что они, апостолы новаго міра, пришедшіе все это разрушить, очень быстро, съ большею, чѣмъ старый міръ, жестокостью, у себя это установили въ безчисленныхъ чрезвычайкахъ по всѣмъ городамъ необъятной страны, въ ссылкахъ, по тюрьмамъ. Было мучительно совѣстно прежняго красноглаголанія своего, декламации, обѣщаній, что они сметутъ все это съ лица земли и создадутъ на ней, если не рай, то разумную и справедливую человѣческую жизнь... И

вдругъ она вздрогнула: на краю зарослей, опираясь на тяжелую кирку, стоялъ каторжникъ. Въ его глазахъ огромныхъ и страшныхъ было что-то, что напоминало ей что-то старое и милое. Она вся похолодѣла: это... онъ?!.. Желѣзнымъ усиліемъ воли она взяла себя въ руки и сдѣлала ему едва уловимый знакъ: будьте спокойны, не выдавайте себя и меня...

— А это русскій одинъ... — сказалъ начальникъ каторги дамамъ. — Съ партіей пришли слухи, что онъ — жертва судебной ошибки, но та foі, что же я могу тутъ сдѣлать? И потомъ, если вѣрить всѣмъ этимъ слухамъ, то они всѣ тутъ невинны...

— Русскій? — воскликнула Тиціана. — Ахъ, какъ это интересно! Губернаторъ мой, — повисла юна на рукѣ у старика, — вы должны непременно позволить Мишѣ и нашей русской гостьѣ поговорить съ нимъ на его языкѣ: это ему, бѣдненькому, будетъ такъ пріятно...

— Но, конечно, конечно, другъ мой... — сказалъ старикъ. — Что же тутъ такого? Пусть поговорятъ...

Миша сдѣлалъ видъ, что онъ занятъ дѣловымъ разговоромъ съ маленькимъ Наполеономъ и къ Костромину, вся блѣдая, подошла Красная Мадонна. Тиціана и Вероника взяли въ торячій переплетъ офицеровъ. Братъ Стивенсъ остановили серьезнымъ разговоромъ о золотомъ дѣлѣ друтихъ и она тихо уронила:

— Я пріѣхала... только для того, чтобы... заплатить долгъ... Теперь примете вы руку помощи, гордецъ, или... опять... будетъ... это проклятое ваше нѣтъ?..

Губы ея задрожали, въ прекрасныхъ глазахъ налились слезы, и это было много, много краснорѣчивѣе того, о чемъ говорили ея запутанные слова. И ея волненіе передалось ему.

— Я благодарю... васъ... — дрогнулъ онъ голосомъ. — Но я все же хочу знать, чему обязанъ я такой... заботливостью?.. Вѣдь не... христіанскому же милосердію?

Она смотрѣла на него изступленными глазами на смерть раненаго звѣря.

— А... вы... до сихъ поръ не догадываетесь ни... о чемъ?... Вы... совсѣмъ забыли прошлое?... Можетъ быть, тогда... въ Лозаннѣ... намъ слѣдовало бы сказать всего... одно слово и тогда... тогда... ничего этого не было бы... можетъ быть...

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Но невѣроятное свершалось предъ нимъ. Жизнь, свобода и любовь плѣнительно распахнули предъ нимъ свои голубыя, зовущія дали. Старый, полузабытый, безжалостно растоптанный тогда ими, гордецами, сонъ, который до сихъ поръ такъ иногда болитъ въ душѣ, воскреснетъ и...

— На насъ смотреть... — сказалъ онъ. — Мы должны торопиться. Такъ вотъ... если бы я то... слово сказалъ... то... вы оставили бы все это... ваше... безуміе?..

— Поѣздкой сюда за вами я сожгла за собой всѣ мосты... Скорѣе: да или нѣтъ?

— Да... — чуть дохнулъ онъ и оперся на кирку.

Она провела рукой по влажному лбу. Она боялась обморока. Но справилась.

— Тогда... на дняхъ... вы будете освобождены и мы... уѣдемъ... До свиданія!.. — съ улыбкой весело бросила она и со смѣхомъ, подъ которымъ звенѣли слезы ослѣпительнаго счастья, она пошла къ своимъ. — Но онъ очень любезенъ, этотъ вашъ каторжникъ!.. — сказала она. — Онъ вполне воспитанный человѣкъ...

И вдругъ ослѣклась: на нее смотрѣли, сверля, чьи-то нехорошіе глаза. Она приглядѣлась. Это былъ стоявшій неподалеку помощникъ старшого. Она сразу поняла, что онъ не только видѣлъ, но и понялъ все. И земля опять заколебалась у нея подъ ногами.

Посѣтители, въ сопровожденіи почтительной администраціи ссылки, шли вдоль линій отступающихъ подъ ударами ссылно-каторжныхъ нездоровыхъ зарослей и изрѣдка юстанавливались и бесѣдовали съ несчастными. И вдругъ она услышала сзади себя осторожный голосъ:

— Сударыня, я видѣлъ все. Одно мое слово, и вся ваша затѣя съ золотомъ рушится. Я знаю, зачѣмъ вы

пріѣхали. Но... если вы хотите помочь мнѣ стать въ жизни на ноги, то я вамъ помогу...

Она неторопливо обернулась: передъ ней стоялъ почтительно, какъ бы давая какія-то объясненія ей, помощникъ старшого. Она долго смотрѣла въ это нехорошее лицо. Она поняла, что одно его слово и все можетъ рухнуть: Костромина стануть усиленно стеречь и — ничего не выйдетъ. И съ замирающимъ сердцемъ она рѣшила сорвать банкъ.

— Если вы поможете ему скрыться, вы получите отъ меня миллионъ франковъ...

— Сегодня же въ ночь онъ будетъ у васъ на яхтѣ...

— Сегодня же въ ночь на яхтѣ вы получите чекъ на миллионъ франковъ...

— Хорошо... — сказалъ помощникъ и громче, такъ, чтобы слышали всѣ, добавилъ: — Лихорадка тутъ всего страшнѣе. Всѣ болѣютъ ею...

Губернаторъ бросилъ на него изъ-подъ сѣдыхъ бровей недовольный взглядъ, и онъ скромно отступилъ на задній планъ, а потомъ и совсѣмъ отсталъ и вернулся на свой постъ. Костромина, опершись на кирку, стоялъ, закрывъ рукой глаза — точно его ослѣпило что и онъ все еще не пришелъ въ себя.

— Сегодня въ ночь я передамъ васъ вашимъ друзьямъ, которые пріѣхали за вами... — тихо сказалъ помощникъ, подойдя къ нему. — Но... не показывайте же вида... — сердито добавилъ онъ. — На насъ смотреть. Работайте, какъ ни въ чемъ ни бывало...

Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Жизнь для Костромина превратилась въ одинъ ослѣпительный, радостно грохочущій взрывъ. Еще немного и онъ, свободный уже, упадетъ къ ея ногамъ и будетъ говорить ей объ этихъ годахъ непонятнаго безумія ихъ. Ихъ свелъ тогда случай, Рокъ, они не захотѣли, боролись, упирались изъ всѣхъ силъ, и вотъ Онъ все-таки свелъ ихъ опять, и велѣніе свое заставилъ исполнить — хвала великому Року!.. Онъ машинально подымалъ и опускалъ кирку и не

замѣчалъ этихъ горячихъ, ослѣпительныхъ часовъ нескончаемаго дня...

Красная Мадонна рассказала все братьямъ Стивенсъ. Они немного смутились.

— Главное, его надо спрятать на яхтѣ и отнюдь не уходить сразу... Это возбудить подозрѣнія. Мы будемъ на берегу дѣлать свое золотое дѣло, а онъ будетъ отдыхать на суднѣ.

— А если обыскъ?.. — подсказала, вся холодѣя, она.

— Обыскъ?.. — засмѣялся Джо. — Во-первыхъ, никакихъ подозрѣній на насъ не падетъ — это психологически немыслимо. Я недаромъ прибылъ на крейсерѣ. И братья Стивенсъ, скромно говоря, всегда братья Стивенсъ... А во-вторыхъ, если бы даже все чудомъ и открылось, я его на яхтѣ такъ упрячу, что всѣ сыщики губернатора лобъ разобьютъ себѣ, а его не найдутъ: когда мы занимались контрабандой, мы для нашихъ винъ приготовили такое помѣщеніе, что... хотите пари, что я, вотъ сегодня, сяду въ него, а вы всѣ будете меня искать и не найдете? Ну, достаточно сказать вамъ, что яхта моя всегда стоитъ въ порту Нью-Йорка и весь запасъ винъ моихъ хранится на ней... Пусть попробуютъ!.. — съ раздувающимися ноздрями засмѣялся онъ.

— Да, да... — сказать, смѣясь, старшій. — It's a mighty joke!.. Только бы на бортъ его доставить, а тамъ... Ха-ха-ха...

XL.

Мощный шумъ океана вдали. На рѣкѣ, среди звѣздъ, стройный силуэтъ яхты. Только одинъ огонекъ горитъ на ней. Команда шируетъ на берегу: сегодня день рожденія миссъ Тицианы, и всѣ уѣхали, кромѣ самыхъ необходимыхъ и надежныхъ, погулять. И господа всѣ на берегу, на балъ къ губернатору уѣхали. Остался только мистеръ Альфредъ, которому необходимо составить въ Нью-Йоркъ бумаги по золотому дѣлу, да красавица-чешка, ко-

торая чувствуетъ себя что-то нездоровой: климатъ Гвианы даже на побережьи неласковъ...

Тихій плескъ весель и тихо стучается плюпка о крутой бокъ „Амфитриды“ у трапа. Двѣ темныхъ фигуры осторожно поднимаются на палубу. Ихъ молча встрѣчаютъ мистеръ Стивенсъ и Красная Мадонна. И трепетныя руки ищутъ мозолистыхъ рукъ Костромина, и неистово сжимаютъ ихъ долго, долго...

— Идемте всѣ ко мнѣ... — тихо сказалъ Альфредъ. — Вотъ сюда...

Ярко освѣщенная каюта. На стѣнѣ благообразные портреты отца Стивенсовъ съ бородой вѣеромъ, отъ шеи, по-бурски, и матери этихъ двухъ всесвѣтныхъ бродягъ, степенной, благообразной пуританки.

Красная Мадонна — глаза ея сияютъ, какъ звѣзды — протягиваетъ помощнику десять чековъ на крупный Нью-Йоркскій банкъ. Тотъ неуклюже, смущаясь, проверяетъ ихъ.

— Такъ. Благодарю... — говорятъ онъ. — Я... я не пошелъ бы на это дѣло, — кося глаза въ сторону, поясняетъ онъ — если бы не говорили, что мосье страдаетъ совершенно невинно...

Благородство это всѣмъ непріятно.

— Но я хотѣлъ бы... попросить... нѣсколько мелочи... — продолжаетъ тотъ. — Здѣсь по такимъ чекамъ получить ницѣ нельзя... Будутъ подозрѣнія. И, пожалуй, попадутъ они и на вашъ слѣдъ...

— Вотъ...

И Альфредъ протягиваетъ ему пачку долларовъ.

— Но куда же вы теперь... дѣнетесь?.. — съ любопытствомъ спрашиваетъ онъ надзирателя.

— О, я человѣкъ бывалый!.. — усмѣхнулся помощникъ. — Я выйду сейчасъ на голландскомъ берегу, пройду на Парамарибо, Джорджтаунъ, а тамъ Венецуэла рукой подать. А тамъ видно будетъ...

— Но вамъ будетъ нелегко...

— Я знаю. Но qui ne risque, ne gagne*)... Я мѣста знаю хорошо. И... знакомыхъ много... Ничего.

— Такъ счастливаго пути...

Помощникъ неловко козырнулъ всѣмъ, спустился трапомъ въ плюшку и исчезъ въ звѣздной ночи. Отъ берега океана долеталъ ровный, торжественный шумъ настуdivающаго прилива...

Костроминъ — онъ не присутствовалъ при объясненіи съ помощникомъ — переодѣлся, вымылся въ каютѣ старшаго Стивенса. Платье того было ему какъ разъ въ пору. И вышелъ.

— Но... какъ мнѣ благодарить васъ?.. — сжалъ онъ обѣ руки американца. — Я... не нахожу словъ...

— И не надо. Но если вы непременно ужъ хотите отблагодарить меня, то общайтесь мнѣ... не поддѣлывать никогда долларовъ.

То, что Костроминъ не фальшивомонетчикъ, все-таки тѣ-то въ глубинѣ души разочаровывало немножко Альфреда, если бы онъ былъ настоящимъ фальшивомонетчикомъ, это сдѣлало бы mighty joke острѣе...

— Нѣтъ, нѣтъ... Если понадобится, то я опять возьмусь за франки...

— Вотъ. Но можно, если хотите, и фунты... Я никогда не прочъ подсолить немножко хвостъ нашему островному дядюшкѣ...

— All right!..

— А теперь я оставляю васъ: я долженъ сдать завтра утромъ губернатору пакетъ съ срочными бумагами по золотому дѣлу въ Нью-Йоркѣ... Но... впрочемъ... — вдругъ обернулся онъ къ Красной Мадоннѣ. — Я долженъ сказать вамъ два слова наединѣ...

Она отошла съ нимъ къ борту.

— Я предлагаю вамъ уплатить долгъ по пари à discrétion...

— Я готова, дорогой другъ мой.

Онъ замаялся.

*) Кто не рискуетъ, не выигрываетъ.

— Я хочу... — онъ смутился. — Well, вы поймете меня. Я все-таки потомокъ пуританъ. Я хочу, чтобы вашъ союзъ... былъ... ну... чтобы все было, какъ слѣдуетъ...

Она со свѣтлой улыбкой подняла голову.

— Вы помните, какъ мы заключили это пари?

— Well?

— Я очень неделикатно напомнила вамъ, что я заключаю его съ джентельменомъ, а вы подняли глаза на мачты и сказали, что завтра будетъ хорошая погода. Такъ?

— Well? — насторожился онъ.

— Не думаете ли вы, что теперь мой чередъ напомнить вамъ о... хорошей погодѣ?

— Well done! — засмѣялся онъ и, поцѣловавъ ея руку, быстро, смѣясь, обѣжалъ лѣсенкой къ себѣ.

Медленно, подъ звѣздами, идутъ они тихой яхтой на корму. Тихо садятся. Въ сердцахъ неимоверное напряженіе. Вотъ сейчасъ случится то, о чемъ онъ тысячи разъ мечталъ: онъ упадетъ къ ногамъ ея и будетъ ей говорить о томъ, что столько лѣтъ носилъ онъ въ сердцѣ своемъ... Но неувловимый шорохъ во тьмѣ и Красная Мадонна у его ногъ. Вся въ слезахъ, она цѣлуетъ его пружья, мозолистые, настоящія рабоче-крестьянскія руки и мокрымъ, горячимъ голосомъ повторяетъ только одно:

— Прости... прости меня за все... Простишь ли ты меня когда-нибудь? Я... я заплатила за безуміе... свое достаточно. Прости меня... Забудь... Пожалѣй — больше всего пожалѣй!..

Тишь бездонная. Вздохи наступающаго океана. Звѣзды...

XLI

Рано утромъ яхта снялась съ якоря и пошла въ Кайенну: у губернатора должно было быть совѣщаніе по поводу золотого дѣла, а потомъ завтракъ съ дамами.

— А представьте: вашъ соотечественникъ - то... ну, котораго вы видѣли третьяго дня на работѣ...

— Ну? — вопросительно поднявъ брови Миша.

— Вѣжаль, чортъ возьми!.. — засмѣялся губернаторъ. — Но удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего: многіе эту игру пробуютъ. Удивительнѣе всего, что вмѣстѣ съ нимъ скрылся одинъ изъ караульныхъ, человекъ въ краю бывалый. Какъ этотъ дуракъ пошелъ на такое дѣло, это вотъ непостижимо...

— Но почему же? Можетъ быть, ему просто надоѣло. Согласитесь, что дѣло не изъ веселыхъ.

— Разумѣется. Но онъ-то прекрасно долженъ знать, что всѣ эти попытки кончаются или гибелью этихъ несчастныхъ въ непроходимыхъ болотахъ, гдѣ кишать ядовитыя змѣи и кайманы и бродить страшный пума, или же, помучившись нѣкоторое время въ заросляхъ, они выходятъ обратно и больше попытокъ своихъ уже не повторяютъ... Мы даже перестали наряжать и погоню въ такихъ случаяхъ: на удачу у бѣглыхъ шансовъ нѣтъ никакихъ. И какъ могъ рѣшиться этотъ нашъ дуракъ на такой рискованный шагъ, не постигаю... Я далъ знать, конечно, вдоль берега, чтобы посматривали, но... А-а, мистеръ Джо! Хорошо спали? Готовы бумаги? О чемъ хотѣли вы побесѣдовать со мной?

— Во-первыхъ, о томъ, ваше превосходительство, — сказалъ Джо, замѣтившій, что губернаторъ любитъ, чтобы его эдакъ пріятно пощекотали, — что мнѣ время посылать мистера Мишу съ его помощниками въ глубь страны. Они поѣдутъ на нашемъ моторѣ по рѣкѣ до Djoeка Creck, а потомъ по этому ручью уйдутъ въ заросли...

— И я тоже пойду съ Мишей... — сказала Тиціана.

— Но, дитя мое, это было бы безуміемъ... — сказалъ губернаторъ. — Надо знать, что такое путешествіе по Гвианѣ...

— Пусть я буду повѣшена, какъ говорилъ мой дядя Самъ, если я не пойду! Если это безуміе, то безуміе это и для Миши. Я въ него влюблена, и я не оставлю его ни

за что. И скажите имъ, мой губернаторъ, что, если они меня не пустятъ, то вы не дадите имъ концессіи. А если они не будутъ глупо упрямиться, то я возьму даже ихъ акціи... Вотъ. Это рѣшено и подписано и всякое сопротивление бесполезно... Ахъ, да не гримасничай ты тамъ, Вероника: стиль истой американки долженъ быть энергиченъ и простъ, а всѣ эти ваши тиньтиль-винтиль — пфа!..

Старикъ любовался на глазаго чертенка. Она была обаятельна въ своихъ глупостяхъ.

— Хорошо... — сказалъ онъ. — Но тогда для вашей спеціальной охраны я командирую нашего маленькаго Наполеона и нѣсколько матросовъ съ миноносца. Имъ вообще будетъ не вредно показаться туземцамъ. А безъ конвойа не пущу. Если бы съ вами что случилось, правительство Соединенныхъ Штатовъ объявитъ мнѣ, конечно, войну за вашу гибель — и вполнѣ справедливо — и я погибъ...

— Пусть идетъ и Наполеонъ!

— Значитъ, этотъ вопросъ разрѣшенъ удовлетворительно. Я радъ, что для него не придется собирать конференціи въ Гаагѣ или особаго совѣщанія Лиги Націй...

— А я сегодня думаю пройти на яхтѣ въ Парамарибо... — сказалъ Джо. — Нужно на мѣстѣ развѣдать о замыслахъ нашихъ конкурентовъ въ голландской Гвіанѣ. Можетъ быть, намъ будетъ лучше соединить наши усилія въ одномъ большомъ обществѣ? Если кто изъ моихъ друзей захочетъ посмотрѣть голландскую Гвіану, я буду радъ ихъ обществу, а если кто предпочтетъ ваше пріятное общество, ваше превосходительство, то вы, я знаю, позаботитесь, чтобы имъ тутъ не было слишкомъ скучно... А вы, Тиціана, лучше бы остались, въ самомъ дѣлѣ, подъ крылышкомъ нашего милаго губернатора. Миша скоро вернется. Вѣдь это только предварительные розыски.

— Нѣтъ. Я хочу знать, какъ ищутъ золото... — сказала Тиціана. — Наше ремесло таково, что надо знать все. И я не люблю пересматривать своихъ рѣшеній: сказано — сдѣлано. Дѣлайте свое дѣло и не мѣшайтесь въ чужое.

— Но — простите за нескромность — какъ это вы рѣшаетесь поручать такое отвѣтственное дѣло такому молодому человѣку?.. — отвѣдя Джо въ сторону, освѣдомился губернаторъ. — Тутъ нужны очень опытные люди...

— О, онъ сибирякъ, ваше превосходительство! Всѣ сибиряки съ дѣтства ищутъ золото. Вы знаете, что въ Сибири золота горы... И кромѣ всего того, у этого мальчика дьявольскій нюхъ на это. Уже во время гражданской войны онъ на Кавказѣ точно чудомъ нашелъ богатѣйшія розсыпи. Конечно, мы все это скрываемъ, чтобы большевики не использовали его открытія, но какъ только ихъ свалить, такъ мы сейчасъ же ѣдемъ начинать дѣло и тамъ...

Губернаторъ издалъ съ симпатіей посмотрѣлъ на ловкача Мишу, который, глядя влюбленными глазами на Тиціану, что-то смѣясь, говорилъ ей. И вдругъ она схватила его за обѣ руки и заставила закружиться съ ней по комнатѣ.

— Это я всегда дѣлаю, — пояснила она всѣмъ присутствующимъ, — когда я очень довольна... Миша обѣщалъ выучить меня стрѣлять... Въ нашемъ ремеслѣ и это дѣло знать необходимо. Томъ Миксъ всегда стрѣляетъ. И еще какъ!.. И я хочу его переплюнуть...

За завтракомъ выяснилось, что посмотрѣть голландскую Гвіану хотятъ, кромѣ мистера Альфреда Стивенсъ, прекрасная чешка и миссъ Вероника; Миша съ миссъ Тиціаной, подъ охраной маленькаго Наполеона, пойдутъ рѣкой въ глубь страны, а у губернатора останется Джо... И сразу же послѣ завтрака общество раздѣлилось: одни поѣхали на „Амфитриду“, которая вскорѣ подняла якоря и задымилъ въ Парамарибо, Джо комфортабельно устроился у губернатора, а Миша энергично заканчивалъ послѣднія притотвленія къ путешествію. Онъ былъ въ восторгѣ. И какъ былъ онъ удивленъ, когда разъ на террасѣ губернатора онъ засталъ въ сумерки Тиціану въ слезахъ.

— Но что съ вами, другъ мой?.. — взялъ онъ ее за обѣ руки. — Почему эти слезы?..

— Такъ... — смутилась она. — Вѣроятно, отъ жары — я вѣдь хотя и веселая, но страшно нервная... Вы не можете себѣ представить, какъ выматываетъ человѣка служба въ Холливудѣ! Это вамъ только кажется: а-а, актрисы, онѣ всѣ ничего не дѣлаютъ, а только веселятся. А попробовали бы вы сами и... и узнали бы, какъ... это тяжело...

И она снова заплакала. Миша былъ потрясенъ: бѣдная, милая дѣвочка!..

И маленькая красавица проплакала всю ночь...

А на палубѣ „Амфитриды“ шелъ оживленный разговоръ. Командѣ сказали, что мистеръ Костроминъ старый пріятель мистера Джо, котораго тотъ случайно встрѣтилъ въ Кайеннѣ и который теперь погостить на яхтѣ. Сперва было рѣшено, что, подъ предлогомъ болѣзни, Красная Мадонна покинетъ яхту въ Парамарибо и съ Костроминымъ проберется сухимъ путемъ въ Нью-Йоркъ, но потомъ этотъ планъ оставили, а приняли другой: изъ Парамарибо или Джорджтауна мистеръ Альфредъ телеграфируетъ своему управляющему въ Нью-Йоркъ, чтобы тотъ вызвалъ срочной телеграммой обоихъ братьевъ въ Нью-Йоркъ по экстренному дѣлу, а Миша заявить, что поиски золота завели его на голландскую территорію и потому экспедиціи пока дѣлать тутъ нечего: надо прежде всего стовориться съ голландскимъ обществомъ... И мужчины, обсуждая подробности, стали, курая, ходить по палубѣ взадъ и впередъ.

— Что это вы какъ задумчивы? — спросила ласково переполненная счастьемъ Красная Мадонна. — Что у васъ не ладится?..

Вероника тихонько вздохнула.

— Я стала бояться за... Тициану.

— Почему? — удивилась Красная Мадонна.

— А потому, что вашъ Миша не сводитъ съ нея глазъ, да и она, кажется, совсѣмъ въ плѣну у него...

— Такъ и слава Богу! Чего же еще лучше?..

— Вы забываете, что она... все-таки артистка Холливуда, то-есть... прежде всего дѣвушка съ... прошлымъ... И если у нихъ все... серьезно, то... вотъ драма и готова...

Горячій, нестерпимый румянецъ залилъ не только все прекрасное лицо Красной Мадонны, но и шею, уши, плечи. Ей было мучительно. Она уже не только на себѣ узнала всю тяжесть „свободной любви“, но она чувствовала себя ответственной въ той драмѣ, которую она вдругъ occupала: Миша былъ удивительно чистъ.

— Мы-то знаемъ... силы жизни... — потушеннымъ голосомъ, грустно проговорила Вероника. — Но они... а въ особенности Миша... Нѣтъ, тутъ можетъ быть большая бѣда...

И долго обѣ женщины молчали...

— Да. Это ужасно... — сказала тихо Красная Мадонна. — Но — простите, другъ мой, я такъ безбрежно счастлива, что я... болѣю немножко и о васъ. Я скажу вамъ только коротко: мистеръ Альфредъ Стивенсъ... очень думаетъ о васъ...

Та точно подъ хлыстомъ вздрогнула и закрыла лицо обѣими руками.

— Умоляю васъ: никогда не говорите мнѣ объ этомъ. Я проклинаю день и часъ, когда я рѣшилась поѣхать съ нимъ на „Амфитридъ“ сюда...

— Но почему, почему?... — горячо взяла ее за обѣ руки Красная Мадонна. — Почему, дорогая? Используйте мой страшный опытъ: я ужасно наказана. Не повторяйте его, не отталкивайте судьбы своей.. Почему?

— Но по тому же самому... — глухо сказала Вероника. — Я... я люблю его, но я изъ... Холливуда... Я какъ-то рассказывала вамъ о своей подругѣ, которая мучится этимъ окающимъ Холливудомъ и мечтаетъ, какъ бы ей съ мужемъ, съ настоящимъ мужемъ, уйти куда-нибудь... и чтобы у нея были свои малыши... и чтобы они дѣлали вмѣстѣ что-нибудь полезное... Я отъ стыда лгала вамъ. Никакой такой подруги у меня нѣтъ: это я сама. Но — этотъ путь закрытъ для меня... Холливудомъ...

И опять нестерпимо покраснѣла Красная Мадонна. И опустила свою прекрасную голову. Боже мой, Боже мой, сколько страшнаго зла надѣлала она, сколько тысячъ молодыхъ женщинъ будутъ потомъ проклинать ее! Какъ, какъ искупить ей свой страшный грѣхъ?!

И ночью, когда она молча гуляла по палубѣ съ мисте-ромъ Альфредомъ Стивенсъ, она взяла его вдругъ за руку и тихонько сказала:

— Другъ мой, которому я такъ страшно обязана... Я должна сказать вамъ... объ одной тайнѣ... я не смѣю мол-чать... Есть одно женское сердце, которое зоветъ васъ... не ваши миллионы, нѣтъ, она сама богата, а васъ, васъ самого зоветъ... Но оно боится... ранить васъ. Вы знаете страшную жизнь, вы добрый человѣкъ — можетъ быть, вы найдете въ себѣ силы...

Онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на ея блѣдное въ сіяніи звѣздъ лицо, потомъ взялъ обѣ ея руки, крѣпко сжалъ ихъ, по очереди поцѣловалъ одну, другую и прошепталъ:

— Я все, но... не фарисей. Спасибо вамъ. Я вамъ страшно долженъ. А теперь... я уйду...

Онъ ушелъ въ свою каюту, гдѣ со стѣны смотрѣлъ на него портретъ матери, строгой пуританки. И онъ, точ-но молча бесѣдуя съ ней, долго смотрѣлъ на нее мокрыми глазами. И вдругъ рѣшился, и вышелъ на палубу. Тамъ, на кормѣ, въ качалкѣ, глядя на звѣзды, протянулась стройная женская фигура. Онъ рѣшительно пошелъ къ ней и взять ее за руку:

— Вероника, я знаю, что вы знаете... — сразу за-путался онъ. — Вы знаете, что я хочу сказать вамъ... Да?

Она вся задрожала.

— Боюсь, что... да.

— Бояться не нужно. Я понимаю все. Я обдумалъ. Вероника, хотите быть моей женой?..

Она низко опустила голову.

— Я благодарю васъ отъ всей души, Альфредъ, но... но я не могу принять вашего предложенія... Мнѣ это очень больно, но я... не могу... никакъ не могу...

Они долго молчали.

— Я... я понимаю... — тихо сказалъ онъ. — Но... вы ошибаетесь. Я... легкомысленный человѣкъ, Вероника, я все, что хотите, но я... не фарисей... я камня... искать не буду... никогда... Моя мать... поможетъ мнѣ... Я жду... вашего рѣшенія...

Она, вся въ слезахъ, крѣпко сжала его руки.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, мой другъ... — глубокимъ, звенящимъ голосомъ проговорила она. — Рѣшительно нѣтъ. И не настаивайте — мнѣ и такъ больно... Уйдите пока... Потомъ...

Онъ, повѣсивъ голову, тихо отошелъ въ темноту, а она, точно надломленная, опустила голову на спинку скамейки и горько заплакала.

XLII

Большой моторный катеръ „Амфитрида“ быстро несся сонными, темными водами болотистой Марони въ зеленую глубь страны, гдѣ вдали, на самомъ горизонтѣ, виднѣлись невысокіе, лѣсистые холмы. Огненно-пестрыя арапарами перелетали рѣку съ одного берега на другой. Слѣва показались равнины, гдѣ французы сами разрабатывали золото, но Миша только презрительно покосился въ ихъ сторону. Маленькій Наполеонъ грозно хмурилъ брови, скрещивалъ на груди руки и все косился на Тициану: замѣчаетъ она его значительность или нѣтъ? Она замѣчала, но за его спиной тоже скрещивала грозно руки и значительно хмурилась на заросли и всѣ хохотали. А то возьметъ она легкій карабинъ губернатора и палитъ по небольшимъ крокодиламъ, которые, какъ чурки, валяются по илистымъ отмелямъ Марони. Крокодилы неизмѣнно уходили, но она божилась, что попала и что онъ, конечно, подлецъ, сдохнетъ на днѣ рѣки. Потомъ высадились и Миша со значительнымъ видомъ копалъ иль, разсматривалъ, промывалъ и качалъ головой. Туземцы, бѣлые и черные, дивились его методамъ, но онъ презрительно смѣялся: ужъ не думаютъ ли они учить сибиряковъ,

какъ искать золото!.. Ха-ха... Онъ рѣшилъ подняться на холмы. Взялись за топоры: лѣсомъ безъ топоровъ пробиваться впередъ было нельзя, чаща была невозможная и ліаны, переплетаясь, дѣлали путь совершенно невозможнымъ. Въ часъ едва проходили версту. Тиціана изнемогала, стонала, но не падала духомъ и на привалахъ предлагала всѣмъ на пари, кто скорѣе взберется по ліанамъ на верхъ стараго дерева, гдѣ кричали и гримасничали красныя обезьяны. Одну она застрѣлила, но когда та, раненая, упала на землю и стала стонать и дѣлать жалобныя мордочки, Тиціана разсердилась на идиотскій карабинъ, *damned thing*, швырнула его прочь и сказала, чтобы ей не смѣли больше давать этого проклятаго ружья: она не Томъ Миксъ! И вообще все это глупости... Но часто она вдругъ впадала въ задумчивость и, глядя предъ собой своими огромными глазами, неподвижно сидѣла, слушая лепетъ ручья. И — начинала кокетничать съ Наполеономъ. Миша слѣдовалъ за ней глазами всюду и всячески оберегалъ ее...

У подошвы цѣпи холмовъ, тянувшихся по южной границѣ Гвіаны, остановились лагеремъ. И незамѣтно Тиціана съ Мишей, забывъ обо всемъ, что сзади, поднялись на вершину одного изъ холмовъ. Тиціана сразу открыта между высокими деревьями въ ліанахъ настоящіе гамаки, приготовленные для нихъ природой, и предложила Мишѣ отдохнуть. И, закинувъ руки за голову, они сквозь прелестную путаницу вѣтвей смотрѣли въ голубую бездну палящаго неба и блаженно молчали.

— Миша, скажите: вамъ хорошо?..

— Очень хорошо, миссъ Тиціана.

— Не смѣйте звать меня миссъ Тиціаной! Зову же я васъ просто Миша? И вы зовите меня просто Тиц... — нѣтъ, не хочу, такъ звали меня всѣ въ Холливудѣ, а вы зовите такъ, какъ звали меня въ дѣтствѣ: просто Ти. Мое настоящее имя очень простое: Маргарита, но я, когда была маленькой, всегда звала себя Ти. И всѣ такъ меня звали. Правда, хорошо?

— Очень хорошо, миссъ...

— Миша!..

— Извините, Ти...

— Ну, вотъ. Вы милый. И мнѣ тоже тутъ съ вами очень, очень хорошо. Давайте, построимъ тутъ, какъ индѣйцы, вигвамъ и будемъ жить. Наплевать на всѣ эти кино и доллары. Вы будете ходить на охоту, а я буду варить вамъ супъ. Вы не думайте, немножко я умѣю это. Вѣдь въ дѣтствѣ я жила очень бѣдно и поневолѣ всему немножко выучилась: шить, варить, стирать, даже рубить дрова... А потомъ вотъ этотъ самый Холливудъ...

И она снова задумалась и живое личико ея омрачилось...

— Но скажите, миссъ Ти... Не буду, не буду...

— Не смѣйте ничего больше говорить, а то я сейчасъ зареву! — крикнула она. — У меня бываютъ дни, когда я вся точно одна болячка и тогда лучше не подходить ко мнѣ. Я дѣлаюсь зла, какъ оса. Лежите и молчите. Я сама скажу, когда можно говорить...

И они смотрѣли молча въ пылающую синь неба. И Миша — ему такъ хотѣлось прижаться лицомъ къ этимъ маленькимъ ножкамъ — сталъ считать: дважды двадцать — сорокъ три... Милая, золотая дѣвочка, какъ она вдругъ озарила всю его жизнь! Не хорошо, конечно, что онъ такъ сразу измѣнилъ той, первой, но та всегда немножко его какъ-то путала, а эта — о, солнышко мое милое!.. Дважды семь — сорокъ восемь, дважды восемь... позволь, братецъ мой, ты, кажется, сбился? Двадцать восемь... Что двадцать восемь? Неизвѣстно. Значить, надо сначала... Дважды два — четыре, дважды три — шесть, дважды шесть...

— Ну, нечего тутъ валяться, пойдѣмте въ лагерь... — сердито сказала Тициана. — А то Наполеонъ всѣ арміи свои подыметъ на розыски. Да, кстати: меня поражаетъ, что они всѣ такіе недогадливые. Вѣдь такъ ясно, что выкрали этого несчастнаго Костромина мы, а они шлютъ телеграммы во всѣ стороны. Мнѣ иногда кажется, что они нарочно притворяются, чтобы въ нуж-

ный моментъ сграбастать всѣхъ насъ сразу... У-у, жуть какая!..

Она завизжала и разсмѣялась. Онъ не сводилъ съ нея глазъ. Въ сердцѣ кишѣла горячая лава. Бѣшенныя, огневые слова просились съ этихъ пылающихъ губъ.

— А что намъ будетъ, если насъ изловятъ? А? Разстрѣляютъ или что? Я думаю, что разстрѣлать не посмѣютъ. Насъ, американцевъ, теперь вся Европа боится. Да. Но я ужасно рада, что мы такъ ловко всѣмъ имъ натянули носъ и что Костроминъ у нихъ на носу, а они... Ха-ха-ха...

— А-а, вы тутъ!... — раздалось совсѣмъ рядомъ. — А я васъ ищу вездѣ...

Оба взглянули на измѣнившееся лицо Наполеона, выходившаго изъ зарослей, и сразу поняли, что онъ слышалъ все. И похолодѣли.

— Но это недостойно джентльмена подкрадываться такъ... — вспыхнула Тиціана. — Мы могли говорить и по секрету...

— Не сомнѣваюсь... — усмѣхнулся тотъ. — Но ваши секреты, вѣроятно, при васъ и останутся. Губернаторъ поручилъ охрану вашей безопасности мнѣ и я долженъ исполнять свой долгъ. Удаляться такъ отъ лагеря неосторожно, миссъ Тиціана.

— Я не одна.

— Это все равно... Уже вечерѣетъ и осторожнѣе вернуться.

— Въ другой разъ я послала бы васъ, можетъ быть, очень далеко, но теперь я желаю вамъ показать, что мнѣ все равно и что я васъ нисколько не боюсь: можете важничать, сколько вамъ угодно...

Возвращались, раздраженные, молча. Всякій обдумывалъ, что дѣлать. И Тиціана нарочно потребовала, чтобы шли берегомъ рѣки и, когда залѣзли въ непролазные ліаны и пришлось взяться снова за топоры, она добралась къ Мишѣ и шепнула:

— Сейчасъ же отрядите кого-нибудь изъ поселенцевъ въ Кайенну и напишите, чтобы Костромину спря-

тали. Я съ ума сойду, если его изловить, благодаря мнѣ. Не жалѣйте никакихъ денегъ...

— Что? Опять секреты? — пожалъ плечами Наполеонъ. — Вы неисправимы.

— Вы — невоспитанный молодой человѣкъ...

Когда стемнѣло, туземный челнокъ быстро понесся рѣкою внизъ. Оба облегченно вздохнули. А на утро начались розыски золота. Миша хмуро качалъ головой — все указанія шли въ сторону голландской границы. Онъ приказалъ спуститься рѣкой нѣсколько внизъ, въ устья Djoeka-Creek, опять покопался хмуро въ илѣ и сказалъ, что надо итти ручьемъ вверхъ.

— Это невозможно... — холодно сказалъ лейтенантъ de Resteigne. — Мы и то уже забрались въ голландскія владѣнія...

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Пфа!.. — презрительно сдѣлалъ Наполеонъ и скрестилъ руки. — Но куда провалился этотъ окаянный Жанъ-Жакъ? Вы послали, что ли, его куда?

— Да. Еще съ вечера онъ поѣхалъ съ моимъ донесеніемъ къ губернатору и мистеру Стивенсу...

— Но... почему вы не предупредили меня?!... — вспыхнулъ Наполеонъ. — И я могъ бы имѣть сообщить что-нибудь въ Кайенну!

— Извините: не догадался. И еще разъ извините: вашъ тонъ мнѣ не нравится. Это — частная экспедиція, американская, я ея шефъ, вы же прикомандированы къ намъ только для охраны и я рѣшительно не обязанъ доводить до вашего свѣдѣнія о томъ, что я дѣлаю.

Онъ не выносилъ маленькаго Наполеона за то, что тотъ все выставлялся передъ Тицианой.

Наполеонъ понялъ, что онъ опростоволосился, какъ дуракъ. Гонецъ за ночь, конечно, ушелъ, Богъ знаетъ куда. А опростоволосился онъ потому, что онъ все раздумывалъ, какъ бы на этомъ маленькомъ служебномъ дѣлѣ стать большимъ человѣкомъ. Онъ понималъ, что простое донесеніе его губернатору вызоветъ только смѣхъ: богатѣйшіе американцы, одинъ пріѣхалъ отъ Пуанкарэ на

крейсерѣ, и кто станетъ тутъ слушать его, маленькаго командира маленькаго миноносца? А съ другой стороны онъ все же своими ушами слышалъ, что болтала эта американская сорока. Онъ теперь терпѣть ея не могъ: предпочтеніе, которае она отдавала этому русскому франту, явно говорило ему, что въ головѣ у нея — вѣтеръ. И вообще пустая бабенка, какъ всѣ онѣ эти, холливудскія... Но тѣ, конечно, успѣютъ каторжника спрятать. Проворонилъ!

— Что же вы теперь намѣрены предпринять? — холодно спросилъ онъ у Миши. — Разъ дѣло ведетъ васъ въ голландскія владѣнія, то нечего тутъ разсиживать...

— Я долженъ ждать распоряженій отъ мистера Стивенсъ и господина губернатора... — сурово отрѣзалъ Миша. — А пока я проверю свои данныя розысками на французской территоріи... Имѣю честь кланяться... — поклонился онъ Наполеону. — Спасень... — шепнулъ онъ Тиціанѣ, проходя мимо.

— Вы — мой герой!.. — шепнула она ему. — Но обрубите эту ліану.

— Зачѣмъ?

— Ахъ, Боже мой! Затѣмъ! Ну, скорѣе... Вотъ такъ, на метръ отъ земли... Подсадите меня. Такъ. А теперь раскачивайте изъ всѣхъ силъ... Я хочу чувствовать себя обезьяной... Въ нашемъ ремеслѣ все нужно знать. Но сильнѣе же!..

И она завизжала и засмѣялась: такъ было восхитительно-страшно, что душа въ пятки уходила. Наполеонъ презрительно усмѣхнулся и, скрестивъ руки, сталъ сурово смотрѣть въ тихія, черныя воды сонной Марони...

XLIII

Получивъ по утру донесеніе отъ Миши, Стивенсъ, по своей привычкѣ, сталъ скрестя въ затылкѣ: неужели все теперь сорвется?! И тутъ же рѣшилъ: сдѣлать обыскъ на яхтѣ не посмѣютъ. Но надо все же бра-

та предупредить и пусть онъ пока переведетъ Костромина въ контрабандный погребъ. Тамъ все оборудовано великолепно. Ничего, пусть потерпитъ: слаще будетъ свобода.

Онъ рѣшилъ пойти побесѣдовать съ губернаторомъ, но только отворилъ онъ дверь, какъ услышалъ энергичные шаги старика.

— А я къ вамъ, дорогой мой... — сказалъ старикъ.
— И вы получили донесеніе отъ экспедиціи?

— Какъ же. Дѣло скверно: все указываетъ на то, что главные мѣсторожденія находятся на голландской территоріи. Надо будетъ войти въ соглашеніе съ голландской компаніей, пока они не добрались до главного мѣсторожденія.

— Прекрасно. Жаль, но дѣлать нечего. Ты что? — строго обратился онъ къ своему пожилому лакею съ баками.

— Срочная телеграмма мистеру Стивенсъ, ваше превосходительство.

— А-а... Давай.

— Вы разрѣшите, генераль?

— Но разумѣется.

Стивенсъ вскрылъ телеграмму и вытянулъ губы.

— Вотъ такъ номерокъ!..

— Въ чемъ дѣло?

— А вотъ посмотрите.

Въ телеграммѣ стояло: „На золотыя розсыпи, открытыя нами на Сѣверномъ Кавказѣ, напали большевики. Нашъ представитель тамъ немедленно выступилъ съ предложеніемъ сдать концессию намъ. Совнаркомъ, крайне нуждаясь въ средствахъ, предлагаетъ очень выгодныя условія. Необходимо ваше немедленное возвращеніе въ Нью-Йоркъ“.

— Вотъ ужъ подлинно не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь!.. — засмѣялся генераль. — Это тѣ самыя розсыпи, которыя открылъ вашъ Миша?

— Да.

— Какой молодецъ!..

— Ваше превосходительство, разрешите вызвать мнѣ брата обратно... — сказалъ Стивенсъ.

— Но... на что же вамъ мое разрѣшеніе? — удивился тотъ.

— О результатахъ изысканій въ устьяхъ Djoeка-Среск я долженъ телеграфировать шифромъ — вотъ на что мнѣ нужно ваше разрѣшеніе. Если тамъ все узнаютъ, то дѣло можетъ быть сорвано.

— Но разумѣется...

И полетѣла шифрованная телеграмма въ Парамарибо: „Немедленно возвращайся. Обрати серьезное вниманіе на этотъ разъ на погребъ“.

А вдоль по сонной рѣкѣ полетѣлъ новый катеръ съ вѣстью къ Мишѣ: „Розыски пока оставьте, зайдемъ потомъ съ голландской стороны. Все въ порядкѣ.“

Съ запада пришла красавица-яхта. Братъ пошептались немного: а mighty joke, чортъ ихъ совсѣмъ возьми! Это все паршивый Наполеонъ изъ ревности настроилъ.

— Я не буду я, если я не отшибу ему его орлиный носъ!.. — сердито сказалъ Джо.

Вскорѣ зашумѣла въ гавани и вернувшаяся экспедиція. Миша былъ чрезвычайно взволнованъ, а Тиціану узнать было нельзя: подъ глазами ея были синія тѣни, она похудѣла и часто раражалась неудержимыми слезами. Вероника и Красная Мадонна понимали, въ чемъ дѣло, безъ всякихъ словъ и окружили бѣдную самымъ теплымъ уходомъ.

А Наполеонъ, надѣвъ парадную форму, предсталъ предъ губернаторомъ.

— Ваше превосходительство, я имѣю основаніе думать, что вся эта интернаціональная компанія есть шайка мошенниковъ и фальшивомонетчиковъ... — отчеканилъ онъ. — И я увѣренъ, что бѣжавшій русскій фальшивомонетчикъ находится у нихъ на яхтѣ. Разрѣшите произвести тамъ обыскъ.

Губернаторъ долго смотрѣлъ на него круглыми, сумасшедшими глазами.

— Мнѣ жаль васъ, мой милый... — тихо сказалъ онъ. — Не хватилъ ли васъ тамъ солнечный ударъ? Или, можетъ, приступъ лихорадки былъ? Вы бредите наяву.

— Ваше превосходительство, разрешите произвести обыскъ и вы убѣдитесь въ правотѣ моихъ словъ.

Губернаторъ густо покраснѣлъ.

— Еще разъ говорю, милый мой: мнѣ васъ жаль. Ваши фантазіи извѣстны всѣмъ. Можетъ быть, благодаря имъ, и попали вы на станціонера въ Гвіану. Предупреждаю васъ: если это будетъ продолжаться, то вы можете попасть куда и похуже. Не вредите своей карьерѣ. Бросьте нездоровыя мечтанія... Вамъ все хочется отличиться, но вы, другъ мой, вмѣсто того, чтобы ударить по лошади, все бьете по оглоблямъ. Бросьте вздоръ и отправляйтесь къ исполненію вашихъ прямыхъ обязанностей. Господи Боже мой: знаменитые миллионеры прибываютъ сюда на французскомъ крейсере, съ ними знаменитѣйшія кино-звѣзды, имя и красота которыхъ извѣстны каждому мальчишкѣ, и вотъ является французскій офицеръ и объявляетъ ихъ... бандой фальшивомонетчиковъ! Подите, опомнитесь и я и на этотъ разъ забуду все. Ф-фу!

Наполеонъ вспыхнулъ. Выпрямился.

— Ваше превосходительство, я официально заявляю вамъ теперь, что скрывшійся преступникъ находится на яхтѣ... если, впрочемъ, его не успѣли спустить въ Парамарибо на берегъ. Но обыскъ необходимъ. Если вашему превосходительству неужгодно будетъ дать ходъ этому официальному заявленію, я донесу въ Парижъ.

Генераль — онъ былъ вспыльчивъ чрезвычайно — схватилъ со стола чугунное прессъ-папье и въ бѣшенствѣ тарарахнулъ имъ объ полъ.

— Самое правильное было бы васъ арестовать и отправить съ первымъ пароходомъ въ Парижъ, въ сумасшедшій домъ... — загремѣлъ онъ. — Но я хочу излѣчить васъ на мѣстѣ — я вамъ въ отцы гожусь, да-съ!... — отъ ва-

тихъ больныхъ мечтаній о несбыточныхъ splendeurs*), для васъ уготованныхъ. Помните: каждый шагъ вашъ лежитъ на вашей отвѣтственности. Я запрещаю вамъ нести этотъ вздоръ, если бы даже вся каторга очутилась на яхтѣ Стивенсовъ. Нѣтъ, надо же додуматься!.. — зло захохоталъ онъ. — Стивенсы — фальшивомонетчики! Тиціана д'Асти, Вероника Стэлла — темныя личности! Васъ связать надо, сумасшедшій вы человекъ!..

Но Наполеонъ потому и былъ Наполеономъ, что свои планы онъ проводилъ въ жизнь съ упорствомъ дьявола, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ для другихъ. И маленькій командиръ миноносца въ бѣшенствѣ ушелъ отъ „старого дурака“, долго метался, скрестивъ руки, по своему суденьшку и, наконецъ, рѣшилъ: онъ откроетъ преступника вопреки губернатору, правительство признаетъ его гениальность и, смѣстивъ эту старую шляпу, поставитъ губернаторомъ Гвіаны его. И это будетъ, конечно, первымъ шагомъ: его замѣтятъ, онъ выдвинется, а тамъ...

И ему рисовались въ пороховомъ дымѣ равнины Европы, императорскіе орлы во главѣ несущихся лавиной полковъ, его приказы по арміи, которые сотрясаютъ всѣхъ — Іена, Ваграмъ, Аустерлицъ, Москва, Пекинъ, Вашингтонъ, Лондонъ, Каїенна... *Sacré nom vieux retard**) — ты у меня еще попляшешь!..

XLIV

На яхтѣ кипѣли приготовленія къ отвалу: телеграмма изъ Нью-Йорка не позволяла медлить. Всѣ были возбуждены. Костроминъ то дремалъ, то читалъ романы въ своемъ уютномъ уголкѣ среди полковъ всякихъ бутылокъ. Изрѣдка за перегородкой онъ слышалъ легкое, знакомое шуршаніе платья и тогда по сердцу его проходила теплая волна: она давала ему знать, что все благополучно, что

*) *Блескъ.*

**) *Старый зорты.*

она около, что она думаетъ о немъ, любить его, что скоро лучезарная свобода. И вдругъ къ трапу подошелъ катеръ, и въ полной парадной формѣ на палубу поднялся маленькій Наполеонъ.

— Мистеръ Стивенсъ?

— Yes, sir.

Мистеръ Стивенсъ старшій уже шелъ ему навстрѣчу съ любезною улыбкой и дружески протянутой рукой.

— Радъ видѣть васъ лишній разъ... — сказалъ американецъ. — Еще немного и мы будемъ лишены этого удовольствія...

— Вы очень любезны, мистеръ Стивенсъ... — поклонился съ достоинствомъ морякъ. — Но... я хотѣлъ бы имѣть съ вами наединѣ серьезный разговоръ...

„Ахъ, чортъ тебя совсѣмъ возьми!...“ — подумалъ тотъ и любезно улыбнулся: — Прошу васъ...

Молодой морякъ церемонно занялъ мѣсто въ креслѣ передъ американцемъ. Тотъ подвинулъ ему ящикъ чудесной гаванны.

— Итакъ?

— Мы мужчины, мистеръ Стивенсъ, и потому намъ не подобаетъ тратить лишнихъ словъ въ серьезномъ дѣлѣ... — строго началъ офицеръ. — Я имѣю серьезныя основанія предполагать, что именно на борту „Амфитриды“ скрывается бѣжавшій съ каторги фальшивомонетчикъ и, можетъ быть, даже — если каторжникъ не убилъ его — и помощникъ старшого...

Стивенсъ съ достоинствомъ всталъ.

— Вы изволите говорить отъ имени губернатора или...

— Нѣтъ. Мой визитъ не оффиціальны. Но это дѣла не мѣняетъ.

— Никакого фальшивомонетчика на борту у меня нѣтъ... — строго сказалъ Стивенсъ. — Но, извините, это дѣло такого рода, что я не нахожу возможности обсуждать его съ вами съ глазу на глазъ.

Онъ надавилъ кнопку звонка.

— Но... — попытался-было помѣшкать морякъ.

— Извините, хозяева здѣсь, пока мы вами не арестованы, мы. Смитъ, — обратился онъ къ вошедшему старому матросу. — Ты попросишь всѣхъ моихъ гостей сейчасъ же собраться на палубѣ по важному дѣлу.

— Yes, sir.

— Въ самомъ дѣлѣ, я не могу же ручаться за порядочность всѣхъ моихъ гостей... — обратился онъ съ холодной насмѣшкой къ моряку. — Въ самомъ дѣлѣ, вполне возможно, что миссъ Тиціана или миссъ Вероника держутъ негодяя у себя въ комодѣ съ бѣльемъ...

Ноздри его раздувались. Глаза метали молніи. И онъ на себя удивлялся: у него положительно есть сценическій талантъ!

— Прошу васъ...

На палубѣ были уже всѣ налицо. Личико Тиціаны пылало негодованіемъ и презрѣніемъ. Она не удостоила моряка поклономъ.

— Ladies and gentlemen, — началъ съ достоинствомъ мистеръ Стивенсъ, — господинъ лейтенантъ de Resteigne, командиръ здѣшняго французскаго станціонера, явился ко мнѣ — правда неофициально — съ обвиненіемъ, что мы на борту „Амфитриды“ укрываемъ бѣжавшаго съ каторги фальшивомонетчика. Прежде, чѣмъ обратиться по этому дѣлу къ господину губернатору, я желалъ бы выслушать мнѣніе моихъ дорогихъ и уважаемыхъ гостей...

— Какой нахаль!.. — бросила презрительно Тиціана.

Маленькій лейтенантъ прожегъ ее наполеоновскимъ взглядомъ. И началъ чеканить:

— Въ такомъ случаѣ вы будете любезны, миссъ, здѣсь, передъ всѣми, объяснить мнѣ, что значать ваши слова — я ихъ слышалъ самъ, своими ушами — о томъ, какъ вы ловко надули французскія власти, какъ смѣшны онѣ, не видя, что бѣжавшій преступникъ находится у нихъ подъ носомъ... Господинъ Соймоновъ, вы, какъ офицеръ, надѣюсь, не откажете подтвердить, что эти слова были произнесены миссъ д'Асти въ бесѣдѣ съ вами въ заросляхъ, во время экспедиціи...

— Но если вы джентлменъ, — бросилась въ бой съ пылающими глазами Тиціана, — то если вы — нечаянно, хочу я думать — и услышали то, чего вамъ слышать не слѣдовало, вы обязаны дѣлать видъ, что вы не слышали ничего....

Онъ не считъ нужнымъ отвѣтить красавицѣ и слова. Онъ хотѣлъ уничтожить ее.

— Мосье Соймоновъ, я жду вашего свидѣтельства...

— Да, миссъ Тиціана д'Асти эти слова, дѣйствительно, произнесла... — сказалъ Миша.

— Итакъ?... — холодно прищурился на красавицу морякъ.

Она дерзко расхохоталась ему въ лицо.

— Да ослин... Пардонъ, пардонъ!.. — спохватилась она. — Я и сама не люблю непарламентарныхъ выражений... Пардонъ! Но, несчастный вы человѣкъ, это были слова изъ... моего новаго сценарія!..

И она закатилась хохотомъ опять.

— Сценарія? Какого сценарія? Ничего не понимаю...

— Насъ съ Мишей поразилъ побѣгъ его компанріота, совпавшій съ приходомъ „Амфитриды“, и мы стали вмѣстѣ придумывать романическій сценарій: какъ богатая американка полюбила вдругъ бѣднаго русскаго офицера, который пошелъ изъ-за нея на каторгу, какъ рѣшила спасти его, какъ наняла яхту и проч. Выходило страшно чувствительно — я все время ревѣла! Дѣла у Миши плоховаты и я хотѣла, пользуясь моимъ положеніемъ въ Холливудѣ, провести его сценарій. Онъ получилъ бы около десяти тысячъ долларовъ — на первое время хватило бы... Безтолковый вы человѣкъ!.. Не угодно ли: мистеръ Стивенсъ въ союзѣ съ кино-звѣздами въ роли освободителя страшныхъ преступниковъ! Ха-ха-ха... Господа, а? Ха-ха-ха... Будь я трижды повѣшена, если я видала когда-нибудь еще такого... я не люблю непарламентарныхъ выражений, но одинъ разъ можно: такого олуха!

Всѣ хохотали. Наполеонъ стоялъ, какъ оплеванный. Въ самомъ дѣлѣ, губернаторъ, можетъ быть, и правъ: его

фантазія, дѣйствительно, мѣшаетъ иногда его карьерѣ. Наполеонъ, тотъ, настоящій, вѣроятно, обдумывалъ шаги хладнокровнѣе. Скверное дѣло!

— Я только исполнилъ свой долгъ, господа... — съ достоинствомъ сказалъ онъ. — Если служебное рвеніе на этотъ разъ повело меня по ложной дорогѣ, то... прошу извиненія за безпокойство...

И, отдавъ общій, весьма церемонный, поклонъ, молодой морякъ спустился по трапу на катеръ и тотъ, распыравъ воду носомъ, быстро понесся къ дремлющему миноносцу... Наполеонъ, скрестивъ руки на груди, мрачно и значительно смотрѣлъ передъ собой.

— Миша... Господа, не расходиться! Мы съ Мишей сейчасъ исполнимъ на радостяхъ танецъ команчей. Ну, Миша...

— Но я никогда, миссъ...

— Не миссъ, а какъ?

— Ти.

— Прекрасно. Теперь дальше. Вы никогда не плясали военной пляски команчей? Такъ? Но умѣть рѣшительно ничего не надо. Успѣхъ зависитъ только отъ воображенія. Вы преслѣдуете врага, — скажемъ, Наполеона, — вы берете его въ плѣнъ, вы ударомъ томагавка вдребезги разворачиваете ему голову такъ, что мозги...

— Но, миссъ Тиціана... — поморщился Джо.

— Но все это вѣдь въ воображеніи только, my old fellow!..*) — бросила ему нетерпѣливо Тиціана. — А чувствительны, не смотрите. Ну, Миша, смотрите... А если откажетесь, не буду говорить съ вами недѣлю.

И тоненькая фигурка съ огромными, гнѣвными глазами бросилась въ пляску команчей. Миша, поднявъ обѣ руки кверху, крутился и подпрыгивалъ на мѣстѣ. Она носилась вокругъ него, какъ фурія. И вдругъ бросила:

— Къ чорту команчей! Вы ничего не умѣете... У васъ нѣтъ никакого воображенія... Вы больше похожи на

*) *Старина.*

проповѣдника изъ воскресной школы, чѣмъ на пылкаго команча... Джишъ!.. Смотрите на меня!

Маленькій Наполеонъ издала увидѣлъ это ея бѣснованіе. И что-то безъ словъ, но властно, внѣ всякихъ сомнѣній, сказало ему:

— Они торжествуютъ. Почему? Ясно: потому, что провели его...

И онъ поклялся орлами старой гвардіи, что онъ добычи своей все-таки не упуститъ и введетъ въ ихъ сценарій нѣсколько очень эффектныхъ, чорртъ меня совсѣмъ возьми, сценъ! И снова величественно скрестивъ на пламенной груди руки, онъ лихорадочно сталъ обдумывать, что онъ долженъ теперь дѣлать. Прежде всего сейчасъ завтракъ у губернатора для отъѣзжающихъ, а потомъ обѣдъ на яхтѣ для губернатора и „Амфитрида“ заѣмнить въ море...

Спать было нельзя.

XLV

Когда онъ, чуть не опоздавъ, явился на завтракъ къ губернатору, тамъ стоялъ среди гостей неумолкаемый смѣхъ и летало проклятое словечко: сценарій. На молодого героя со всѣхъ сторонъ смотрѣли смѣющіеся глаза — только старый губернаторъ нахмурилъ свои бѣлья, кустистыя брови и сердито отвернулся: этотъ бѣшенный мальчишка положительно способенъ вызвать международныя осложненія. Не угодно ли?.. И онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ поклона моряка.

— Mesdames... Messieurs... прошу васъ...

Всѣ разсѣлись за длиннымъ столомъ. Скоро захлопали пробки. Сердечность тостовъ зажигала всѣхъ. Съ особымъ восторгомъ принять былъ тостъ губернатора за прекрасныхъ золотопромышленницъ: пусть предпріятіе ихъ пока не удалось, но стоитъ ли имъ жалѣть о такихъ пустякахъ — вѣдь онѣ сами дороже всякаго золота! И, когда маленькая Тиціана расцѣловала старика въ обѣ щеки,

всѣ устроили ей бурную овацію... Много сердець заставили затуманиться три красавицы сѣвера, но ни одна не пожалала все же такой обильной жатвы вздоховъ, взглядовъ, словъ, мечтаній, какъ маленькая Тиціана.

И распростились до свиданія на яхтѣ сегодня же вечеромъ.

Тамъ, на палубѣ, былъ сервированъ роскошный обѣдъ. Всѣ столы были украшены цвѣтами. И снова безкровная канонада бутылокъ изъ Реймса, и снова тосты, и бурныя рукоплесканія.

— А я хочу тоже непременно сказать тостъ... — вдругъ поднялась Тиціана. — Я хочу пить за маленького дерзкаго офицера — не за какого-нибудь опредѣленнаго маленькаго и дерзкаго офицера, нѣтъ, а за маленькаго, дерзкаго офицера вообще. Потому что, господа, если бы маленькій капраль Буонапарте — да, да, я довольно читала о немъ!.. — не былъ дерзокъ, не было бы у васъ, французовъ, и Наполеона, которымъ вы всѣ почему-то такъ хвалитесь. Маленькіе офицеры, значитъ, должны быть дерзки, должны хотѣть быть большими орлами, иначе что же это будетъ? Иначе всѣ они лейтенантами и кончатъ свой вѣкъ. Но только, господа, маленькіе, дерзкіе офицеры не должны путать жизнь и... сценаріи въ одно — разъ, и не должны смотрѣть они такимъ волкомъ на бѣдныхъ, маленькихъ женщинъ, которыя, право, не питаютъ ни къ нимъ, ни къ кому никакихъ недобрыхъ чувствъ. За маленькихъ, дерзкихъ офицеровъ, господа! Губернаторъ мой, вы и хмуритесь, и смѣтаетесь — это нехорошо, такая двойственность. Я хочу, чтобы вы только смѣялись и чтобы вмѣстѣ со мной и со всѣми пили за маленькихъ, дерзкихъ офицеровъ... Ура!.. Господинъ командиръ стаціонера, а вы что же?.. Миша, а вы? Развѣ вы тоже не маленькій, дерзкій офицеръ? Я непременно хочу, чтобы вы были когда-нибудь главнокомандующимъ всѣхъ русскихъ армій. Обязательно! А для этого надо быть прежде всего дерзкимъ.

Застолица хохотала и шумѣла. Ни одна фильма, въ которой выступала маленькая Тиціана д'Асти, не дѣлала

еще ей столько поклонниковъ, какъ это ея выступленіе въ роли застольнаго оратора. Она въ упоеніи пила этотъ ѳиміамъ сердце, но нѣжны и неотрывны были ея прелестные глаза отъ того конца стола, гдѣ сидѣлъ Миша. Онъ поклонился ей. Это было бы просто неприлично, эти его взгляды, но въ волнахъ всеобщаго ѳиміама его тихое поклоненіе было незамѣтно. Только одна она видѣла ихъ и была вся огонь.

Уже сѣло въ пышности необыкновенной солнце за океаномъ, уже вспыхнуло по всей „Амфитрида“ электричество и цвѣтные лампіоны, уже затеплились вверху звѣзды, а пиръ все кипѣлъ. Но всему бываетъ конецъ. И — старый губернаторъ не безъ волненія всталъ:

— Итакъ, господа...

Все зашумѣло.

— Да, къ сожалѣнію, пора... — сказалъ мистеръ Джо.
— Но напоследокъ еще разъ и отъ всего сердца: three cheers for the belle France. Хипъ-хипъ-хипъ...

— Уррра!.. — рвануло по палубѣ.

— Хипъ-хипъ-хипъ...

— Уррра!..

— Хипъ-хипъ-хипъ...

— Уррра!..

И во весь ростъ выпрямился старый губернаторъ съ бокаломъ въ рукѣ:

— Въ послѣдній разъ и отъ всего сердца за Соединенные Штаты, самую могущественную державу въ мірѣ...

— Хипъ-хипъ-хипъ...

— Уррра!

— Хипъ-хипъ-хипъ...

— Уррра!

— Хипъ-хипъ-хипъ...

— Ура-ра-ра-ра!..

Крѣпкія рукопожатія, объятія, смѣхъ, слова прощанія, дружескія увѣренія и одинъ за другимъ зашумѣли катера отъ красавицы-яхты. И звѣзды качались по черной водѣ... У маленькаго Наполеона злорадно раздувались ноздри: н-нѣтъ, торжествовать погодите!

По палубѣ поднялась суета. Послышалась спокойная команда капитана Кэнфильда, топотъ ногъ. Рѣзко застрекотала въ тишинѣ лебедка, подымавшая якоря. Застучалъ глухо моторъ, забурлили винты за кормой и, раздвигая теплую, сіяющую голубыми огнями воду, „Амфи-трида“ повернулась носомъ къ океану.

— Впередь!.. До полного!..

И закачались надъ острыми мачтами серебряныя паникадила созвѣздій.

— Итакъ, спасенъ? — тихонько уронила Тиціана.

— Какъ будто...

— Альфредъ, Джо, пусть меня немедленно линчуютъ, но вы — самые прекрасные милліонеры на свѣтѣ. Я должна непременно поцѣловать васъ обоихъ. Отъ имени всѣхъ. Вотъ такъ. И разъ, и два, и три... А теперь скорѣе Костромина наверхъ. Онъ, вѣроятно, мучился тамъ, когда мы уписывали всѣ эти чудесныя вещи...

— О, darling, увѣряю васъ, что нашъ милый фальшивомонетчикъ ни забытъ, ни обиженъ не былъ... — захохоталъ Джо. — Но зовите его наверхъ... Пусть подышитъ. Какая ночь!.. Какія звѣзды!.. И если бы не подагра въ пяткѣ, я охотно сплясалъ бы съ вами джигъ, Тиціана...

Снизу поднялся Костроминъ. Онъ былъ блѣденъ. Всѣ глаза устремились на него. Онъ твердымъ шагомъ подошелъ къ братьямъ Стивенсъ и протянулъ имъ руки.

— Нѣтъ, начинать надо сначала... — сказалъ тихо Альфредъ.

Онъ понялъ и протянулъ руки Красной Мадоннѣ. Она, вся въ слезахъ, протянула ему свои. И долго такъ стояли они, точно забывъ обо всемъ...

— Ну, ну... — сказалъ Джо. — Такъ долго нельзя. И мы всѣ хотимъ shake-hands съ фальшивомонетчикомъ...

Засмѣялись взволнованно. И всѣ крѣпко жали руку Костромина...

— Но... помните уговоръ: долларовъ вы никогда не должны фабриковать!

— Нѣтъ, нѣтъ, только франки!

— Зачѣмъ же только франки? Можно и фунты. Это и много выгоднѣе и... дядюшкѣ подсмолить хвостъ никогда не мѣшаетъ...

— Хорошо. Тогда и фунты.

И всѣ разсѣлись въ удобныя кресла на палубѣ, и молчали, глядя въ звѣздныя бездны. И тихи, и печальны были старшій Стивенсъ и прекрасная Вероника, и оба чувствовали печаль одинъ другого, и отъ этого души согрѣвались. А передъ сномъ Джо пошелъ къ капитану на мостикъ. Ему не понравилось выраженіе лица маленькаго Наполеона при отъѣздѣ и онъ на всякій случай рѣшилъ принять нѣкоторыя мѣры.

— Обычнымъ курсомъ на Нью-Йоркъ намъ итти было бы неосторожно... — сказалъ онъ тихо. — Надо немножко измѣнить его. И прибавьте ходу: намъ нужно поскорѣе достичь нашихъ водъ.

— Понимаю: пойдѣмъ на Порто-Рико...

Въ машину заговорили звонки и сразу подъ острымъ носомъ „Амфитриды“ усилился шумъ воды...

XLVI

Утро было солнечное, но на океанѣ шла мертвая зыбь. Тиціана была особенно нервна и весела, но подъ глазами ея были синіе круги. Внимательное ухо легко ловило во всемъ этомъ надрывъ — она звенѣла, какъ дорогой, треснувшій сосудъ. Ей становилось все болѣе и болѣе страшно. Тамъ, въ Холливудѣ, она была королевой. Ею играли, ее засыпали дорогими подарками, бѣшенными гонорарами, головокружительными контрактами, передавали одинъ другому, почти какъ вещь, и все это очень шумно, блестяще, какъ будто забавно, все это оглушало и не давало опомниться. И главное: всѣ такъ дѣлають. Что тутъ такого? И вотъ вдругъ изъ пустынь жизни надвинулось на нее свѣтлое облако и изъ таинственной глубины его слышался зовъ Его, призывающаго ее къ какому-то новому, ослѣпительному, неизвѣданному счастью и она, какъ Ева

въ раю послѣ того, какъ отвѣдала она отъ запретнаго плода, вдругъ съ ужасомъ узнала, что она страшно гола, что не въ чемъ ей выйти навстрѣчу Грядущему. Она не знала, что дѣлать, не спала, мучилась и чувствовала себя одновременно и на краю рая, и на краю гибели.

Разговоры о ней и ея скрытой, но всеѣмъ видной драмѣ на яхтѣ не прекращались. Но говорить было ужасно. Было страшно и ихъ, молодыхъ, ранить неосторожнымъ прикосновеніемъ, но было страшно обѣимъ женщинамъ задѣть и себя со своимъ страшнымъ прошлымъ, и близкихъ и дорогихъ избранниковъ своихъ, о тайной мукѣ которыхъ не зная, не догадываться онѣ обѣ не могли. И говорили съ глазу на глазъ, боязливymi полунамеками и торопились скорѣе тему эту бросить. Пусть обѣ онѣ раньше не только „ничего особеннаго“ въ этомъ не видѣли и даже гордились своими „побѣдами“, теперь, когда судьба готовила раздавить на ихъ глазахъ два молодыхъ сердца, и когда ихъ прошлое стояло на пути къ ихъ собственному счастью, ихъ точка зрѣнія сама собою должна была измѣниться: жизнь взглянула на нихъ строгими очами своими и обѣ смутились...

— Но... Но, можетъ быть, мы волнуемся напрасно... — набравшись смѣлости, сказала разъ наединѣ тихо Вероникѣ Красная Мадонна. — Можетъ быть, она.... не испила еще... изъ этой вашей чаши?..

Та только горько размѣялась...

И всѣ со страхомъ ждали, что будетъ...

— Мистеръ Костроминъ, въ честь вашего спасенія я предлагаю сейчасъ же послѣ ленча устроить олимпійскія игры. Выступать будемъ мы съ Мишей. Первымъ номеромъ будетъ: дѣти воздуха. Мы будемъ съ Мишей лазить по веревкамъ и всячески карячиться. Кто будетъ смѣлѣе и замысловатѣе, тотъ будетъ, конечно, побѣдителемъ...

Она вообще очень часто любила лазить съ Мишей по снастямъ, и „карячиться“, и висѣть, и раскачиваться.

— Нѣтъ, сегодня я этого не разрѣшаю... — сказалъ

мистеръ Джо. — Волна большая и легко можетъ случиться несчастье...

— Тѣмъ лучше!.. — зазвенѣла Тиціана. — А вамъ-то что? Ну, все равно, не будемъ, Миша, спорить съ тираномъ. Тогда будетъ совершенно новая attraction: бой на шлангахъ... Ну вотъ, которыми поливаютъ при мытьѣ полъ... Мы беремъ каждый по этой кишкѣ и, бросая впередъ струю, наступаемъ одинъ на другого.

— Перестаньте, Тиціана! — разсердился Джо. — Это нелѣпость. Вы не представляете себѣ, какъ это больно, если струя ударить въ лицо...

— Я была вѣжлива съ вами, Джо, и разъ уступила, но если вы, тиранъ, думаете, что я буду уступать вамъ всегда, то будь я трижды повѣшена моимъ губернаторомъ, если я васъ слушаюсь!.. Отстаньте! Вооружившись, мы поведемъ наступленіе одинъ на другого издали и посмотримъ, кто первый дастъ тягу... Ну?

Возражать не рѣшались. Всѣ чувствовали надрывъ. Жалъ было всѣмъ ее нестерпимо. Но, Боже мой, что же было дѣлать?!

И вотъ съ помощью смѣющихся матросовъ Тиціана наладила все дѣло и, треща струей, пошла, какъ бы съ длиннымъ, серебрянымъ мечемъ, на Мишу. И остановилась.

— Если я замѣчу, Миша, — строго сказала она, — что вы лукавите, щадите меня, нашей дружбѣ конецъ. Начинайте!

И Миша съ длиннымъ трещащимъ мечемъ пошелъ на нее. Въ минуту они были мокры до нитки. Она хотала.

— Не смѣть въ ноги!.. крикнула она, хохоча. — Не смѣть лукавить!..

И водяная струя ея уперлась въ грудь противника. Онъ растерялся, задыхаясь въ потоцѣ воды и выронилъ рукавъ.

Она въ бѣшенствѣ бросила шлангъ и вдругъ зарыдала:

— Вы злой! Вы нарочно отравляете мнѣ всякое удовольствіе... Я не хочу такъ!.. Но я не дамъ вамъ пощады. Давайте тамъ ведра, эй!.. Живо! Берите, Миша, ведро. И облейте меня съ головы. Не смѣть колебаться и жантильничать — я такъ хочу!.. Ну?

Смущенный Миша долженъ былъ повиноваться.

— Еще ведро!.. — топнула она ножкой. — Такъ. Еще!.. Ну, теперь я вижу, что вы послушный... Бѣжимъ переодѣваться, а потомъ будемъ качаться на вантахъ. Живо!

И она скоро вышла изъ каютки своей вся нѣжная и бѣлая, какъ невѣста.

— По вантамъ!.. — крикнула она. — Такъ. А теперь ложитесь спиной къ вантамъ и будемъ лежать неподвижно, и океанъ будетъ качать насъ...

И долго, молча, качались они въ воздухѣ надъ водой. И чувствовала она, какъ медлительно ползетъ на нее сіяющее облако и вотъ-вотъ раздастся зовущій голосъ.

— Миша... — нѣжно прозвучалъ ея голосокъ въ высотѣ. — Миша, скажите: если я вдругъ... умру, вамъ будетъ очень больно?.. Или только немножечко?

Онъ весь затрепеталъ, поворотился на вантѣ лицомъ къ ней и, вставивъ въ рамку веревочной лѣстницы свое вдругъ побѣлѣвшее лицо, тихо уронилъ:

— Если бы вы знали, какую боль причинили мнѣ... ваши... отвратительныя слова, вы... никогда не посмѣли бы... произнести ихъ...

И бѣлое лицо перекосилось въ судорогѣ невыносимаго страданія.

— Нѣтъ... — нѣжно, тихо, настойчиво, глядя на него огромными, полными любви глазами, проговорила она. — Я хочу знать... какъ именно будетъ вамъ больно... дѣйствительно ли непереносимо?.. Я знаю, что да, но какъ?.. Я помогу вамъ... Я скажу первая... Если бы вы... даже не умерли, а... только... разсердились бы на меня и уѣхали, то я... я... вы знаете, что я сдѣлала бы?

— Нѣтъ... — едва выронилъ онъ.

— Я немедленно отравилась бы. Вотъ что я говорю

вамъ. Я знаю, что это такъ не говорятъ, что это неприлично, но я должна вамъ сказать все...

Огромная волна подняла и плавно опустила „Амфитриду“. Мачта сдѣлала глубокий наклонъ и выпрямилась. Она восторженно засмѣялась.

— Правда, хорошо?

И сейчасъ же испугалась: такъ ново было его блѣдное лицо.

— Ти... — едва выговорилъ онъ. — Вы меня давно мучаете... Если бы вы не были такъ богаты, а я такъ нищъ, то я давно сказалъ бы вамъ одно огромное слово...

Она вся замерла въ восхищеніи и ужасѣ. Ничего подобнаго она не испытывала никогда: Господь былъ въ облакѣ, рядомъ и облако закутало ее всю.

— Мои богатства мѣшаютъ вамъ?.. Только это?.. Но такъ какъ я хочу... боюсь и хочу смертельно это слово услышать, то... вотъ вамъ для начала...

Она вся содрогнулась отъ наплыва огневой страсти. И, летая надъ бездной то черезъ правый бортъ, то черезъ лѣвый, она начала снимать съ пальцевъ огромные изумруды, — они такъ шли къ ея прелестнымъ глазамъ — бриллианты и одинъ за другимъ драгоценные перстни полетѣли въ могучія волны...

— Вотъ... Пойдемъ внизъ и я сейчасъ же при васъ выброшу въ оксанъ и мою книжку вкладовъ въ Американъ Экспрессъ, и чековую, и мои мѣха, и всѣ мои контракты, мои туалеты все — до послѣдней нитки. И тогда, когда я стану совсѣмъ нищей, я потребую отъ васъ взамѣнъ всего этого... одно слово... Идемъ!

— Погоди... — сказалъ Миша, голова его кружилась... — Если такъ, если ты будешь нищей... то я... я упаду предъ тобой на землю, буду цѣловать бѣлыя ножки твои и буду умолять тебя — стать моей женой. Ты вся жизнь моя... Ты осмѣлилась спросить, что со мной будетъ, если ты... умрешь... — весь затрепеталъ онъ. — Я умру немедленно у ногъ твоихъ. Но не о смерти намъ надо говорить, а о жизни. И я жду твоего отвѣта...

Она смотрѣла, качаясь, въ огромную пустоту, отку-

да шелъ къ ней этотъ голосъ Господа, призывающій ее къ жизни, и въ дивныхъ глазахъ ея стоялъ ничѣмъ невыразимый восторгъ и священный ужасъ. Она и не подозрѣвала, что жизнь такъ огромно-прекрасна. Задохнуться можно отъ счастья, умереть... Онъ опалялъ ее, оглушенную, словами своими, но она не понимала ничего... Но вотъ постепенно въ огромныхъ глазахъ ея стало проступать что-то новое, жуткое, холодное, темное. И — быстро, какъ туча, заволокло ее всю. Какъ на смерть раненая чайка, она издала чуть слышный, жалобный стонъ и быстро, быстро, какъ только одна она умѣла, заскользила по веревочной лѣстничкѣ внизъ, пробѣжала палубой и, вся ужасъ, скрылась въ своей кабинкѣ.

Миша готовъ былъ рвать на себѣ волосы. „Вотъ осель!.. Вотъ дуракъ!.. И надо же было такъ напугать ее. На вантахъ, осель, сталъ говорить ей о своей любви... О, осель, осель, осель!..“

И онъ медленно слѣзъ съ вантъ и, повѣсивъ голову, скрылся въ своей кабинкѣ.

Нѣсколько паръ глазъ украдкой отмѣтили все. И всѣ поняли, что — началось...

XLVII

— Мистеръ Стивенсъ, какое-то судно зоветъ на помощь... — доложилъ вдругъ рыжій телеграфистъ. — Прикажете отвѣтить?

— Свяжитесь. Но будьте осторожны. Впрочемъ, я иду съ вами...

Они вошли въ маленькую комнатку безпроводного телеграфа. Было душно. Рыжій телеграфистъ взялся за аппаратъ.

— Связь установлена, сэръ.

— Назовитесь другимъ именемъ и спросите, гдѣ они и что случилось?

— Yes, sir... — отозвался тотъ и взялся за аппаратъ. — Ему отзывается нѣсколько судовъ и съ островныхъ

станцій... — сказалъ онъ. — И онъ говоритъ, что тревога была преувеличена, но что онъ хотѣлъ бы знать, не встрѣчали ли они яхты „Амфитриды“...

— А-а... — улыбнулся Стивенсъ. — Ну, такъ я и думалъ... Замѣчайте внимательно, что будутъ отвѣчать и точно записывайте... Я сейчасъ вернусь. Милый капитанъ, — обратился онъ къ Кэнфильду, — мы еще не въ американскихъ водахъ?

— Нѣтъ, но, надѣюсь, будемъ тамъ завтра утромъ...

— Прекрасно. А теперь самымъ полнымъ ходомъ: насъ преслѣдуетъ Наполеонъ.

— All right!

— А я бѣгу на телеграфъ...

Заработали усиленно моторы. Въ душной, крошечной комнаткѣ расшифровывались отвѣты незримыхъ кораблей одинъ другому. Миноносецъ яхту нащупалъ и въ короткомъ, заключительномъ „мерси“ Наполеона слышалось торжество. Но и у Джо раздувались ноздри.

— Ну, погоди еще, мой милый! Посмотримъ... „Амфитрида“ и не такихъ ходяковъ оставляла за собой...

И онъ глазами, полными вызова, шарилъ по горизонту. Но пока ничего не было. Скверно было только одно: миноносецъ былъ какъ будто не очень далеко.

— Но и мы отъ Порто-Рико тоже недалеко... Хотѣлось бы мнѣ устроить маленькому Наполеону нашему новое маленькое Ватерлоо. Жаль, бѣдной Тиціанѣ не до того, а то она побесѣдовала бы съ нимъ по душамъ...

Яхта летѣла. Телеграфистъ часто спускался къ мистеру Джо и доносилъ ему о преслѣдованіи противника. Тотъ, благодаря другимъ кораблямъ, которыхъ встрѣчала „Амфитрида“, не терялъ слѣда и, шовидимому, не терялъ и энергіи.

— Вотъ дьяволенокъ!.. — не безъ удовольствія думалъ Джо. — Это его гость Тиціаны такъ разжегъ...

По палубѣ тревожно пробѣжала горничная.

— Бѣда, бѣда... — обратилась она къ Красной Мадоннѣ, которая, погрузившись въ тяжелыя думы, лежала въ

креслѣ на палубѣ. — Съ барышней очень нехорошо. Я думаю, вамъ слѣдовало бы пройти къ ней, Madame...

Красная Мадонна быстро встала, обмѣнявшись тревожнымъ взглядомъ съ Костроминымъ и другими и своими маленькими, энергичными шагами почти побѣжала внизъ.

И остановилась у двери каюты Тиціаны. Въ каютѣ слышались задавленные рыданія, полныя безконечной боли. Она постучала. Отвѣта не было. Она тихонько приотворила дверь. Тиціана, точно надломленная, валялась на коврикѣ у своей койки и вся тряслась...

— Тиціана... Милая...

Рыданія усилились. Маленькое, изящное, какъ игрушка, тѣло все содрогалось. Ей точно хотѣлось выбросить изъ себя какъ-то страшное раздирающее душу горе свое, освободиться, но...

— Тиціана... Я пришла къ вамъ, какъ другъ. Вы знаете, какъ обязана я вамъ... — тихо, вся въ слезахъ, говорила, опустившись на колѣни около нея, Красная Мадонна. — Я... я такъ понимаю... ваше горе...

Тиціана подняла съ коврика свое распухшее и все мокрое лицо.

— Что вы понимаете?.. — испуганно уронила она.

— Я понимаю ваше горе... И я вѣдь — она вся поблѣхла — прошла черезъ... это... Боже мой, Тиціана, милая... если бы я только могла быть полезна вамъ!..

Тиціана смотрѣла на нее красными, сумасшедшими глазами, въ которыхъ было безконечное отчаяніе и боль.

— О... чемъ вы говорите? — пролепетала она. — Я не понимаю васъ... Я...

— Я говорю о томъ, о чемъ вы плачете... — еще тише проговорила Красная Мадонна. — Вы по страданію милая, бѣдная сестра моя... Не отталкивайте меня. Можетъ быть, я... поговорила бы съ... нимъ... осторожно, мягко?..

Тиціана взвилась.

— Не смѣйте и думать объ этомъ!.. — крѣпко ухвативъ ея руку мокрой рукой своей, крикнула она. — Слы-

шите? Вы — безумная! Вы не знаете его... — она прорывалась рыданіями. — Онъ... онъ убьетъ себя... Я скажу, что не могу выдти за него... просто... и онъ постепенно забудетъ... но сказать... Вы съ ума сошли! Весь ужасъ въ томъ, что я... безъ него жить не могу, не хочу и не буду... Но у меня скорѣе языкъ вырвуть, чѣмъ я... признаюсь ему въ... этомъ...

И снова упала распухшимъ лицомъ въ коврикъ и мучительно зарыдала.

Слова не шли съ языка Красной Мадонны. Въ ней совершалась надъ ней казнь. Это — жертва „свободной любви“, которую она, Красная Мадонна, апостоль новой жизни, такъ усердно всю жизнь проповѣдывала. Пусть бѣдная дѣвочка не подозреваетъ даже о существованіи книгъ ея, о ея проповѣди, но — сколько милыхъ русскихъ дѣвушекъ, начитавшись всѣхъ этихъ мерзостей, точно такъ же вотъ бьются, можетъ быть, теперь въ душевной агоніи, въ отчаяніи, что избраннику своему онъ не могутъ принести чистой любви. Пусть часто избранники эти сами нечисты — такъ надо было ихъ поднимать, а не принижать сестеръ своихъ до равенства съ ними въ развратѣ... Неумолимый Судія никогда не гремѣлъ еще такъ въ опустошенной душѣ ея своимъ голосомъ, подобнымъ громамъ, какъ теперь. Это былъ настоящій Страшный Судъ. Она мнила себя авангардомъ человѣчества, а она просто жалкая преступница...

Она сидѣла рядомъ съ Тиціаной и мятко, нѣжно, матерински ласкала головку ея и вздрагивающія плечи и Тиціана, чувствуя ласку, чувствуя и ея горе, положила ей голову на колѣни, и вся беззащитно прижалась къ ней. Красная Мадонна слышала, какъ осторожно, на цыпочкахъ, не разъ прошелъ корридоромъ мимо двери Костроминъ и она чувствовала, что онъ съ ней, что онъ чувствуетъ казнь ея, жалѣетъ ее, любитъ ее. И по прекрасному лицу неудержимо катились слезы. Ему будетъ нестерпимо больно, когда узнаетъ онъ о ея намѣреніи въ глуши монастыря искупить свои, — ну, пусть не преступления, ибо этого намѣренія у нея не было, она хотѣла, какъ луч-

ше... — свои ошибки, которые стали источником тяжких страданій для тысячъ и тысячъ людей... Они, эти новые „мыслители“, — она яростно сжала губы — какъ смертоносные микробы, отравили собой весь воздухъ и вотъ — результатъ!

И такъ какъ говорить было невозможно, такъ какъ никакими словами поправить несчастья было нельзя, объ молча плакали слезами горя безконечнаго...

— Слушай, милая... — склонилась къ ней Красная Мадонна. — Слушай. У меня все-таки есть надежда. Онъ, дѣйствительно, тебя любитъ, очень любитъ — такъ не очистится ли въ огнѣ любви его все... это?.. Дай, позволь мнѣ говорить съ нимъ! Увѣрю тебя, я сдѣлаю это очень, очень мягко... Конечно, страдать онъ будетъ, ужасно будетъ страдать, но, перестрадавъ, вы оба воскреснете къ новой жизни. Тиціана, милая, позволь мнѣ сдѣлать это...

— Ни за что! — снова взвилась та. — Я предпочитаю умереть. Я предпочитаю, чтобы онъ надъ могилой моей плакалъ, какъ надъ могилой... чистой... той, которая его такъ... любила. Я не хочу осквернить сердца его страшными думами... Ни за что! И я тебя прошу: не дѣлай этого. Если ты сдѣлаешь, будетъ ужасная бѣда...

Красная Мадонна не выходила отъ нея весь день и, такъ какъ наступившая ночь не принесла бѣдной дѣвчкѣ облегченія, она осталась у нея и на ночь, кое-какъ примостившись на полу узенькой каютки...

И всю ночь лились страшныя слезы...

XLVIII

— За нами гонится военное судно, мистеръ Стивенсъ... — поздоровавшись съ Джо, сказалъ капитанъ Кэнфильдъ. — Кажется, старый знакомый...

И онъ съ улыбкой указалъ на густое облако дыма, затянувшее утренній горизонтъ.

— А какъ далеко мы отъ водъ Порто-Рико?

— Думаю, что совѣмъ близко. Въ полдень возьмемъ широту и долготу. А теперь надо уходить...

— Прекрасно...

Яхта измѣнила курсъ. Съ бакборта чуть виденъ былъ въ большомъ отдаленіи островъ, но неизвѣстно было, какой: яхта за ночь не разъ мѣняла курсъ. Яхта летѣла, но миноносецъ настигалъ. Въ полдень капитанъ самъ взялъ широту и долготу и улыбнулся съ мостика Стивенсу:

— Есть, мистеръ Стивенсъ!

— Прекрасно. Убавьте ходъ до нормальнаго, капитанъ. Теперь намъ торопиться некуда...

Миноносецъ настигалъ. Маленькій Наполеонъ, раздувая ноздри, не отрывалъ глазъ отъ стройной яхты. Онъ совершилъ актъ непозволительной дерзости: ушелъ въ погоню безъ разрѣшенія губернатора. Это могло обойтись ему очень дорого. Но онъ былъ совершенно твердо увѣренъ, что на этотъ разъ его никакими „сценаріями“ уже не проведутъ. И больше всего сердился онъ на авантюристку, которая назвалась, чтобы обморочить всѣхъ, Тиціаной д'Асти. Правда, нѣкоторое сходство у нея съ портретами Тиціаны было, но мало ли кто на кого бываетъ похожъ?.. И миноносецъ, яростно взламывая голубую воду, стремительно летѣлъ за „Амфитридой“. Да, старый дуракъ — такъ называлъ онъ про себя губернатора — будетъ-таки посрамленъ имъ. А тамъ онъ самъ будетъ губернаторомъ Кайенны, потомъ — и очень скоро — губернаторомъ Парижа, маршаломъ Франціи... И вотъ снова въ сѣро-розовыхъ дымахъ онъ увидѣлъ французскихъ орловъ, летѣвшихъ впередъ отъ побѣды къ побѣдѣ... И — не видѣлъ ничего, что ему видѣть слѣдовало бы теперь прежде всего.

И вотъ насталъ желанный моментъ. Миноносецъ поровнялся съ „Амфитридой“ и — открылъ свои пушки. Стукнулъ холостой выстрѣлъ.

— Стой... — загремѣлъ маленький Наполеонъ въ рупоръ. — Иначе я открою огонь...

Яхта застопорила. Къ борту широкими шагами по-

дошелъ Джо Стивенсъ въ сопровожденіи Альфреда и капитана.

— Well? — небрежно бросилъ онъ. — Это опять вы, маленькій Наполеонъ? How do you do?

— У васъ на борту находится бѣжавшій съ Кайенны преступникъ, — строго зазвучало съ миноносца по сіяющей глади моря. — Если чрезъ пять минутъ онъ не будетъ выданъ, я потоплю яхту.

— Капитанъ... — сказалъ Джо.

Капитанъ, обернувшись, сдѣлалъ знакъ матросамъ и въ ослѣпительномъ сіяніи солнца развернулось и горделиво заплескало звѣздно-полосатое знамя.

— Никакихъ преступниковъ на борту моей яхты нѣтъ... — четко сказалъ американецъ. — И ставлю вамъ на видъ, господинъ офицеръ: мы находимся не только подъ защитой американскаго знамени, но и въ — американскихъ водахъ...

— Не можетъ быть!.. — опѣшилъ маленькій Наполеонъ.

— Увы! Вы брали сегодня широту-долготу?

— Нѣтъ.

— А мы взяли. И кромѣ того я уже нахожусь въ телеграфной связи съ нашими базами. Если вы будете продолжать дурачиться, я попрошу одинъ изъ нашихъ крейсеровъ поторопиться. Вы помните тостъ Тиціаны? Она была права, милая дѣвочка: маленькій офицеръ долженъ дерзать. Но если маленькій, дерзкій офицеръ пойдетъ отъ Ватерлоо къ Ватерлоо, то, согласитесь, онъ никогда не будетъ Наполеономъ. Прощайте... Желаю вамъ отъ души эдакого хорошаго Ваграма, Аустерлица, Іены...

— До полного!.. — бросилъ капитанъ въ машину и „Амфитрида“ презрительно пошла отъ пристыженнаго и безмолвнаго миноносца.

Онъ, отъ стыда точно сдѣлавшись меньше, точно прижавшись къ водѣ, выбросилъ густое облако чернаго дыма и пошелъ къ далекимъ берегамъ Гвіаны... Съ губернаторомъ будутъ, значитъ, крупныя непріятности. Несносный онъ старичишка, въ концѣ концовъ!..

Тиціана погибала въ самомъ черномъ отчаяніи. Ни измученная Красная Мадонна, ни смѣнявшая ее иногда Вероника не могли ничего съ ней подѣлать. На борту всегда веселой „Амфитриды“ воцарилась гнетущая тишина. Миша день и ночь, повѣсивъ голову, мѣрилъ шагами палубу. Онъ рѣшительно ничего не понималъ. То готова была она, чтобы услышать отъ него заветное слово, побросать всѣ свои милліоны въ море, то, когда онъ это слово — правда, глупо, по-мальчишески, на вантахъ!.. — сказалъ, она вдругъ совсѣмъ скрылась отъ него и ей — это явно по суетѣ, которая идетъ вокругъ ея каюты — плохо. Что такое?..

Отъ прежней Тиціаны, очаровательнаго бѣсенка, осталась только тѣнь съ огромными, страшными глазами. Она почти не говорила. Слушала все, но молчала. Вероника въ тысячный разъ умоляла ее позволить имъ, ея друзьямъ, переговорить съ Мишей. Она, какъ всегда, яростно взвилась:

— Не смѣйте!.. — и вдругъ неожиданно для себя бросила: — Что помогутъ тутъ твои слова?.. Онъ добрый, благородный человѣкъ, но... но если у насъ будутъ дѣти, то... что же, ты скроешь отъ нихъ... Холливудъ? Или какъ?..

Вероника молча опустила голову. Тиціана, понявъ, что она сдѣлала, бросилась передъ ней на колѣни, рыдала, просила прощенія и умоляла оставить ее: они измучили ее...

Но въ глубинѣ маленькой, милой души ея гдѣ-то далеко, далеко таилась надежда, что они не послушаютъ ея запрета, переговаривать съ нимъ, и все какъ-то постепенно успокоится, онъ проститъ, милый, благородный, необыкновенный, и она набожной и горячей любовью своей залѣчитъ его раны, и снова передъ ней раскроются солнечныя дали.

Красная Мадонна первая угадала эти мечты молодой,

милой, опаленной грозой головки и съ замирающимъ сердцемъ рѣшила взять на себя починъ въ жуткомъ дѣлѣ.

— Миша... — блѣдная, позвала она молодого офицера, когда онъ, исхудавшій и новый, въ сумеркахъ мѣрять шагами палубу въ сторонѣ отъ всѣхъ. — Я хотѣла бы поговорить съ вами о... Тицианѣ. Я не могу молчать, потому что она просто не выдержитъ больше... страданій...

— Такъ что же отъ меня нужно? — урюмо и печально сказалъ онъ. — Почему всѣ что-то отъ меня скрываютъ? Она страдаетъ? Такъ если для избавленія отъ ея страданій нужна отъ меня вся кровь моя, возьмите!

— Нужно больше... много больше... — тихо уронила Красная Мадонна.

— Но что, что?.. Говорите же прямо!..

— Нужно, чтобы вы собрали въ одно весь вашъ умъ, всю вашу доброту, все ваше благородство, всю вашу любовь къ ней и все это бросили бы, какъ буюкъ, ей, погибающей въ морѣ самаго страшнаго отчаянія. Поймите... Сядьте рядомъ со мной... — прервала она себя. — Такъ будетъ лучше. И дайте мнѣ вашу руку... обѣ руки... какъ ма... какъ вашей тоже очень несчастной сестрѣ... Вы это знаете?.. — вынула она изъ своей сумочки трехцвѣтную ленту, къ которой была приколота надпись: „отъ врага“. — Мы съ вами друзья давно. И я сберегла это, какъ... берегутъ то, что дорого... Вы знаете мое прошлое... И вотъ все же человѣкъ, котораго я... люблю, нашелъ въ себѣ силы... все простить, все покрыть своей любовью... и мы... если не счастливы, то... то все же... кошмаръ... Нѣтъ, я не могу говорить объ этомъ!..

— Ахъ, Боже мой, какъ вы меня мучаете!.. — вырвалось у Миши. — Въ чемъ дѣло? Что она, тоже была революционеркой, что ли, анархисткой, что на ея рукахъ кровь, что ли? Въ чемъ дѣло?.. Какъ можетъ она бояться меня, когда она знаетъ, какъ она мнѣ дорога, что она... жизнь моя... Я поцѣлуями смоемъ все...

— Все ли, Миша?

— Все... — твердо отвѣчалъ онъ.

— Проверьте себя, Миша... Такъ ли это?

— Такъ...

Она перевела дыханіе.

— А что... если она до васъ... любила... — она съ величайшимъ усиленіемъ выговорила это слово — другого?..

Миша нахмурилъ брови, стараясь уловить скрытый смыслъ ея словъ, который онъ чувствовалъ. И вдругъ онъ быстро всталъ. Сухо хрустнули суставы пальцевъ, которые онъ крѣпко сжалъ. Онъ былъ блѣденъ такъ, какъ будто въ немъ не было уже ни единой капли крови.

— Ну, что же вы... молчите? — чуть дохнула Красная Мадонна, съ отчаяніемъ чувствуя, что „любить другого“ и прошлое Тиціаны совсѣмъ не одно и то же, что она страшно запуталась и не знаетъ, какъ выбраться. — Помните, что я вамъ говорила: нужно собрать весь вашъ умъ, всю доброту, все благородство, всю любовь и, какъ боекъ, кинуть ей все это — и скорѣе. Она погибаетъ.

— Я... я... да, я готовъ...

У нея закружилась голова. Было мучительно, что она повела его по ложной дорогѣ. Но начатое нужно было кончить, и скорѣе, во что бы то ни стало. Онъ весь дрожалъ и глаза его были, какъ у сумасшедшаго. Она снова взяла обѣ руки его, крѣпко ихъ сжала.

Мелькнула мысль: а что, если, для его блага, обмануть его, если остановиться на нечаянно вырвавшейся у нея лжи, что она „любила другого“... одного?... И любила по-настоящему, дѣйствительно, а не за изумруды, не за контракты, не за газетныя хвалы... Но что будетъ потомъ, когда откроется для него вся правда? И не лучше ли не сквернить молодой любви ихъ, всей ихъ молодой жизни ложью, которая никогда во спасеніе, въ концѣ концовъ, не бываетъ?.. И не лучше ли кончить начатую операцию сразу?

— Да... У нея... есть... — она перевела дыханіе — прошлое... — чуть выговорила она. — Она — артистка... — заторопилась она. — И надо знать тотъ міръ, чтобы... понять... Но что съ вами?.. Миша, милый!

Онъ вырвалъ у нея руки и смотрѣлъ на нее безумными глазами, задыхаясь.

— Ахъ, вотъ... Но я... не... Да, я слышалъ, что... всѣ такія... бываютъ доступны... всѣмъ... Но я никакъ... не ожидалъ, что Ти... — онъ широко раскрылъ ротъ и сжалъ кулаки. По искаженному лицу бѣжали слезы. — Я вѣдь боготворилъ... ее... Нѣтъ! — вдругъ крикнулъ онъ. — Я не вѣрю вамъ... Все это вздоръ. Пусть она сама скажетъ... все это... И тогда... Пустите меня... къ ней!..

Онъ рванулся внизъ въ каюты. Она не препятствовала: лучше кончить скорѣе. Она была въ ужасѣ. Но что же было дѣлать?.. Куда и какъ спрятаться отъ судьбы?

— Но, Миша, милый... будьте осторожны...

Онъ стоялъ уже на порогѣ. Въ противоположномъ углу, забившись, въ ужасѣ стояла Тиціана. По лицу его она видѣла, что онъ уже знаетъ все и что вотъ сейчасъ онъ убьетъ ее. Не жизни ей было жаль, а муки его бездонной. А онъ смотрѣлъ въ это бѣлое, безъ кровинки, лицо, въ эти огромные, недавно полные жизни и радости, а теперь страшные глаза умирающей и сразу, въ молніи, понималъ, что страшная правда — правда. Но не боль крушенія мечты своей чистой и святой, не злоба къ ней, его обманувшей, поднялись вдругъ въ душѣ его — въ ней пробудилась вдругъ жалость. Онъ вдругъ, точно въ молніи, почувствовалъ, угадалъ, что должна теперь чувствовать она, онъ видѣлъ, что не осталось отъ нея въ два-три дня и тѣни прежней Ти, и совершенно неожиданно для себя онъ широко раскрылъ ей объятія. Она молча, пестрымъ вихремъ, метнулась къ нему, прижалась къ груди его защитно, и вдругъ тихонько поползла на полъ: она была безъ чувствъ.

L.

На яхтѣ все затаило дыханіе. Радостная надежда, что все уладится, окрыляла всѣхъ.

— Ахъ, какъ было бы хорошо... — говорилъ Джо. — Сразу бы у насъ сыграли двѣ свадьбы. И тогда всѣ тарарахнули бы, можетъ быть, на „Амфитридѣ“ въ Европу...

— Что, или римскаго папу повидать захотѣлось? — пошутила Вероника.

— Нѣтъ, папу я видѣлъ: ничего особеннаго... — отвѣчалъ онъ. — Старичекъ непремѣнно хочетъ, чтобы я всѣ эти его штуки принималъ всерьезъ. Это, по моему, просто невѣжливо. А вотъ, можетъ, со Сталинымъ я побесѣдовалъ бы...

— Но это совершенно такой же папа... — сказала Красная Мадонна. — И тупица чрезвычайная...

— Но намъ остается еще далай-лама, Ганди, Кришнамурти, докторъ Экенеръ...

— Well, на первый разъ я стоялъ бы за Кришнамурти. Интересно, какъ чувствуетъ и смотритъ на мѣръ мессія...

— Только бы поправилась скорѣе бѣдная Тиціана...

— Бѣдная дѣвочка!..

А въ маленькой каюткѣ Тиціаны величественно свершались вѣдѣнія Рока. Она неподвижно, пластомъ лежала на своей койкѣ, а около нея сидѣлъ, сгорбившись, Миша. Не было и слѣдовъ радости на ихъ исхудавшихъ лицахъ — наоборотъ, въ серьезности и печали ихъ чувствовалась обреченность. Въ душѣ Миши стояли — не боролись, а только стояли тучами — два чувства: бездонная жалость къ этой бѣдной, замученной дѣвочкѣ и ясное сознание, что никогда, никогда не сможетъ онъ забыть то, что онъ о ней узналъ, что никакими поцѣлуями и слезами не сотретъ онъ съ нея слѣдовъ нечистыхъ, обезьяньихъ лапъ, которыми захватана ее жизнь, и что поэтому никогда не сможетъ онъ сдѣлать ее не только счастливой, а даже просто дать ей немножко отдохнуть. И она огромными, страдающими глазами своими читала на его потухшемъ лицѣ приговореннаго къ смерти всѣ эти думы его и не могла ничего сказать, ничего сдѣлать, чтобы заставить его хоть на мигъ забыть о нихъ. И часто на глазахъ ее нали-

вались крупные слезы и скатывались на кружевную подушку...

И разъ — былъ торжественный, сумеречный часъ — она за руку потянула его къ себѣ.

— Мы... — сказала она. — Мы... съ этимъ за плечами... жить не можемъ... Хочешь... мы умремъ вмѣстѣ?..

— Хорошо... — просто сказалъ онъ. — Но... какъ?..

— Но... у тебя же есть... револьверъ... Помнишь, мы стрѣляли изъ него въ заросляхъ въ цѣль, около горъ?

— Ахъ, да... Но... тебѣ не будетъ страшно? Видишь ли, Ти... я, думаю, ты права... по крайней мѣрѣ, относительно... меня. Мнѣ жить... невозможно...

— И мнѣ невозможно... — содрогнулась она. — Такъ что же ждать?.. Принеси его...

Онъ безвольно повиновался и принесъ въ ея каюту тяжелый, плоскій браунингъ. И снова сѣлъ около нея: такъ онъ усталъ отъ всего. А она неотрывно смотрѣла на него своими удивительными глазами и на кружевную подушку быстро-быстро скатывались крупные слезы... Каюта была вся залита торжественнымъ, розово-золотистымъ свѣтомъ заката.

— Солнце садится... — сказала она. — Я... хочу проститься... Поддержи меня...

И оба они, щекой къ щекѣ, приникли къ иллюминатору. Передъ ними въ красѣ несказанной раскинулся плающий океанъ и плающее небо. Міръ казался торжественнымъ преддверіемъ къ какому-то новому, еще болѣе торжественному и прекрасному, міру... И два молодыхъ, скорбныхъ лица въ послѣдній разъ ненасытно глядѣли въ него изъ узенькаго иллюминатора...

...На кормѣ, укрывшись отъ любопытныхъ взглядовъ, спрятались Красная Мадонна и Костроминъ. И они были печальны: она въ тяжкихъ бореніяхъ страстной, огневой души своей поняла, что, надѣлавъ столько бѣдъ, не можетъ же она наслаждаться безмятежнымъ счастьемъ... Да и будетъ ли счастье? Не даромъ же онъ, милый, такъ всегда печалень... И его думы шли печальными, осенними тучами близко къ ея думамъ. Онъ понималъ силу Ро-

ка, но подчиниться его рѣшеніямъ, даже и понимая, не всегда легко... А вѣдь все могло бы, казалось, быть иначе!.. И снова въ печальной душѣ вставало милое видѣніе сторѣвшихъ дней: старый городъ надъ голубой гладью озера, синяя Савойя, и прелестная, строгая, дерзкая дѣвушка, твердо увѣренная, что она знаетъ рѣшительно все...

...Шопотомъ, какъ заговорщики, тѣ, двое обреченныхъ, быстро, въ двѣ-три минуты, установили: сперва онъ убьетъ любимую, а потомъ — себя. Но сначала написали записку: „Простите насъ всѣ: мы иначе не могли. И всѣмъ за все спасибо отъ всего сердца!.. Похороните въ морѣ вмѣстѣ. Тициана, Миша“.

— Но мы должны проститься... — мокрымъ голосомъ, устало сказала она. — Ты... обнять меня... все же можешь?.. Не такъ ли?..

И онъ нѣжно обнялъ ее и поцѣловалъ въ — лобъ. Она цѣловала руки его, щеки блѣдныя и холодныя и, не смѣя коснуться сжатыхъ устъ, тихо, нѣжно коснулась холодными губами его лба. И откинулась на кружевные подушки, и, не спуская съ него удивительныхъ глазъ своихъ, полныхъ боли, какой-то мольбы, нѣжности бездонной, покорно ждала. А онъ, съ револьверомъ въ рукѣ, стоялъ, понурившись надъ нею и пилъ въ послѣдній разъ нѣжнѣйшую красоту эту.

— Ну?.. — чуть слышно уронила она. — Если тебѣ... трудно... я сама...

Онъ быстро поднялъ руку и между прелестныхъ глазъ — выстрѣлилъ. И, уронивъ револьверъ, схватилъ себя за голову: что я надѣлалъ?! Но было поздно. Спасенія не было. Онъ покрылъ ея холодящія ножки бѣшеными поцѣлуями и быстро поднялъ револьверъ. Въ корридорѣ уже слышались тревожные шаги. Онъ выпрямился, выстрѣлилъ себѣ въ лобъ и упалъ къ ея бѣленькимъ ножкамъ...

...Съ истерическими рыданіями первой ворвалась въ страшную каюту Красная Мадонна. Сразу она поняла все. Во всемъ виновата — она. И, заломивъ руки, съ

раздирающимъ душу воплемъ, она повалилась въ ихъ кровь...

...И когда аккуратный тючекъ, надъ которымъ Альфредъ прочелъ установленныя молитвы, скользнулъ въ теплыя, лазурныя волны, всѣ, похудѣвшіе, раздавленные, давясь слезами, разошлись по своимъ угламъ. Красная Мадонна едва держалась на ногахъ и молчала страшнымъ молчаніемъ. Казнь начинала превосходить и ея очень недюжинныя силы. Костроминъ уложилъ ее на койку, опустил около нея на колѣни и прижался лбомъ къ ея холодной рукѣ. Она отвѣчала ему чуть уловимой лаской...

LI.

Вся овѣянная грустью, „Амфитрида“ прибыла въ невѣроятный Нью-Йоркъ. Братья Стивенсъ настояли, чтобы Костроминъ и Красная Мадонна остановились у нихъ и у нихъ было бы совершенно бракосочетаніе — скромное, отъ всѣхъ скрытое. И начались незамѣтныя, но неотложныя дѣла. Первымъ дѣломъ Джо было написать письмо губернатору Кайенны: ихъ продѣлка все-таки какъ-то странно смущала покой ночей его. И Альфредъ сознался, что и ему какъ-то не по себѣ. Общими усилиями они составили и послали ему такое письмо:

„Господинъ губернаторъ, мы считаемъ своимъ долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ. Никакого золота мы у Васъ не искали — у насъ и своего дѣвать некуда. Мы приѣзжали къ Вамъ, чтобы спасти отъ гибели дѣйствительно невиннаго человѣка. Что онъ невиненъ, мы клянемся Вамъ памятью нашихъ стариковъ, честию собственной, именемъ нашей Родины, всѣмъ, чѣмъ Вамъ угодно. Вы слишкомъ старъ и опытный администраторъ, чтобы не знать, какъ часто бываютъ такія ошибки, вслѣдствіе несовершенствъ судебного аппарата. Въ этомъ насъ совѣсть не укоряетъ, конечно — наобо-

ротъ, мы немножко гордимся этимъ. Это, можетъ быть, единственное доброе дѣло, которое удалось намъ въ жизни сдѣлать. Намъ совѣстно, что мы столько времени обманывали Васъ, почтеннаго и уважаемаго нами человѣка. Мы просимъ Васъ простить насъ.

„И еще просимъ мы Васъ не мѣшать спасенному начать новую жизнь. Не поднимайте этого дѣла совѣмъ. Право, не стоитъ. Кончено и кончено. Но чтобы хоть чуточку искупить то, что мы тамъ попутно натворили, мы прилагаемъ Вамъ два чека, одинъ отъ брата, другой отъ меня, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была употреблена, подъ Вашимъ надзоромъ и руководствомъ, на устройство пріюта для престарѣлыхъ и обезсилѣвшихъ ссыльно-каторжанъ. И намъ хочется, чтобы было въ немъ уютное отдѣленіе для душевно-больныхъ: несчастный, строившій каменный моль чрезъ океанъ во Францію, не выходитъ у насъ изъ головы!.. Не сомнѣваемся, что Вы живо отзоветесь на это предложеніе.

„Въ заключеніе просимъ Васъ передать наши почтительныя извиненія маленькому Наполеону: онъ былъ въ своихъ подозрѣніяхъ правъ. Ошибался онъ только въ одномъ: онъ искалъ на яхтѣ преступника, а его — не было. Все-таки его неудача была не совѣмъ Ватерлоо для него. Это его утѣшить и дать ему возможность въ будущемъ, соблюдая большую осторожность, совершить, можетъ быть, дѣйствительно большіе подвиги...

„А теперь мы должны рассказать Вамъ о судьбѣ всѣхъ Вашихъ друзей...”

И они въ короткихъ словахъ рассказали ему о страшной драмѣ на „Амфитридѣ“.

И чрезъ нѣкоторое время прилетѣло изъ Гвіаны письмо:

„Очень тронуть. Къ сожалѣнію, не могу только передать порученія Наполеону. Я достаточно намылилъ ему голову, и пусть это такъ и остается. Иначе парень совсѣмъ собьется съ пути. Меня и то поражаетъ, что онъ до сихъ поръ не арестовалъ еще меня и не устроилъ пронуиціаменто. Вы знаете, въ Южной Америкѣ воздухъ напоенъ этимъ. Другой на его мѣстѣ давно свергнулъ бы иго стараго, безтолковаго губернатора, объявилъ бы себя монархомъ и, присоединивъ къ возставшей, наконецъ, Гвіанѣ Францію, львомъ бросился бы на Берлинъ, на Римъ, въ Испанію, всюду. Къ постройкѣ приюта будетъ приступлено немедленно. Прошу позволенія присвоить ему имя братьевъ Стивенсъ, благородныхъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣтилъ въ жизни моей. И на этомъ разѣ навсегда и для всѣхъ ставимъ на прошломъ крестъ. Обнимаю Васъ сердечно.

„P. S. — Сюда по ошибкѣ было прислано отъ правительства сообщеніе о награжденіи мистера Джо Стивенсъ крестомъ Почетнаго Легіона — провождаю его Вамъ.“

— А онъ славный старикъ... — сказалъ Джо.

— Yes... — кивнулъ головой Альфредъ. — Но... какъ же это ты не принялъ мѣръ противъ... Почетнаго Легіона?

— Но я никакъ не предполагалъ, что моя поѣздка на крейсерѣ заслуживаетъ такой высокой награды. Я награжденъ по... собственной оплошности... Жалѣю, но что же подѣлаешь? Ты не знаешь, миссъ Вероника поѣдетъ сегодня на взморье подышать?..

— Да. Забери ее съ собою.

Она жила у нихъ — такъ, безъ цѣли, потому что некуда дѣваться было. Изъ Холливуда прилетѣлъ взбѣшенный директоръ: когда же этому будетъ конецъ? Она забыла о неустойкѣ... Она съ отвращеніемъ смотрѣла на

жирного толстяка и, швырнувъ ему контрактъ, протоворила:

— Убирайтесь вонъ. Иначе я позвоню лакеямъ и они выведутъ васъ. Уходите. Можете подавать въ судъ и вообще продѣлывать все, что вамъ только вздумается...

Костроминъ съ женой съ помощью Стивенсовъ хлопотали о подданствѣ въ одной изъ южныхъ республикъ и о переимѣнѣ имени. Для Европы это было необходимо: не даромъ Оемида изображается ею съ завязанными глазами... Красная Мадонна продала одному американскому издателю свои будущіе мемуары и получила хорошія деньги. Деньги, которые у нея остались отъ поѣздки, — а ихъ было очень не мало — оба они рѣшили употребить на борьбу за Свободную Мысль отъ новаго, краснаго насилия. Лучшаго способа употребить эти рабоче-крестьянскія деньги было невозможно...

Оба они часто выѣзжали съ братьями Стивенсъ для осмотра всякихъ учреждений и предпріятій. Особенно интересовали Красную Мадонну американскіе рабочіе. Страшно поразило ее, какъ далеко были эти молодцы — съ золотыми зубами тоже — отъ всемірной революціи. Вотъ приобрести свой домикъ съ садомъ, купить маленькаго Форда для поѣздокъ на работу и съ работы, прокатиться въ дни отпуска на Ніагару, сыграть въ клубѣ занозистую партію въ покеръ, это было такъ.

— Конечно, они не совсѣмъ довольны нами или мистеромъ Фордомъ, — оскалился всѣми своими золотыми зубами Джо. — Но это только потому, что имъ весьма хочется попасть на наше мѣсто. Но есть и другое теченіе. Какъ разъ сегодня мой директоръ привезъ мнѣ чертежи и модель одного изобрѣтенія, сдѣланнаго однимъ молодымъ рабочимъ съ нашихъ заводовъ — удивительная голова! Завтра онъ обѣдаетъ съ нами. Золотыя горы ему обеспечены... Но... все же мнѣ было бы весьма пріятно отсюда удрать...

— Къ далай-ламѣ? — улыбнулась Вероника.

— Можно и къ далай-ламѣ. Отчего же? Онъ, вѣ-

роятно, все же узналъ что-нибудь интересное у себя въ горахъ. Поѣдемте съ нами!

— Если не надоѣла, съ удовольствіемъ.

— А вы, миссисъ и мистеръ Костроминъ?

— Намъ нельзя. Насъ въ Европѣ ждетъ большая работа.

И еще больше, чѣмъ рабочіе, поразили Красную Мадонну миллионеры...

Въ огромномъ дворцѣ своемъ братья занимали только по двѣ комнаты каждый, а въ остальныхъ покояхъ жила моль и тишина. И ясно чувствовалось, что никакого аппетита расшириться и возблестать ни у того, ни у другого рѣшительно не было, что богатство имъ просто уже пріѣлось и что, если съ одной стороны оно доставляло имъ неограниченныя возможности, то съ другой они часто явно тяготились имъ и безконечныя путешествія ихъ къ Муссолини или далай-ламѣ были только замаскированнымъ бѣгствомъ изъ этого роскошнаго дворца, въ которомъ имъ было нечего дѣлать. Автомобили Джо были самой высокой марки, но они составляли для него не столько источникъ удовольствія, сколько постоянного и чрезвычайнаго раздраженія.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ни говорите, а пѣшеходы это какая-то особая порода людей... — говорилъ онъ съ сердитыми глазами. — Вы, конечно, смѣтаете, а я говорю вамъ, что это такъ. Я держусь узаконенной стороны, я даю гудки всюду, гдѣ полагается, я даже никогда за рулемъ не разговариваю, и вотъ все же всей моею бдительности не хватаетъ для нихъ! Такъ вотъ и лѣзутъ, *damned souls**), подъ колеса, точно это для нихъ самое высшее удовольствіе на свѣтѣ. Нѣтъ, правительство наше ни къ чорту не годится. Это собраніе сонъ. Они должны, наконецъ, или совершенно запретить автомобили, или...

— Запретить пѣшеходовъ? — досказалъ Костроминъ съ улыбкой.

*) Проклятые.

— Ну, вы надо мной не смѣйтесь!.. — сердито блестя глазами, крикнулъ тотъ. — Я говорю о самомъ настоящемъ дѣлѣ...

— Короче: ты задавилъ опять кого-нибудь?.. — сказалъ Альфредъ.

— Совсѣмъ не задавилъ, а только сшибъ. Газетчика. И нужно было проклятому лѣзть подъ машину со своими погаными листками! Такая свинья...

— Улажено? — коротко уронилъ Альфредъ.

— Разумѣется...

— Но отчего бы вамъ, Джо, не поручить водить машину вашему шофферу? — сказала Вероника. — Вы всегда такъ раздражаетесь, что, право, вамъ такъ было бы въ тысячу разъ спокойнѣе... А вашъ Снайдерсъ надежный парень...

— Well... — посмотрѣлъ онъ на нее. — А въ самомъ дѣлѣ... Это мнѣ не пришло въ голову. Мнѣ все казалось, что давить проклятыхъ пѣшеходовъ долженъ непременно я самъ... Но все это, конечно, такъ, а все же намъ пора собираться въ Европу пока что. А тамъ видно будетъ.

Встрѣчала она, конечно, среди богатаго Нью-Йорка и акулъ съ желѣзными сердцами и стеклянными глазами, не знающими стыда, и такихъ акулъ было большинство и все ея существо по-старому при видѣ всей этой жадности, хищничества, жестокости становилось на дыбы, но жизнь уже смирила ее: она знала, что стоитъ этихъ акулъ столкнуть, какъ на ихъ мѣсто становятся другія, можетъ быть, еще худшія: страшный московскій урокъ она помнила... Да и сама она: развѣ какая-нибудь работница или крестьянка могла бы такъ спасти любимого человѣка, будь онъ хоть тысячу разъ невиненъ?!.. Ей дали силу прежде всего деньги, которыя очутились въ ея рукахъ только благодаря ея положенію привилегированный, аристократки новаго міра... Да, да, — тихо вздыхала она бессонными ночами — жизнь страшно запутана и трудно найти человѣку вѣрный путь въ ея жуткихъ лабиринтахъ...

ЭПИЛОГЪ

Солнечный берегъ Женевского озера. Справа виднѣется Лозанна съ ея прекраснымъ соборомъ, слѣва уходитъ въ ясное небо зубчатый Dents du Midi, на томъ берегу синѣетъ Савойя. Ширь, солнце, покой... И падаютъ, кружась, со старыхъ каштановъ золотые, рѣзные листья...

На террасѣ скромной вилочки, надъ водой сидятъ въ качалкахъ Костроминъ и его жена.

Тяжкое прошлое давитъ ихъ, какъ гора, и оба они большей частью молчаливы и печальны. Живутъ они отъ трудовъ своихъ, а на деньги, взятые Мадонной у большевиковъ, ставятъ все шире и шире издательство „С в о б о д н а я м ы с л ь“.

Въ раскрытое окно видно скромное убранство домика и на стѣнѣ, озаренный солнечнымъ лучомъ, прекрасный портретъ Тиціаны, какъ была она снята губернаторомъ въ Кайеннѣ: она зарылась прелестнымъ личикомъ своимъ въ букетъ розъ, а поверхъ цвѣтовъ смѣются ея удивительные глаза, полные ласки и счастья... Передъ ней всегда свѣжіе цвѣты. Противъ нея на стѣнѣ Миша со своей дѣвичьей улыбкой и застѣнчивыми глазами. И оба безъ словъ напоминаютъ Красной Мадоннѣ, что ей надо дѣлать... Теперь она правила начисто переписанные листы своихъ записокъ, а онъ читалъ Евангеліе — странную книгу, которая то отталкивала его своими нелѣпостями, то неодолимо влекла и трогала до глубины души драгоценными жемчужинами, разсыпанными по этимъ сѣдымъ страницамъ. И онъ читалъ:

„...Иисусъ, наклонившись низко, писалъ перстомъ на землю, не обращая на нихъ вниманія. Когда же продолжали спрашивать Его, Онъ, восклонившись, сказалъ имъ: „Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень...“ И опять наклонившись низко, писалъ на землю. Они же услышавъ то и будучи облигаемы совѣстью стали уходить одинъ за дру-

гимъ, нагиная отъ старшихъ до послѣднихъ. И остался одинъ Иисусъ и женщина, стоящая по среди. Иисусъ, восклонившись и не видя никого, сказалъ ей: „Женщина, гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя.“ Она отвѣтала: „Никто, Господи...“ Иисусъ сказалъ ей: „и Я не осуждаю тебя...“

Въ его сердцѣ кипѣли горячія слезы умиленія и восторга. Онъ посмотрѣлъ на жену. Она, опустивъ рукопись, задумчиво смотрѣла въ озерную даль. На лицѣ ея была тихая дума.

Она потянула его къ себѣ, прижалась лицомъ къ его рукѣ и оба неподвижно смотрѣли въ голубыя солнечныя дали, въ то время, какъ со старыхъ каштановъ тихо и нарядно падали вокругъ рѣзные, золотые листья...

По гравию захрустѣли шаги. То былъ почтальонъ. Было только два письма: отъ князя Лутохина, который разводилъ теперь надъ Парижемъ, на крохотной фермочкѣ, куръ и отъ Стивенсовъ изъ Канди, на Цейлонѣ. По дорогѣ сюда, въ колыбель ихъ любви, Костроминъ съ женой заѣзжали къ князю. Онъ жилъ въ одной комнатушкѣ и весь ушелъ въ куроводство. Куры его были удивительно ручныя и дрессированныя. Каждая носила свое имя: Аннушка, Хохлатка, Маруся, Чернушка и проч., по командѣ являлись получать изъ рукъ генерала кукурузы и по командѣ уступали свое мѣсто слѣдующей.

— Но вы смотрите изъ окна... — сказалъ князь. — А то онѣ очень застѣнчивы...

— Перестаньте выдумывать!.. — засмѣялась она. — „Застѣнчивы“!

— А я говорю вамъ, что это такъ... — упрямо сказалъ старикъ. — Когда нѣтъ чужого глаза, онѣ со мной, какъ мои дѣти, а какъ только явится кто, до свиданія! ничего не добьешься! Почему вы не допускаете, что онѣ могутъ быть застѣнчивы?..

Они провели у него весь вечеръ и князь весело и много рассказывалъ изъ тѣхъ сгорѣвшихъ дней, когда онъ

„толсто“ лаялъ въ паркѣ на крошечную, розовую Шурочку и та требовала отъ него еще и еще...

Теперь въ письмѣ онъ жаловался на недомоганіе и запрашивалъ, какъ тамъ у нихъ на солнышкѣ живетъ. Можетъ быть, онъ пріѣхалъ бы и поселился рядомъ: ужъ очень парижскіе политики его донимаютъ. Куръ своихъ, конечно, онъ захватитъ съ собой: онъ обучилъ ихъ всякимъ новымъ штукамъ. Но онъ попрежнему чрезвычайно застѣнчивы, — съ этимъ, повидимому, ничего подѣлать нельзя. А въ особенности — Аннушка...

Отъ Стивенсовъ на чудномъ бристоулѣ было только извѣщеніе о состоявшемся бракосочетаніи мистера Альфреда Стивенсъ съ миссъ Мэри-Блэнгъ Гамильтонъ, — это было настоящее имя Вероники Стэлла, — а на обратной сторонѣ билета карандашомъ, наспѣхъ, было написано:

„Не хочу упустить парохода, не пославъ вамъ привѣта. Завтра буду писать какъ слѣдуетъ. Видали далай-ламу: quite at nonsensical old char.*) Не совѣтую ѣхать въ Лхассу. Джо задавилъ вчера слегка одного матроса, но дѣло улажено. Обнимаемъ“.

И было на маленькой террасѣ солнечно и тепло... Костроминъ случайно взглянулъ на нераспечатанную парижскую газету, которую онъ бросилъ на столикъ. И вдругъ увидалъ:

„Аресты въ русской колоніи“.

Онъ развернулъ листъ измазанной краской бумаги и прочелъ:

„Вчера полиція арестовала небезызвѣстнаго въ Парижѣ г. Розенблюма, бывшаго старшаго секретаря совѣтскаго посольства.

Полиція давно слѣдила за нимъ, но раньше его охраняла дипломатическая неприкосновенность. При обыскѣ

*) Чепушистый старишка.

у него найдены были весьма крупныя суммы и замѣчательныя драгоцѣнности, о происхожденіи которыхъ онъ не пожелалъ сказать ничего. Въ тотъ же вечеръ арестованъ былъ и его другъ, полковникъ Стишинскій, который выдавалъ себя за генерала и который въ недавно основанномъ банкѣ своемъ, подъ знакомъ серпа и молота, велъ весьма сомнительныя операціи. И у него обнаружены большія средства въ валютѣ, о происхожденіи которыхъ онъ объясненій дать не пожелалъ. Ходятъ слухи, что оба находились въ тѣсной связи съ Москвой и что драгоцѣнности Розенблюма — на нихъ наложенъ арестъ — принадлежали, повидимому, царской семьѣ. Предстоитъ сенсационный процессъ. На улицѣ Гренелль замѣтна большая нервность“.

Костроминъ ничего не сказалъ женѣ о сообщеніи газеты. Вокругъ было такъ солнечно, такъ тихо, такъ полно было сердце свѣтлой радостью, что было просто жаль забрызгать все это грязью далекаго міра.

Она сидѣла неподвижно, прижавшись щекой къ его рукѣ, а онъ тихо и нѣжно гладилъ ея прелестную голову, въ которой уже замѣтны были рѣдкія, бѣлыя нити...

Со старыхъ каштановъ, тихо и красиво рѣя, все падали прекрасныя, рѣзные, золотые листья...

К о н е ц ъ

Вышедшія книги на русскомъ языкѣ

АЛЕКСАНДРОВЪ, В. А. проф.	„Основной курсъ электро-техники“. Часть I-ая	4.—
АМФИТЕАТРОВЪ, А.	„Лилияша“, романъ. 3 книги по	1.—
„	„Марья Лусьева“, ром. 2 кн. по	1.—
АМОРИ, графъ.	„Возвращеніе Санина“, романъ.	1.—
АНЭ, КЛОДЪ.	„Аріана“, романъ	1.—
АРЛЕНЪ, М.	„Владычица любви“, романъ.	1.—
АРЦЫБАШЕВЪ, М.	„Санинъ“, романъ, (распроданъ).	1.—
„	„Женщина, стоящая посреди“. Эротическій романъ, (распр.).	1.—
„	„У послѣдней черты“, ром. 2 кн. по	1.—
„	„Человѣческая волна“, романъ.	1.—
БЕБУТОВА, О., кн.	„Сердце царевича“, ром., (распр.).	1.—
„	„Страсть и душа“, романъ, (распр.)	1.—
„	„Чудаки“, романъ. 3 книги по	1.—
„	„Пути къ карьерѣ“, романъ. 2 книги по	1.—
„	„Золотая пыль“, романъ. 2 книги по	1.—
„	„Кто побѣждаетъ“, романъ. 2 книги по	1.—
„	„Борьба двухъ мировъ“, романъ. 2 кн. по	1.—
БЕНУА, ПЬЕРЪ.	„Прокаженный король“. Романъ, (распр.)	1.—
„	„Полнощное солнце“. Романъ.	1.—
БЕРЗИНЪ, ЮЛІИ.	„100% любви, разгула и спекуляцій“. Ром.	1.—
БОЛЬШАКОВЪ, К.	„Царь и поручикъ“. Романъ.	1.—
„	„Конецъ добровольческой...“. Романъ.	1.—
БРЕШКО-БРЕШКОВСКІИ, НИК.	„Принцъ и танцовщица“. Романъ.	1.—
БРИДЖЪ, ВИКТОРЪ.	„Человѣкъ нигде“. Ром., (распр.)	1.—
„	„Изабелла и Моли“. Романъ.	1.—
ВАНЕКЪ, КАРЕЛЬ.	„Приключенія бравого солдата Швейка въ русскомъ плѣну“. 3 книги по	1.—
ВЕРОННА, Г.	„Адъ живыхъ людей“. Романъ.	1.—
ВЫСОЦКІИ, А.	„Суббота и Воскресеніе“. Романъ.	3.—
ГАЛИЧЪ, ЮРИИ.	„Легкая кавалерія“. Повѣсти. (распр.)	1.—
„	„Волчій смѣхъ“. Повѣсти.	1.—
„	„Звѣриада“. Романъ.	2.50
ГЛАДКОВЪ, ФЕОДОРЪ.	„Цементъ“. Романъ.	1.—
ГРИБОВЪ, И. В.	„Автомобиль и управленіе имъ“.	4.—

ГУМИЛЕВСКИЙ, ЛЕВЪ.	„Собачій переулочъ“. Ром., (распр.)	1.—
ДЕКОБРА, МОРИСЪ.	„Гондола химеръ“. Романъ.	1.—
„	„Дневникъ милліардера“. Романъ.	1.—
ДОМИНИКЪ, ГАНСЪ.	„Лучи смерти“. Романъ.	1.—
ДОРЖЕЛЕСЪ, Р.	„Деревянные кресты“. Романъ.	1.—
ЕСЕНИНЪ.	„Избранный Есенинъ“. Стихи и поэмы.	1.—
ЗАПОЛЬСКАЯ, Г.	„О чемъ даже думать не хотятъ“. Романъ.	1.—
ЗОЩЕНКО, МИХАИЛЪ.	„Разказы“. П-ое изданіе.	1.—
„	„О чемъ пѣлъ соловей“. Повѣсти и	
„	разказы (распродано).	1.—
„	„Надъ кѣмъ смѣтеться“. Разказы	
„	и повѣсти, (распродано).	1.—
„	„Дни нашей жизни“. Разказы.	1.—
„	„Избранныя произведенія“.	1.—
ЗУДЕРМАНЪ, Г.	„Забота“. Романъ.	1.—
ИБАНЬЕСЪ, БЛАСКО.	„Обнаженная“. Романъ.	1.—
КАТАЕВЪ, В.	„Бородатый малютка“. Разказы.	1.—
КЕССЕЛЬ, ЖОЗЕФЪ.	„Белладонна“. Романъ.	1.—
КРАСНОВЪ, П.	„За чертополохомъ“. Романъ. 2 книги по	1.—
„	„Отъ двуглаваго Орла къ красному знамени“. Романъ въ 4-хъ томахъ по	2.50
„	„КРАСОТА И СТРАСТЬ ЖЕНЩИНЫ“. Роскошный альман.	4.—
ЛАНДСБЕРГЕРЪ, А.	„Эмиль“. Романъ. (распрод.)	1.—
ЛАУРЕНСЪ, Т.	„Сыновья и любовники“. Ром., (распр.)	1.—
„	„Флейта Аарона“. Романъ.	1.—
ЛИДИНЪ.	„Идутъ корабли“. Романъ.	1.—
ЛОККЪ, УИЛЬЯМЪ.	„Слава за любовь“. Ром., (распр.)	1.—
„	„Звѣзда моря“. Романъ.	1.—
„	„Бѣлый голубъ“. Романъ.	1.—
МАННЪ, ГЕНРИХЪ.	„Свѣтскіе люди“. Романъ.	1.—
МАРГЕРИТЪ, В.	„Тѣло твое принадлежитъ тебѣ“. Романъ	1.—
МАРЛИТЪ, Е.	„Тайна старой дѣвы“. Романъ.	1.—
МАЯКОВСКИЙ.	„Избранный Маяковскій“. Стихи.	
НАГРОДСКАЯ, Е.	„Гнѣвъ Діониса“. Романъ.	1.—
„	„Бѣлая колоннада“. Романъ.	1.—
НАВАЛЬ, В.	„Кисметъ“. Романъ	1.—
„	„Илона“. Романъ.	1.—
НЕВѢРОВЪ, А.	„Ташкентъ, городъ хлѣбный“.	1.—
ОГНЕВЪ, Н.	„Дневникъ Кости Рябцева“, (распр.).	1.—
„	„Костя Рябцевъ въ Вузѣ“.	1.—

- ОПЕНГЕЙМЪ, ФИЛИППЪ. „Принцъ Майо“. Романъ
ОРЧИ, баронесса. „Глаза голубые и сѣрые“. Романъ.
ПАНТЕЛЕЕВЪ и БѢЛЫХЪ. „Республика безпризорныхъ“.
(Романъ изъ сов. быта).
ПИЛЬСКИЙ, ПЕТРЪ „Затуманившійся міръ“.
ПИТИГРИЛЛИ. „Кокаинъ“. Романъ.
„ „ „Восемнадцатикаратовая дѣвственность“.
ПРЕВО, МАРСЕЛЬ. „Дѣвственный мужчина“. Романъ.
РЕМАРКЪ, ЭРИХЪ. „Мансарда сновъ“. Романъ.
РОЛЛАНЪ, РОМЕНЪ. „Мать и сынъ“. 2 книги по
РОМАНОВЪ, ПАНТЕЛ. „Право на любовь“. Разск. (распр.)
„ „Русь“. Ром. въ 3 ч., 3 книги (распр.) по
„ „Арабская сказка“. Повѣсти и рассказы.
„ „Огоньки“. Повѣсти и рассказы.
РЭТКЛИФЪ, СЭРЪ ДЖОНЪ. „Роковый бриллиантъ дома
Романовыхъ“. Романъ.
СЕЙФУЛИНА, ЛИДІЯ. „Перегной“. Повѣсти.
СЕРАО МАТИЛЬДА. „Прощай, любовь“. Романъ.
ТВЕРЯКЪ, АЛЕКСѢЙ. „Передѣлъ“. Романъ.
ТОЛСТОЙ, АЛЕКСѢЙ. „Хожденіе по мукамъ“. Ром. (распр.)
УНДСЕТЪ, СИГРИДЪ. „Іенни“. Романъ. II изданіе.
„ „Весна“. Романъ (распр.).
„ „Обездоленные“.
„ „Гимнаденія“. Романъ. 2 книги по
„ „Любовь отзвучала“. Романъ.
„ „Гарриетта Вогъ“. Романъ.
УЭДСЛИ, ОЛИВІЯ. „Похищенные часы счастья“. Романъ.
„ „Ты и я“. Романъ (распр.).
УЭЛЛСЪ, ГЕРБЕРТЪ. „Сонъ“. Романъ.
ФАРЕРЪ, КЛОДЪ. „Послѣдняя любовь маркизы“. Романъ.
ФЕЛИСЬЕ, КЛОДЪ. „Похищеніе генерала Кутепова“. Ром.
ФИЛПОТЪ, И. „Рыжіе братья“. Романъ.
ХАШЕКЪ, ЯРОСЛАВЪ. „Приключенія бравата солдата
Швейка“. 3 книги (распр.).
ЦВЕЙГЪ, СТЕФАНЪ. „Гибель сердца“. Новеллы (распр.).
„ „Фантастическая ночь“. Новеллы (распр.).
„ „Незримая коллекція“. Новеллы.
„ „Роковыя мгновенія“.
ЭРЕНБУРГЪ, ИЛІЯ. „Въ проточномъ переулкѣ“ (распр.).

По примѣру предыдущихъ лѣтъ постояннымъ нашимъ читателямъ цѣнная премія.

Несмотря на крайнюю дешевизну нашихъ изданій, постояннымъ нашимъ читателямъ и подписчикамъ и въ этомъ году будетъ выдана бесплатная премія, роскошно изданный и содержательный трудъ извѣстныхъ сексуаль-патологовъ:

**Куртъ Морекъ, Отто Сойна
и докторъ Альфредъ Киндъ**

ТЕХНИКА СЛАДОСТРАСТІЯ

Книга эта, изданная въ Германіи, а нынѣ переведенная на рядъ языковъ, является единственнымъ въ своемъ родѣ по полнотѣ трудомъ, превосходя по научной обоснованности и доступности изложенія труды *Ванз де Вельде*.

Означенный трудъ несомнѣнно явится настольной книгой для всякаго, живущаго сексуальной жизнью и пытающагося познать ее въ самыхъ сокровенныхъ формахъ и проявленіяхъ.

Изданіе наше явится единственнымъ въ своемъ родѣ и будетъ содержать множество иллюстрацій *вз текстъ, а также многокрасочныхъ приложений*, отпечатанныхъ на желовой бумагѣ лучшаго качества, и явится однотипнымъ съ нѣмецкимъ роскошнымъ изданіемъ.

Цѣна этой книги устанавливается примѣрно въ

6 — 8 латъ

Каждый читатель, предъявившій всѣ купоны отъ

№ 1 по № 24

напечатанные въ нашей серіи „Библиотека новѣйшей литературы“

ОТЪ № 97 по 120

получаетъ эту книгу *бесплатно*.

Собирайте наши купоны для полученія премій. Въ каждой книгѣ одинъ купонъ.

Цѣль нашихъ премій возбудить интересъ къ хорошей книгѣ.

Преміи выдаются въ конторѣ нашего издательства, а также и у нашихъ иногороднихъ и иностранныхъ представителей.

Ежемесячно выходятъ 2 книги — 5-го и 20-го числа.

КУПОНЪ

для полученія премій за 1931
абонементный годъ

№ 18

Къ роману *Ив. Наживина*
„Большевикъ“.

См. наши преміи на предыдущей страницѣ